アクセル
ワールド
01
黒雪姫の帰還
川原 礫
イラスト／HIMA
accel World
電撃文庫

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Харуюки - мальчик с избыточным весом, недавно поступивший в среднюю школу. У него типичные для толстого ребенка проблемы: заниженная самооценка, издевательства одноклассников и так далее. Его единственная отдушина - виртуальный мир, где неуклюжее реальное тело не мешает быстрой реакции мозга. В школьной сети он играет в сквош, и его невероятные результаты замечает первая красавица школы Черноснежка. Она предлагает Харуюки открыть для себя иной мир, где скорость мысли и воля сражаться определяют все.

-
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Послесловие автора
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19

○ 20
○ 21

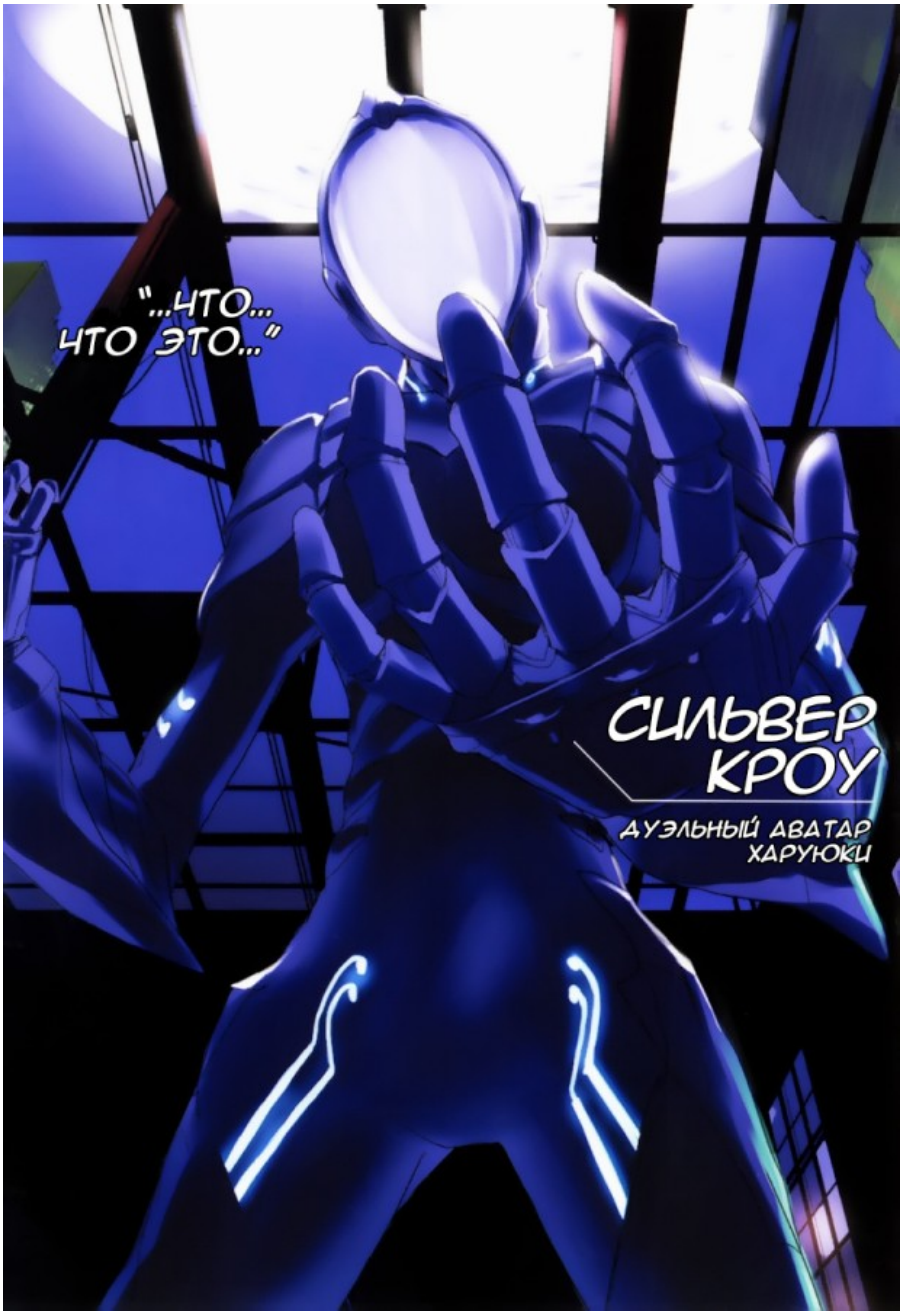
Перевод с английского языка – Ushwood
Бета-редактирование – Danholm
Русифицированные иллюстрации – Danholm
Любое коммерческое использование данного текста или его фрагментов запрещено

アクセル・ワールド 01
黒雪姫の帰還
川原 礫
イラスト／HIMA
デザイン／ビィビィ

"ТЫ ХОЧЕШЬ... "УСКОРИТЬСЯ" ЕЩЕ СИЛЬНЕЕ, МАЛЬЧИК?"
"ЭТО ЖЕ..."
РОЗОВЫЙ ПОРОСЕНОК
АВАТАР ХАРУКИ, ШКОЛЬНОГО ИЗГОЯ
ЧЕРНОСНЕЖКА
АВАТАР ВИЦЕ-ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СТУСОВЕТА

"А ПРАВДУ ГОВОРЯТ, ЧТО У ТЕБЯ БЫЛО ПРЯМОЕ СОЕДИНЕНИЕ С ЧЕРНОСНЕЖ-КОЙ-САН ИЗ ВТОРОГО КЛАССА?"
"ЧЕГО?! ОТК-КУДА..."
ТИЮРИ
ДАВНЯЯ ПОДРУГА ХАРУЮКИ

!?
!?
"ЕСЛИ КОРОТКО – Я ЕМУ ПРИЗНАЛАСЬ, А ОН МНЕ ОТКАЗАЛ".


"...ЧТО... ЧТО ЭТО..."
СИЛЬВЕР КРОУ
ДУЭЛЬНЫЙ АВАТАР ХАРУЮКИ

СИАН ПАЙЛ
ТАИНСТВЕННЫЙ ВРАГ
"Я ЗАЩИЩУ ТЕБЯ. Я ОБЯ-ЗАТЕЛЬНО ЗАЩИЩУ ТЕБЯ".

ХАРУЮКИ — ЭТО...

«Розовый поросенок» в локальной сети средней школы Умесато

«Харуюки Арита» в реальном мире

«Сильвер Кроу» в ускоренном мире

Глава 1

В верхнем правом углу виртуальной доски замигала желтая иконка входящего сообщения.

Харуюки, думавший во время урока о своем, невольно втянул голову в плечи и сфокусировал взгляд.

Тут же темно-зеленая доска, заполняющая все поле зрения, стала полупрозрачной, а спины сидящих за партами учеников и учитель впереди, наоборот, обрели четкость.

Кабинет, одноклассники и учитель существовали в реальном мире, в отличие от прозрачной доски, густо исчерканной математическими формулами. Цифры и формулы учитель выписывал прямо в воздухе; они отправлялись в нейролинкер на шее у Харуюки, а потом прямо в мозг, где и преобразовывались в изображение.

Пожилой учитель математики хитрым образом двигал пальцами, в которых ничего не было, по доске, которая существовала лишь для него одного, и тихим голосом объяснял формулу. Слишком тихим, чтобы его мог слышать Харуюки в реальном мире; но нейролинкер на шее учителя увеличивал громкость и четкость и уже в таком виде отсылал голос в нейролинкеры учеников.

Харуюки вновь сфокусировал зрение перед собой, и доска, на которой было еще больше цифири, чем раньше, опять стала непрозрачной. Значит, входящее сообщение вряд ли было заархивированным файлом с домашкой, посланным учителем. Это значит – поскольку Харуюки сейчас был отключен от Глобальной сети, – отправителем был кто-то из учеников той же школы.

Какая-нибудь девушка, нарушившая школьные правила и написавшая ему что-то приятное… такого рода ожидания он отбросил уже давно, через полгода после поступления в среднюю школу. Харуюки серьезно подумывал просто отправить мэйл в корзину, расположенную в левом углу поля зрения; однако, если он так сделает, кто знает, чем это для него обернется.

Не очень-то желая открывать мэйл, все же он дождался, пока учитель отвернется, поднял правую руку (настоящим, не виртуальным движением) и прикоснулся пальцем к иконке сообщения.

Тут же – «Бу-би-ба-бо-ро-бу-би-ро!» – по ушам Харуюки ударил неразборчивый звук, а по глазам – фон цвета крови. В теле письма вместо текста оказалось звуковое сообщение.

«Свинтус-кун, сегодня приказываю тебе команду! (На заднем

плане: "Гя-ха-ха!") Две булки с якисобой[1], одну с дынным повидлом, три клубничных йогурта, всё отнести на крышу в течение пяти минут после начала большой перемены! Опоздаешь – мы из тебя котлету сделаем! Будешь болтать – сделаем жареную отбивную! (Снова ржач на заднем плане.)»

…Ощутив на левой щеке липкий взгляд, Харуюки собрал волю в кулак и обернулся. Ну конечно, этот издевательски-угрожающий мэйл послали Арая и его прихвостни А и Б.

Составить такое сообщение со всеми звуковыми и визуальными эффектами во время урока, разумеется, невозможно, так что они наверняка сделали это заранее. Что за ленивый сброд… а «приказываю команду» – вообще тавтология, идиоты!!!

Харуюки принялся издеваться над ними – мысленно, конечно; произнести это вслух или отправить ответным мэйлом он не мог. Если Арая – идиот, который, как таракан, не вымрет, как бы далеко ни зашла эволюция, то Харуюки, жертва его постоянных издевательств – тем более дурак.

Вообще-то, если бы у Харуюки было чуть-чуть смелости и силы воли, он мог бы воспользоваться этим мэйлом и множеством других «улик», которые у него накопились, – собрать их и передать руководству школы; тогда тех гадов наверняка бы наказали.

Однако Харуюки не мог выкинуть из головы мысли о том, что будет дальше.

Нейролинкеры сейчас распространены повсеместно – их в стране уже по штуке на человека; говорят, что в виртуале проходит половина жизни. Однако при всем при том человек по-прежнему обременен «физическим телом» и продолжает существовать на низменном уровне. Трижды в день он чувствует голод; ему приходится ходить в туалет; и – когда человека бьют, ему больно, а плакать от боли – ужаснее, чем смерть.

«Умение обращаться с линкером определяет успехи в школе и вообще карьерный рост»… подобные разговоры – всего лишь лозунги крупных сетевых компаний. В конечном итоге ценность человека определяется такими примитивными показателями, как внешние данные и физическая сила.

К такому выводу Харуюки пришел еще будучи пятиклассником начальной школы, ребенком, весящим за 60 килограммов и неспособным пробежать полсотни метров быстрее десяти секунд; сейчас ему было уже 13, и этот вывод ничуть не изменился.

Каждое утро перед школой мать заряжала в нейролинкер Харуюки 500 иен на обед, но все эти деньги уходили на булки и

напитки для компании Араи. У Харуюки были сбережения, около 7000 иен, но если он их потратит, то не сможет купить игру для нейролинкера, которая выйдет в следующем месяце.

Полный организм Харуюки отличался необычайно высоким расходом топлива; стоило ему всего один раз пропустить завтрак, обед или ужин, как у него начинала кружиться голова. Однако сегодня придется терпеть. Зато на большой перемене он сможет наконец уйти в Полное погружение.

Стараясь казаться как можно меньше, Харуюки направился ко второму учебному корпусу, где располагались кабинеты со специальным оснащением. Поскольку в наши дни занятия вроде физических опытов и уроков готовки проводятся виртуально, все эти кабинеты никому не нужны, так что сюда мало кто ходит. Тем более на большой перемене – сейчас тут не было ни души.

Из пыльного коридора можно было попасть в мужской туалет – персональное убежище Харуюки. Вбежав туда, он остановился, чтобы перевести дух, и глянул в зеркало над раковиной.

В затуманенном зеркале отразился типичный персонаж телевизионной драмы – «толстый ребенок, изгой класса».

Торчащие во все стороны непослушные волосы; округлое лицо без острых углов. Галстук школьной формы и серебряный нейролинкер впиваются в жирную шею, точно пытаясь задушить своего владельца.

Пытаясь сделать что-то со своей внешностью, Харуюки как-то перешел на диету с почти полным отсутствием пищи и одновременно начал бегать как сумасшедший. В результате как-то раз во время большой перемены он упал в обморок от анемии, опрокинув заодно бэнто[2] нескольких одноклассниц; это породило ужасную легенду.

После того случая Харуюки решил махнуть рукой на реального себя – по крайней мере до конца школы.

Он отвел взгляд от зеркала через 0.1 секунды, потом направился вглубь туалета и зашел в кабинку. Заперев дверь, опустил сиденье унитаза и сел. К тому, что пластик врезается снизу в кожу, он уже привык. Прислонившись спиной к сливному бачку, Харуюки расслабился и закрыл глаза.

Потом он продекламировал, словно заклинание, высвобождающее душу из оков тела:

– Директ линк[3].

Как только нейролинкер получил голосовую команду, уровень квантового соединения повысился от «аудиовизуального» до «всех 5 чувств». Ощущение веса тела, бурчание голодного желудка – все это пропало.

Исчез и твердый пластик сиденья унитаза, и давящая

школьная форма. Веселые крики школьников во дворе, запах чистящего средства, дверь прямо перед Харуюки – все растворилось в черноте. «Полное погружение».

Даже сила тяжести исчезла; Харуюки провалился в черную бездну.

Однако вскоре его всего окутало мягкое ощущение полета и радужный свет. Начиная с кончиков ступней и ладоней, стал формироваться аватар, используемый Харуюки при Полном погружении.

Черные ступни и ладони, похожие на копытца. Пухлые руки-ноги, округлое тело ярко-розового цвета. Сам он этого не видел, но посреди лица был плоский пятачок, а на голове обвислые уши. Иными словами – розовый поросенок.

Комичный аватар шмякнулся на землю посреди полянки в сказочном лесу (дизайн которого, впрочем, был одобрен исследователями в области образования).

Повсюду росли гигантские грибы, ослепительный солнечный свет лился на поросшую травой круглую поляну, в центре которой бил кристально-чистый родник.

На краю поляны одно на другом лежали гигантские кольца, образуя нечто вроде дерева с полым стволом; отдельные кольца соединялись между собой лестницами. Предназначалось это все для досуга.

Так выглядит виртуальное пространство локальной сети средней школы Умесато (район Сугинами-ку), в которую ходит Харуюки.

В лесу гуляли группками по двое-трое, беседовали и смеялись аватары, в основном нечеловеческие. Где-то половина – комичные звери на задних лапах, остальные – крылатые (хотя и нелетающие) феи, металлические роботы и волшебники в мантиях. Все эти аватары принадлежали ученикам и преподавателям средней школы Умесато, ныряющим в локальной сети.

Аватар школьника разрешено брать из любых источников, вдобавок его можно как угодно модифицировать. Если хватит настойчивости, можно даже воспользоваться имеющимся редактором и создать оригинальный аватар с нуля. Конечно, это всего лишь мастерство и чувство вкуса ученика средней школы, но тем не менее самодельный черный рыцарь Харуюки, дебютировавший в апреле[4], привлек к себе массу внимания.

…То было лишь краткое мгновение славы. Харуюки вздохнул и посмотрел на свой нынешний аватар. Он и глазом не успел моргнуть, как Арая захапал черного рыцаря себе и заставил Харуюки использовать имеющегося в списке готовых аватаров

поросенка.

Естественно, розовый поросенок ничуть не уступал черному рыцарю в том смысле, что он тоже был уникален, – потому что никто не хотел брать себе такое неприкольное тельце. Как и в реале, Харуюки сжался, стараясь казаться как можно меньше, и трусцой побежал к дереву.

Вдруг он заметил приличную толпу, собравшуюся возле родника. На бегу он всмотрелся, и его ноги сами собой замедлились. В середине кучки учеников он увидел аватар из тех, какие не каждый день встречаешь.

Этот был уж точно не из списка готовых аватаров. Угольно-черное платье, украшенное прозрачными драгоценными камнями. Черный зонт в руках. За спиной черные крылья бабочки-парусника с радужными разводами.

Белоснежное лицо, отчасти заслоненное длинными прямыми волосами. Все вместе обладало такой совершенной красотой – не верилось, что это рукотворное. Харуюки вряд ли мог бы посоперничать в искусстве дизайна с автором этого аватара – тут был уровень профессионала.

Небрежно прислонившись стройным телом к ножке гигантского гриба, девушка с апатичным видом слушала треп окружающих аватаров. Харуюки знал ее – она училась во втором классе и была вице-председателем студсовета. Самым удивительным было то, что этот прекраснейший аватар практически идеально копировал реальную девушку; именно поэтому все звали ее –

«Snow Black». «Чернoснежка»[5].

Такое создание – и он, Харуюки. Единственное, что между ними было общего, – они оба учились в средней школе Умесато; и то ему казалось, что это неправда. При виде ее виртуального облика Харуюки ощутил, как собственная ничтожность терзает его все сильнее, так что он с усилием повернул голову и стал смотреть перед собой.

Местом назначения, куда он сейчас бежал со всех ног, было дерево с многочисленными комнатами для досуга, проще говоря – игровой центр. Ну, конечно, продающихся на рынке игр – ролевушек, там, или экшенов – здесь не найти. Дерево было напичкано играми-головоломками, викторинами и прочими обучалками, а также здоровыми спортивными играми; тем не менее там тусовалось множество учеников – их веселые возгласы доносились отовсюду.

Ныряют они, как правило, из-за собственных парт в классе или из школьной столовки. Их реальные тела все это время совершенно беззащитны. Над человеком, который находится в

Полном погружении, обычно не подшучивают – это считается дурными манерами; единственным, к кому это не относилось, был Харуюки. Однажды, когда он нырнул в локальную сеть из кабинета, по возвращении он обнаружил, что с него стянули брюки. С его поступления в школу еще и месяца не прошло.

Спрятав реальное тело в туалете, скрывшись с глаз людских в виртуальном пространстве, он стал подниматься по ступеням в стволе дерева. Чем выше располагались комнаты, тем менее популярные игры там находились.

Харуюки пробежал мимо бейсбола, баскетбола, гольфа, тенниса, проигнорировал футбольный этаж и добрался наконец до уголка виртуального сквоша.

Здесь не было ни души. Причина непопулярности сквоша была очевидна. Он похож на теннис, но здесь приходится отбивать мяч ракеткой в прямоугольной комнате с твердыми стенками – молча бить и бить по отскакивающему от стенок мячику. Очень скучный спорт.

Вообще-то любимыми играми Харуюки были FPS[6], где он носился по полю боя с пулеметом; в этом жанре его мастерство было выше среднего даже по меркам американцев. Конечно, этот жанр популярен и в Японии, но в школьной сети такого рода игр быть просто не могло. И еще: в начальной школе он как-то раз играл с одноклассниками и с одним пистолетиком перестрелял почти всех – а на следующий день над ним так поизмывались, что до сих пор ему было больно при воспоминании об этом. Тогда Харуюки поклялся никогда в жизни не играть в игры – неважно, какого жанра, – с одноклассниками.

Харуюки подошел к правой стенке пустой площадки и прикоснулся рукой к панели управления. Ввел свой идентификационный номер, и перед ним высветился его сохраненный уровень и рекордное число очков.

Во время первого семестра Харуюки бОльшую часть обеденного времени убивал здесь, в игре. В результате его личный рекорд достиг потрясающей величины. Игра уже начала ему наскучивать, но больше податься было некуда. Розовая правая рука с черным копытцем крепко ухватила ракетку, выплывшую из панели.

«Старт» – и в воздухе из ниоткуда появился мяч. Харуюки ударил по нему ракеткой, вложив в удар всю силу, всю свою сегодняшнюю депрессию.

Ярко вспыхнув, мяч полетел, как лазерный луч, ударился о пол, о переднюю стену и вернулся. Реакция Харуюки была быстрее зрения; мозг автоматически выдал оптимальное решение, тело сделало шаг влево и ударило бэкхендом.

Реальный Харуюки, конечно, так двигаться не мог. Но здесь был электронный мир, здесь Харуюки был свободен от грубых ограничений плоти. Восприятие мяча, движение тела – все это лишь обмен квантовыми сигналами между мозгом и нейролинкером.

Постепенно мяч перестал быть материальным объектом, растворился в светящихся траекториях. «Пон-пон» раздавалось уже по многу раз за секунду, как автоматная очередь. И все же поросячий аватар Харуюки с легкостью прыгал туда-сюда, и его ракетка была повсюду.

Черт – нафига мне вообще реальность?

Его сознание боролось с игрой на пределе своих возможностей, и, по идее, ему должно было быть не до этого; однако разум все равно возмущенно кричал.

Кому вообще нужно это дерьмо – реальная школа, реальные классы? Человек может просто жить в виртуале, и среди взрослых полно людей, которые так и делают. Раньше были эксперименты, когда сознание людей целиком переносилось в цифровой код, и они строили настоящие иные миры.

Однако, чтобы учить детей жить в обществе, воспитывать в них чувства, и по разным другим идиотским причинам их бросают в клетку реальности вместе. Для людей вроде Араи это, может, и нормально – так они могут сбрасывать стресс и заодно экономить карманные деньги. А для меня… кроме вот этого, что я могу?

Раздалось «пипон!», и уровень игры в уголке поля зрения Харуюки подрос на единичку.

Скорость мяча стала еще выше. Он стал отражаться под неправильными углами, его атаки шли по непредсказуемым траекториям.

Реакция Харуюки постепенно стала запаздывать.

Быстрее – еще быстрее!

Виртуальный мир, реальный мир, прорваться через все стены, отправиться туда, где никого…

Быстрее!

Ракетка рассекла воздух. Мяч, превратившийся в свет, скользнул по щеке Харуюки, пролетел мимо и исчез. С грустным и одновременно комичным звуковым эффектом слова «Конец игры» упали с потолка и отскочили от пола площадки.

Не глядя на табличку с рекордами, Харуюки вяло направился к панели управления, чтобы начать игру заново.

Вдруг его убежище сотряс возглас:

– Ага! Вот ты где прячешься!!!

Пронзительный выкрик парализовал его уши – да нет, весь мозг. Вздрогнув, Харуюки напряженно обернулся. Перед ним

стоял школьный аватар, тоже в виде зверя.

Впрочем, в отличие от поросенка Харуюки, в нем не было ни капли комичности. Стройная и грациозная кошка с фиолетово-серебряным мехом. На ушах и кончике хвоста темно-синие банты. Этот аватар не был создан из полигонов с нуля, но над готовой моделью изрядно поработали.

В золотых глазах плавали гневные огоньки. Кошачья пасть с множеством мелких зубиков открылась и вновь прокричала:

– Хару в последние дни вечно исчезает во время больших перемен, так что я пошла тебя искать! Игры – это хорошо, но зачем играть в эту ерундень, пошли вниз, играть со всеми!

– …Не твое дело, оставь меня в покое.

Сказав в ответ единственное, что он мог, Харуюки вновь повернулся лицом к площадке. Однако серебряная кошка, вытянув шею, глянула на дисплей с надписью «Конец игры» и взвизгнула:

– Ой, что это… Уровень 152, счет 2630000?! Ты…

…«просто супер!»

Стыдно признать, но Харуюки какое-то мгновение надеялся на подобные слова, но кошка бесцеремонно предала его ожидания.

– …идиот, что ли?! Чего ты тут делаешь, даже не пообедал ведь! А ну быстро вышел отсюда!!!

– …Ну уж нет, до конца перемены еще полчаса. Это ты иди куда-нибудь.

– Понятненько. Если ты так, придется применить силу.

– Сколько угодно.

Пробормотав эти слова, Харуюки снова сжал в руках ракетку. Аватары в школьной сети не обладают функцией «детектирования ударов». Во избежание противоправных действий аватары учеников вообще не могут друг к другу прикасаться. Заставить другого разлогиниться – даже не обсуждается.

Кошачий аватар показал язычок, а потом выкрикнул:

– Линк аут!

И тут же, оставив позади себя световой вихорек и звук, похожий на звон колокольчика, кошка исчезла.

Наконец-то эта шумная оставила меня в покое. Харуюки коротко выдохнул через нос, прогоняя легкое чувство одиночества – и вдруг.

БАММ! Что-то обрушилось ему на голову, и окружающая картина тут же исчезла. Из темноты, испещренной пятнышками света, он вернулся в реальный мир.

Ощущая полный вес своего тела, Харуюки заморгал и сфокусировал глаза на том, что перед ним.

Вообще-то это кабинка в мужском туалете. Однако вместо сине-серой двери Харуюки увидел нечто, чему тут быть не полагалось.

– Ты… как?!.

Прямо перед ним с гордым видом стоял ученик женского пола. Цвет банта на блейзере показывал, что его обладательница тоже учится в первом классе.

Она была маленькая, раза в три легче Харуюки. Короткую челку справа удерживала синяя заколка. Непропорционально большие, похожие на кошачьи глаза сердито смотрели на Харуюки.

В левой руке она держала корзиночку, правая, сжатая в кулачок, нависала над головой Харуюки. Лишь тут он наконец понял, почему его внезапно вышвырнуло из Полного погружения. Эта девушка стукнула его кулаком по голове, от удара сработал предохранитель нейролинкера и автоматически прервал погружение.

Обычно уровень безопасности выставляют так, чтобы погружение прерывалось от потряхивания за плечо или громкого крика, но некоторые особо боязливые девушки настраивают его на выход при приближении кого-либо на метр. Харуюки же не заметил вторжения в кабинку, пока его не стукнули по голове, потому что выставил уровень безопасности на минимум – раз он прячется от всех в туалете, больше ему и не требовалось.

– Ах ты!!! – пораженный и рассерженный, Харуюки заорал на единственную девушку в школе, с которой он мог говорить, не ударяясь в панику. – Ты что вообще делаешь! Это же мужской туалет! И дверь была заперта… дура!!!

– Сам дурак, – обиженно ответила девушка.

Эта сильная особа в юбке, которая перелезла через стенку кабинки мужского туалета, – Тиюри Курасима; с ней Харуюки дружил с детства. Отведя правую руку от его головы, она отперла дверь за своей спиной.

Изящным движением Тиюри выпорхнула из кабинки. От солнечных бликов на ее каштановых волосах Харуюки прищурился. Тиюри наконец улыбнулась и добавила:

– Ну выходи уже.

– …Понял, понял.

Подавив вздох, Харуюки встал; сиденье унитаза скрипнуло. Идя за направляющейся к выходу из туалета Тиюри, он спросил ей в спину:

– …Откуда ты знала, что я здесь?

Ответ последовал не сразу. Тиюри сперва высунула голову в коридор, чтобы убедиться, что там никого нет, потом

выскользнула из туалета и лишь тогда скованно произнесла:

– Я тоже была на крыше. И потом пошла за тобой.

Это значит –

– …Значит, ты видела, – прошептал Харуюки, сделав шаг из туалета в коридор и остановившись.

Тиюри как будто пыталась найти правильные слова; она прислонилась к противоположной стене коридора и наконец кивнула.

– …О тех типах я ничего не буду говорить. Раз Хару решил, что это нормально… У меня нет выбора. Но ты должен пообедать. Иначе это вредно для организма.

Натянуто улыбнувшись, Тиюри протянула корзинку, которую держала в левой руке.

– Я сделала бэнто. Правда, не обещаю, что получилось вкусно.

…*Какой позор,* подумал Харуюки.

Его сердце пытается отыскать в словах и поступках Тиюри что-то, помимо сочувствия; это само по себе позорно.

Потому что у Тиюри есть парень. Их с Тиюри друг детства и во многих отношениях полная противоположность Харуюки.

Рот Харуюки раскрылся по собственной воле, и из него вырвался странный монотонный голос.

– …Остатки того, что ты сделала для Таку?

Лицо Тиюри разом помрачнело, она подняла брови. Не в силах смотреть ей в лицо, Харуюки отвернулся и поглядел вдоль коридора.

– Неправда, Так-кун покупает школьный обед. Вот… сэндвичи с картофельным салатом, ветчиной и сыром. Твои любимые, да?

Харуюки вытянул правую руку и отпихнул придвинутую к нему белую корзиночку.

Однако тормознутое реальное тело не желало слушаться нормально; нечаянное резкое движение выбило корзинку из руки Тиюри. При падении корзинка открылась, из нее выпали два обернутых голубым кухонным пергаментом треугольных сэндвича и развалились.

– Ах…

Харуюки тут же захотелось извиниться, но в груди стало горячо, и слова, которые он должен был произнести, отказались обретать форму. Не в силах поднять головы, он, съеживаясь, отступал; наконец он развернулся, выпалив:

– Не хочу я их!!!

Больше всего ему хотелось разлогиниться отсюда прямо сейчас, но, разумеется, это было невозможно. По крайней мере ему надо было сбежать, однако тело стало невероятно тяжелым, и

убежать от тихого голоса, доносящегося сзади, он не мог.

В самом отвратительном настроении он пересидел остальные уроки и классный час, после чего выскочил из кабинета.

Он отмел внутренний голос, который нашептывал, что надо бы найти Тиюри в классе через два кабинета от его (или перед школой, или на пути домой) и извиниться; вместо этого он направился во второе свое убежище – библиотеку.

В принципе, польза от таких мест, как библиотека, давно уже сошла на нет. Однако кто-то из взрослых решил, что в школе детям нужны бумажные книги, по которым можно учиться; были потрачены ресурсы и квадратные метры, и в итоге на полках выстроились новенькие книжки в твердых переплетах.

Главным образом благодаря этому у Харуюки в школе было место для личной жизни, так что ему грех жаловаться. Взяв для отвода глаз две книжки, он отправился в кабинку возле стены, вжался в тесное креслице и тихим голосом, едва воспринятым нейролинкером, скомандовал Полное погружение.

Поскольку уроки закончились лишь несколько минут назад, в школьной сети было тихо. Надо побыстрее отправиться в свое виртуальное укрытие; Харуюки быстро пересек поляну и поднялся на дерево.

Конечно, в уголке виртуального сквоша никого не было. Откровенно говоря, Харуюки не хотелось тупо лупить по мячику – ему хотелось ввязаться в кровавую драку, где он смог бы быстро избавиться от неприятного ощущения в груди; однако без подключения к Глобальной сети, к тому же на территории школы, где такого рода игры были запрещены, это желание было заведомо невыполнимо.

Пустой живот возмущался; однако, несмотря на все это, идти домой прямо сейчас Харуюки не хотел. Если по дороге домой он наткнется на Тиюри… он понятия не имел, как на нее смотреть и какие слова говорить. Нет, простого извинения должно быть достаточно, но он был абсолютно не уверен, что рот его послушается.

…*Все как тогда.*

В прошлом он когда-то тоже расстроил Тиюри, как сейчас. Вспомнив тот раз, Харуюки зажмурился. Потом протянул руку к панели управления и залогинился.

Нашарив ракетку, сжал ее рукой и развернулся лицом к площадке.

Лишь после этого он открыл глаза и приготовился вмазать по мячу, вбить в него все свое мрачное настроение –

Внезапно он застыл.

– Уровень… 166?!

Всего несколько часов назад он сам повысил свой уровень, а теперь добавилось еще больше десятка.

Как – счет же сохраняется под личным идентификатором ученика – но тут же он понял. Он же тогда экстренно разлогинился, потому что Тиюри стукнула его по голове, и игра не была завершена. В таком случае кто-то вполне мог продолжить игру и улучшить счет. Но.

Кто, кроме него самого, способен набрать такие невообразимые очки?!

До сих пор остатки гордости Харуюки держались на его мастерстве в VR-играх в Полном погружении. Разумеется, викторины и настолки, где все решают знания, не в счет; но в играх на реакцию вроде стрелялок или гонок, он был уверен, во всей школе ему нет равных.

Это не было хвастовство. Он не выделялся из толпы лишь потому, что в начальной школе ему был преподан чертовски болезненный урок. Доказательств не было, но все уперлось в ту же мысль – кто мог набрать в сквош такие ужасающие очки…

И тут.

За его спиной раздался голос. Женский голос, но он принадлежал не Тиюри. Заметно ниже, чем у нее, и гладкий как шелк.

– Эти абсурдные очки набрал ты?

В страхе Харуюки обернулся и посмотрел на стоящий перед ним аватар.

Темное с серебряными вкраплениями платье. Зонт, опертый об пол, как посох, а может, как меч. Идеально белая кожа, угольно-черные глаза… Черноснежка.

Хоть она и была аватаром, от нее не исходило ощущения искусственности. Девушка ослепительной красоты, самая знаменитая персона в школе, чуть склонила голову и бесшумно шагнула вперед.

Легкая улыбка появилась на алых губах (единственной цветной части ее тела), и Черноснежка продолжила:

– Ты хочешь… «ускориться» еще сильнее, мальчик?

После паузы она добавила:

– Если хочешь, приходи в школьную рекреацию завтра на большой перемене, – и тут же разлогинилась.

Ее аватар был в поле зрения Харуюки меньше десяти секунд. Может, это баг сервера локальной сети? Если это была не иллюзия, то только что произошло нечто, что не повторится и за тысячу лет. Однако же астрономический счет, парящий над площадкой, был реален.

Харуюки потерял всякое желание гнаться за новыми

рекордами, так что он вышел из погружения и просто сидел в кабинке, глядя в пространство. В ушах бесконечно крутились три услышанных им фразы. Манера речи Черноснежки была не такая, как у других учениц средней школы; столь ошеломляющей ауры, смешанной с ощущением беспокойства, тоже ни у кого не было. Отчасти поэтому она пользовалась столь невероятной популярностью не только среди парней, но и среди девушек.

В конце концов Харуюки вышел из школы и почти на автопилоте засеменил домой. Если бы нейролинкер в аудиовизуальном режиме не предупреждал его о машинах, два-три раза его бы точно сбили.

Вернувшись в свою пустую квартиру (он жил в высотке в Коэндзи), Харуюки разогрел замороженную пиццу и умял ее с газировкой. Его родители давно развелись; он жил с матерью, но она должна была вернуться домой только после полуночи; Харуюки вообще виделся с ней лишь по утрам, перед школой, когда она давала ему деньги на обед.

Набив живот фастфудом, Харуюки вернулся к себе в комнату. Обычно он по вечерам гулял по Глобальной сети, потом несколько часиков дрался на европейских игровых серверах, затем остаток сил пускал на домашку и наконец ложился спать; но сегодня ему вообще ничего делать не хотелось.

Слишком много всего произошло за день; голова казалась тяжелой, распухшей. Харуюки переоделся, снял нейролинкер и тяжело бухнулся на кровать.

Хотелось бы ему сказать, что сон его был мирным, но, увы, во сне раз за разом повторялись насмешки Араи и компании, слезы Тиюри и загадочные слова Черноснежки; Харуюки ворочался всю ночь.

«Ты хочешь – "ускориться" еще сильнее?»

Во сне вместо аватара Черноснежки ему являлась настоящая фигура вице-председателя студсовета. Он ее вживую вообще не видел, кроме как на сцене во время вступительной церемонии, где ее лицо было неприступным и бесстрастным; почему же во сне она улыбалась, как дьяволенок, приглашая Харуюки куда-то, и шептала ему на ухо «иди ко мне»?

Глава 2

Да, все было сном. Включая вчерашнюю встречу в локальной сети.

Эта мысль вертелась в голове у Харуюки на следующий день, в среду, когда он с обычным своим унылым видом пришел в школу.

На уроке было полное дежа вю – снова мэйл с угрозами от Араи и компании. Впервые они выбивали из него обед два дня подряд; как и вчера, требовали две булки с якисобой и одну с дынным повидлом. *Обожают они их, что ли* – с этой мыслью Харуюки закрыл мэйл и, как только прозвучал звонок на большую перемену, сразу вышел из класса.

На непослушных ногах он направился вовсе не на крышу, куда его вызвала компашка Араи, а на первый этаж учебного корпуса, где рядом со школьной столовой располагалась рекреация.

Полукруглый зал рекреации, в отличие от столовой с ее дешевыми длинными столами, был уставлен изящными белыми круглыми столиками. За выходящим во двор большим окном, благодаря которому в рекреации было светло, виднелись раскрашенные осенью деревья. Вне всяких сомнений, здесь было самое элитное место во всей средней школе Умесато.

И потому существовало неписаное правило, согласно которому первоклассники сюда не допускались. Банты и галстуки всех учеников, сидящих за столиками, были синими (второй класс) или бордовыми (третий класс) – ни одного зеленого.

Половина старшеклассников болтала друг с другом, держа в руках чашечки с чаем или кофе; вторая половина откинулась на спинки стульев, закрыв глаза – они не спали, а бродили по школьной сети в Полном погружении.

Харуюки, спрятав свое толстое тело за декоративным растением перед входом в рекреацию, заглянул внутрь.

Ее здесь не должно быть, вчера был просто сон, он больше чем наполовину верил в это – но.

– …Она здесь…

Он невольно сглотнул. В самой глубине рекреации, за столиком возле окна, располагалась весьма выделяющаяся компания. Шесть человек, все из второго и третьего классов. Приглядевшись, Харуюки понял, что знает их – это были члены студсовета. Там были и парни, и девушки, и все такие красивые.

Сильнее всех в этой группе выделялась девушка с синим бантом, меланхолично перелистывающая страницы книжки в

твердом переплете. Длинные, спадающие до пояса волосы глубокого черного цвета, какой в наши дни встречается редко. Такие же черные чулки на ногах, торчащих из-под темно-серой плиссированной юбки. К удивлению Харуюки, блузка с открытым воротником под блейзером тоже оказалась блестяще-черной. Вне всяких сомнений – это и была самая знаменитая персона в средней школе Умесато, Черноснежка.

От входа в рекреацию до того дальнего столика по прямой было меньше 20 метров. Но Харуюки эта дистанция казалась бесконечной. Пройти туда мимо старшеклассников – такой квест ему просто не выполнить.

Повернуться и пойти обратно. Купить в столовке булки и сок и отнести на крышу Арае и его дружкам. Потом спрятаться в туалете второго корпуса и там убивать время за однопользовательскими играми в локальной сети.

…Дерьмо. Блин. Пойду.

Харуюки стиснул зубы, вышел из-за растения и шагнул в рекреацию.

Ему вовсе не казалось – взгляды старшеклассников из-за ближайших столиков действительно были полны осуждения и недовольства. Новенькому простительно не знать, но во второй половине второго семестра уже любой первоклассник был в курсе, что сюда нельзя.

Однако, к счастью, никто не сказал Харуюки ни слова. Его трясущиеся ноги добросовестно понесли тяжелое тело между столиками – Харуюки почти перестал дышать – и вот он уже в самой глубине рекреации, где собрался студсовет.

Первой подняла голову второклассница, сидящая к Харуюки ближе всех. Ее пышные волосы колыхнулись, когда она повернулась к нему и с чуть вопросительной улыбкой вежливо поинтересовалась:

– О… у тебя какое-то дело?

«У меня есть дело». Этого произнести Харуюки был не в силах и лишь промямлил:

– Это… в общем… эээ…

Тут на Харуюки посмотрели еще четверо членов совета. В их лицах недовольства не было, но град презрительных взглядов из-за окружающих столиков был совершенно невыносим. Когда Харуюки от напряжения почти уже лишился чувств, последний член студсовета наконец поднял голову от книжки.

Впервые Харуюки видел невооруженным глазом лицо Черноснежки с близкого расстояния, и оно оказалось во много раз красивее, чем лицо аватара, которое он (думал, что) видел накануне. Под аккуратным прямым пробором, под четкой линией бровей ярко сияли угольно-черные глаза. Если ее аватар можно было сравнить с черной розой, то ее саму – с черным нарциссом. Харуюки понятия не имел, такая штука вообще существует или нет.

Он приготовился увидеть на ее красивом лице вопросительное выражение, вполне уместное при виде нескладного первоклассника.

Однако, к его глубочайшему изумлению, розовые губы Черноснежки изогнулись в знакомой улыбке, и она коротко сказала:

– Ты пришел, мальчик.

Захлопнув книжку, она встала, жестом пригласила Харуюки подойти ближе, и ее взгляд обратился на остальных членов студсовета.

– Мне надо с ним поговорить. Прошу прощения, не мог бы ты

освободить место?

Последняя фраза была обращена к третьекласснику, сидящему рядом с ней. Высокий парень с короткой стрижкой встал и движением руки предложил Харуюки занять свой стул; лицо у него было совершенно обалдевшее.

Пробормотав «спасибо», Харуюки съежился, насколько мог, и сел. Хлипкий стул протестующе заскрипел, но Черноснежку это явно не волновало; покопавшись в левом кармане блейзера, она извлекла пакетик с чем-то маленьким, но длинным.

Это был кабель. Провод, экранированный тонкой серебряной оплеткой, с разъемами на обоих концах. Левой рукой Черноснежка приподняла волосы на затылке; на удивительно тонкой шее обнаружился нейролинкер (разумеется, рояльно-черный); правой рукой она вставила в нейролинкер один из разъемов и небрежно протянула второй конец Харуюки.

Вот тут во всей рекреации, до того смотревшей выжидательно, поднялся дикий шум. Отовсюду доносилось «что такое?» и «не может быть!»

Харуюки тоже был в шоке. По лицу градом покатился пот.

«Связь через прямое проводное соединение».

Обычно ее называют просто «Прямым соединением»; именно это Черноснежка и предлагала сделать Харуюки. В норме нейролинкеры сообщаются между собой по беспроводным протоколам, используя местные сети, и эта связь защищена множеством систем безопасности. Однако при Прямом проводном соединении 90% этих систем бесполезны. Люди с определенным уровнем мастерства в обращении с нейролинкером могут заглядывать другим в личные данные и устанавливать вредоносные программы.

Говоря нормальным языком – Прямое соединение используется только с теми, кому человек безоговорочно доверяет, – с членами семьи или с любимыми. Можно сказать и по-другому: если парень и девушка в общественном месте используют Прямое соединение, то, скорее всего, они встречаются. Длина кабеля служит мерой их близости – это просто обычай, никакого технического обоснования тут нет.

XSB-кабель, который протягивала Черноснежка, был в длину метра два; впрочем, в данной ситуации длина значения не имела. Глядя на блестящий серебряный разъем, Харуюки каким-то чудом сумел выдавить:

– …Э, эмм, что мне с этим…

– По-моему, с ним ничего нельзя сделать, кроме как воткнуть себе в шею, – мгновенно подтвердила его опасения Черноснежка. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, Харуюки трясущимися

пальцами принял разъем и вставил в свой нейролинкер.

Тут же перед его глазами возникло предупреждающее сообщение «Проводное соединение». Когда оно исчезло, все потускнело, лишь фигура Черноснежки осталась такой же яркой и отчетливой, как и была.

Ее чуть улыбающиеся губы не шевелились, однако в мозгу у Харуюки раздался шелковый голос.

«Прости, что заставила тебя прийти сюда, Харуюки Арита-кун. Ты умеешь говорить мысленно?»

Имелось в виду умение общаться через линкер, не двигая губами. Харуюки кивнул и ответил:

«Да. Это… зачем вообще это все? Это что, такой навороченный, ну… розыгрыш, или что?»

Он думал, что Черноснежка рассердится, но она лишь хмыкнула и слегка покачала головой.

«Ну… в каком-то смысле ты можешь оказаться прав. Потому что я сейчас перешлю в твой нейролинкер некое приложение. Если ты его примешь, твоя нынешняя реальность будет полностью разрушена, а взамен появится новая, которую ты и представить себе не можешь».

«…Ре, реальность… разрушена?..» – повторил Харуюки в изумленном недоумении.

Он уже не видел полных любопытства лиц учеников вокруг их столика, не слышал их шумных комментариев. Лишь слова Черноснежки всё повторялись у него в голове.

Старшеклассница в черном снова улыбнулась Харуюки, потом подняла правую руку, и тонкие белые пальцы сделали какое-то скользящее движение.

Тут же раздалось звонкое «пон!», и появилось голографическое сообщение.

[Запустить BB2039.exe? ДА/НЕТ]

Знакомое системное сообщение; однако Харуюки казалось, что это окно обладает собственной волей, которая заставляет его принять решение.

Если руководствоваться здравым смыслом, то запускать неизвестную программу, присланную незнакомым человеком через Прямое соединение, – просто идиотизм. Нужно выдернуть кабель сейчас же. Однако сделать это Харуюки почему-то не мог. Вместо этого он посмотрел на собственное тело, вжавшееся в стул.

…Реальность. Моя реальность.

Вялое тельце. Никчемная внешность. Вечные издевательства и бегство в сеть. И в первую очередь – он сам, неспособный изменить ситуацию. Ну раз ничего не изменится, то и ладно; он

давно сдался.

Харуюки поднял голову и взглянул в черные глаза девушки напротив.

Через полсекунды он поднял правую руку и вжал палец в кнопку «ДА». Увидев на лице Черноснежки отчасти удивление, отчасти удовлетворение, он расслабился.

«Хочу этого. Хочу, чтобы эта реальность… исчезла», – прошептал он; и тут же.

В его поле зрения ворвались громадные языки пламени.

Рефлекторно Харуюки весь сжался – ему показалось на мгновение, что огонь сейчас его подхватит и унесет; однако потоки пламени постепенно собрались прямо перед ним и превратились в логотип. Дизайн логотипа явно был не нов. Жесткий такой дизайн; он напомнил Харуюки о некоем популярном в конце прошлого века файтинге.

Слова, возникшие перед его глазами, были – «BRAIN BURST»[7].

Так Харуюки познакомился с программой, которой предстояло коренным образом изменить его самого и его реальность.

Установка программы длилась полминуты. Приложение было просто гигантским, даже для нейролинкера.

Наконец полоска-индикатор под горящим логотипом доползла до 100%; Харуюки нервно сглотнул и стал ждать, что будет дальше. Реальность – будет разрушена; так сказала Черноснежка. И в чем именно это проявится?

Индикатор исчез вместе с логотипом – они будто сгорели. В оставшемся перед глазами оранжевом пламени возникла надпись мелким шрифтом: «Добро пожаловать в Ускоренный мир»; потом она взорвалась, как фейерверк. Что это еще за «Ускоренный мир»?

Харуюки затаил дыхание в предвкушении. В таком состоянии он просидел секунд десять.

Однако ни его тело, ни окружающий мир меняться совершенно не намеревались. Под школьной формой он, как всегда, обливался потом, а недовольных взглядов от окружающих столиков становилось все больше.

Выдохнув резко, но продолжительно, Харуюки вопросительно взглянул на Черноснежку.

«Это… этот "Брэйн Бёрст", это?..» – спросил он мысленно. Однако старшеклассница в черном, не убирая улыбки с лица, ответила совершенно невпопад:

«Он установился без проблем. Я была уверена, что ты годишься».

«Гожусь? Для этой программы?»

«Да. "Брэйн Бёрст" установится, только если у человека достаточно высокая скорость ответа нейронов мозга. Например, у кого-то, кто набирает абсурдно высокие очки в виртуальных играх. Когда ты смотрел на иллюзорное пламя, программа измеряла скорость реакции твоего мозга. Если бы ты не подошел, ты даже логотипа бы не увидел. Однако… ты меня немного удивил. Я в свое время две минуты сомневалась, прежде чем принять эту необычную программу. В результате речь, которую я подготовила, чтобы тебя убедить, оказалась ненужной».

«А… прости. Но это… ничего вроде не происходит. Это что, не резидентное приложение, а разового запуска?»

«Подожди, не все сразу. Сейчас тебе нужно будет немного подготовиться морально. Базовые функции я объясню позже. Вообще-то у нас достаточно времени».

Харуюки кинул взгляд на часы в нижнем правом углу поля зрения. Половина большой перемены уже прошла. На его взгляд, времени у них вовсе не было достаточно.

Мучительно ощущая любопытство и отвращение, наполняющие воздух, он откинулся назад. Стул под ним возмущенно пискнул.

Это был знакомый звук, однако сейчас Харуюки казалось, что даже стул смеется над его уродливой и комичной внешностью; он закусил губу. Ни за что ему не полюбить такую реальность. Если она может быть изменена – каким бы ни было это изменение, он согласен.

«…Я уже морально готов. Пожалуйста, объясни мне насчет этой программы…»

Когда он произнес эти слова –

Со стороны входа в рекреацию за спиной Харуюки раздался голос, слышать который он не хотел больше всего на свете.

– Ты, сви-… Арита! Попался!!!

Харуюки рефлекторно съежился и встал со стула. Обернувшись, он увидел стоящего у входа Араю с багровой рожей; а ведь он по идее не должен был уходить с крыши до конца большой перемены.

На лице Харуюки удивление сменялось страхом, и в то же время на лице Араи ярость сменялась сомнением. Когда Харуюки встал, Арая увидел прежде заслоненные его телом стройную фигурку Черноснежки и кабель, соединяющий их линкеры.

Застыв, как приморожденный, Харуюки ощутил, что аура, исходящая от окружающих учеников (за исключением членов студсовета), чуть изменилась. Какие именно отношения существуют между двумя школьниками с одинаковыми зелеными

галстуками – здоровенным Араей и низкорослым, толстым Харуюки – они, скорее всего, поняли сразу. Однако же на Араю они смотрели не с презрением, а, скорее, с видом «ах, вот оно, значит, что».

Прекратите… прекратите это прямо сейчас, – отчаянно молил про себя Харуюки. Он совершенно не хотел, чтобы Черноснежка узнала, что над ним измываются. «Сейчас я тут закончу, а потом куплю булки и отнесу на крышу; пожалуйста, дождитесь меня там». Намереваясь сказать эти слова, он развернулся к Арае и выдавил улыбку.

При виде этой улыбки лицо Араи побагровело еще сильнее. В ужасе Харуюки увидел, как его губы беззвучно произнесли «свинтус». Похоже, Арая абсолютно неправильно понял смысл этой улыбки в сочетании с Прямым соединением между Харуюки и самой знаменитой ученицей школы.

Глаза Араи загорелись, он молча раздвинул живую изгородь, отделявшую общую столовку от рекреации, и вошел. Громко стуча каблуками сменки, он приближался к Харуюки по прямой. Прихвостни А и Б следовали за ним с несколько напряженными лицами.

Безнадежно. С этой мыслью Харуюки отступил на шаг.

Арае было 13 лет, как и Харуюки, но для своего возраста он был просто невероятно высоким. И очень мускулистым – видимо, занимался каратэ или чем-то подобным. На нем был короткий блейзер поверх длинной светло-сиреневой рубашки и широкие брюки. Волосы, окрашенные в золотой с белым оттенком цвет, пиками торчали во все стороны. Образ дополняли маленькие брови, пирсинг в обоих ушах и закошенные чуть вверх горящие глаза; и все это излучало опасность.

Средняя школа Умесато относится к частным подготовительным школам, но в наш век низкой рождаемости в большинство средних школ берут без экзаменов. Так что отморозки вроде Араи могут поступать свободно и быть уверенными, что легко найдут здесь себе жертву.

Так вот и получилось, что Харуюки угодил в его кабалу в первый же учебный день. Сейчас он вяло смотрел снизу вверх на возвышающегося над ним Араю.

– Не делай из меня идиота.

Услышав эти слова, вырвавшиеся из искривленных губ Араи, Харуюки собрался было скромно извиниться, но тут –

Из-за его спины донесся реальный голос Черноснежки с ее классной, неподражаемой интонацией.

– Ты Арая-кун, я полагаю?

Арая явно удивился, но тут же льстиво улыбнулся. Даже он

рад, что его имя помнит «та самая Черноснежка».

Однако от следующих слов офигел не только Арая, но и Харуюки.

– Я слышала про тебя от Ариты-куна. Про то, что тебя, возможно, по ошибке отправили из зоопарка сюда, в школу.

У Араи отвалилась челюсть, и его начало трясти. Харуюки смотрел в полной растерянности.

– Чт… чт… что…

Губы Араи пришли в движение, и одновременно Харуюки попытался крикнуть: «П-почему ты так сказала?»

Но эта мысль так и не обратилась в слова. Арая взревел:

– Ах ты тварь! Убью, свинья!!!

Харуюки съежился от страха. Он увидел, как правая рука Араи сжалась в кулак и размахнулась.

И в это мгновение в его мозгу раздался резкий, приказывающий голос Черноснежки.

«Быстро крикни! "Бёрст линк"!!!»

Харуюки понятия не имел, использовал он реальный голос или мысленный, чтобы произнести эту короткую команду. Однако он почувствовал, что звук отдался во всем его теле.

«Бёрст линк»!!!

БАММ!!! И весь мир вздрогнул.

Разом исчезли все цвета, сменившись расползающимся во все стороны прозрачно-синим. Рекреация, пялящиеся ученики, Арая прямо перед Харуюки – всё и все стали монотонно-синими.

И все застыло.

Кулак Араи, который должен был через секунду отправить Харуюки в полет, так и остановился в нескольких десятках сантиметров от его лица. Харуюки смотрел на это в полном офигении.

– У… уааа!!! – наконец вырвалось у него, и он отпрыгнул назад.

В результате этого действия он обнаружил еще кое-что, во что невозможно было поверить.

Его собственная спина. Она была такого же синего цвета, как Арая, – округлая спина, неестественно застывшая в смешной съеженной позе. Выглядело так, будто одна лишь душа покинула его тело.

Что же тогда с ним самим?! Харуюки в изумлении опустил голову и обнаружил знакомого розового поросенка. Несомненно, это аватар, которым он пользуется в локальной сети школы.

Совершенно ничего не понимая, Харуюки развернулся на

трясущихся ногах.

Его глазам открылась еще одна странная картина.

Черноснежка элегантно сидела на стуле, выпрямив спину и сведя колени. И ее тело, и торчащий из шеи кабель тоже были прозрачно-синие, как из хрусталя.

А рядом с ее телом стоял и загадочно улыбался ее аватар в черном платье, с зонтом и крыльями бабочки.

– Чт… что это?! – со страхом в голосе выкрикнул Харуюки. – Полное погружение?! Или… выход из тела?

– Хи-хи, ни то, ни другое, – весело ответила Черноснежка. – Мы под воздействием «Брэйн Бёрста». Мы «ускорились».

– Ус… ускорились?..

– Да. Кажется, что все вокруг остановилось, но это не так. Просто наше сознание работает на сверхвысоких оборотах.

Черноснежка сделала несколько шагов вперед, сверкая серебряными бисеринками на манжетах, и остановилась возле застывших синих фигур реальных Харуюки и Араи. Кончик ее зонта указал на кулак Араи, замерший на траектории прямого правого хука.

– Этот кулак тоже, хоть ты этого и не видишь, очень медленно движется… как часовая стрелка на часах. Если мы подождем, в конце концов он пройдет эти восемьдесят сантиметров, и мы увидим, как он оставит вмятину в твоем лице.

– Это плохая шутка. Нет, о чем это я… погоди минуту.

Харуюки обхватил голову своими поросячьими копытцами, отчаянно пытаясь рассортировать информацию.

– Это, это значит… наши души не вышли из тела, да? То есть мы думаем нашими настоящими головами?

– Быстро схватываешь. Все так и есть.

– Но ведь это странно! Если ускорились только мысли и чувства, эти… движения, как будто мы вышли из тела, можем смотреть на собственные спины… тогда я не мог бы говорить с семпаем!

– Хмм, хороший вопрос, Харуюки-кун.

Черноснежка кивнула, как учительница, и, покачивая стекающими до пояса волосами, подошла к столику.

– Синий мир, который мы видим, – это реальный мир в реальном времени, но видим мы его не благодаря свету, преломляющемуся в наших глазах. Загляни-ка под стол.

– Х-хорошо.

Харуюки согнулся всем своим поросячьим телом, которое было меньше реального, и заглянул под синий стол.

– Аа, что?

Странно. Стол деревянный, и по поверхности его по всей

длине видны древесные волокна. Однако нижняя его сторона – гладкая, как пластик, и совершенно без текстуры.

– Что это… смахивает на полигоны?..

Подняв голову, он увидел, что Черноснежка закивала.

– Точно. Этот синий мир создан из снимков, которые делают Общественные камеры в рекреации; эти снимки перерабатываются в 3D-сцены и посылаются тебе в мозг через нейролинкер. Все, что находится в мертвых зонах камер, заполняется соединительными поверхностями. Так что заглядывать девушкам под юбки бесполезно.

Общественные камеры на самом деле называются «Камеры наблюдения за общественной безопасностью» и предназначены для поддержания правопорядка; располагаются они по всей Японии и объединены в правительственную сеть видеонаблюдения. Даже частная школа не может уклониться от размещения на своей территории этих камер. Данные, разумеется, защищены мощными системами безопасности национального уровня, и у обычного гражданина заглянуть в них нет ни единого шанса – так говорят, но…

Размышляя на эту тему, Харуюки машинально проследил взглядом за ногами девушки из студсовета, сидящей за столиком. Он убедился, что изящные линии заканчиваются ровно на уровне края юбки.

Он поспешно выпрямился и увидел колючий взгляд Черноснежки.

– На мои ноги не смотри. Они в поле зрения камер.

– Я… не буду.

Не без труда справившись со своим взглядом, Харуюки помотал головой.

– Т-так, ну, теперь я это увидел и более-менее понял теорию. Это мир в реальном времени, из которого сделали 3D-сцену… и мы пользуемся аватарами взамен тел, чтобы смотреть и говорить через Прямое соединение. Так?

– Так. Сейчас ты для удобства используешь свой аватар школьной локальной сети.

– Если можно, я бы предпочел другой, – пробормотал Харуюки и глубоко вздохнул. Покачав поросячьей головой, чтобы разложить мысли по полочкам, он вновь посмотрел на аватар Черноснежки.

– Но… это только половина. Я теперь вот о чем хочу узнать. …«Ускорение» – что это такое конкретно? Я никогда не слышал, чтобы у нейролинкера была эта функция, почти остановка времени!

– Конечно, потому что способность линкера ускорять время –

секрет, который проявляется лишь с помощью программы «Брэйн Бёрст» и только у людей, у которых эта программа стоит.

Прошептав эти слова, Черноснежка подняла левую руку и ткнула пальцем в нейролинкер размера XL на застывшей шее реального Харуюки.

– Харуюки-кун, ты знаешь принцип работы нейролинкера?

При виде того, как ее тонкий палец притрагивается к «его» шее, внутри Харуюки словно толкнулось что-то. Он кивнул.

– Д-да… ну, общие вещи. С помощью квантового соединения с клетками мозга можно пересылать картинку, звук и прочие ощущения, и одновременно отключаются реальные пять чувств…

– Все верно. И этот принцип в корне отличается от шлемов виртуальной реальности двадцатых годов и имплантатов тридцатых. Квантовое соединение – не биологический механизм. Оно не дает дополнительную нагрузку на нервные клетки, и можно делать разные неразумные вещи… и кто-то это понял.

– Неразумные… в смысле?

На вопрос Харуюки Черноснежка ответила довольно неожиданным встречным вопросом.

– Ты игрался с компьютерами двадцатых годов?

– Д-да, ага. У меня даже есть дома один.

– В таком случае ты должен знать, как называется частота, на которой работает компьютер?

– Тактовая частота?..

Черноснежка удовлетворенно кивнула.

– Да… осциллятор на материнской плате генерирует сигнал, потом для CPU его частота повышается с помощью множителя, и уже на этой умноженной частоте он и работает. Так вот, сознание в мозгу человека работает по тому же принципу.

– Что?!. – Харуюки выпучил глаза, и его пятачок резко выдохнул. – Не, не может быть. Где у нас осциллятор?

– Здесь, – мгновенно ответила Черноснежка; обняв синего реального Харуюки спереди и шаловливо закатив глаза, она положила левую руку ему на спину.

– Ч-что ты делаешь?

– Вот сейчас твой осциллятор стал колебаться немного быстрее. Ты ведь уже знаешь, что это… это сердце! Сердце – это не просто насос для перекачивания крови. Его ритм определяет скорость мысли – это и есть генератор тактовой частоты.

Сделав вдох, Харуюки прикоснулся к своей поросячьей груди. Черноснежка, словно играясь с ним, не отводила руки от области его сердца.

– Даже если тело неподвижно, частота сердечных сокращений, в зависимости от ситуации, может и возрасти… как

у гонщика. Почему? Для мышления. Анализ ситуации, прогноз ее развития – для этого необходимо «ускорение». Или когда два любящих человека прикасаются друг к другу. Чтобы в полной мере ощутить каждую минуту, каждую секунду – они «ускоряются».

Палец Черноснежки медленно поднялся от сердца реального Харуюки к его шее.

– Сердце своим сокращением создает квантовую пульсацию, которая проходит по центральным нервам в мозг – орган мышления. Если – если этот сигнал перехватывается нейролинкером и разгоняется, что происходит?

У Харуюки мурашки побежали по спине.

– Мысли… ускорятся?

– Совершенно верно; для нейролинкера такое вполне возможно. И это совершенно безвредно как для физического тела, так и для клеток мозга. Прямо сейчас наши нейролинкеры ускоряют частоту биений сердца и пересылают ее в мозг в виде беспроводного квантового сигнала. Множитель может достигать тысячи раз!

– Тысяча… раз…

Харуюки мог лишь изумленно повторить услышанное. Его парализованное сознание сотрясал текучий голос Черноснежки.

– Мыслительный процесс ускоряется в тысячу раз. Это означает, что одна секунда в реальности превращается в тысячу; то есть ты проживаешь шестнадцать минут сорок секунд субъективного времени.

Это намного, намного больше, чем в случае гонщика Ф-1. Это не технология уже – это почти магия, «остановка времени».

Что же можно сделать с помощью этого чудесного явления… пока Харуюки раздумывал над этим, Черноснежка, словно заметив что-то, вдруг шепотом ойкнула.

– ?..

– Ох, прости. Я слишком увлеклась объяснениями, и мы потратили чересчур много времени. Я совершенно забыла, что реального тебя скоро стукнут.

– Арр…

Харуюки поспешно засеменил ногами, обходя застывшего синего себя спереди.

Ну да, они говорили минут пять (где-то 0.3 секунды реального времени); кулак Араи успел преодолеть немалое расстояние. До контакта с круглой щекой Харуюки оставалось меньше 50 сантиметров.

Лицо Араи было искажено жестоким упоением; трудно было поверить, что оно собрано из кадров, которые делают скрытые в

потолке Общественные камеры.

Чему это он радуется? …Да нет, ему есть чему радоваться. Его кулак направляется в меня, а я беспомощно стою с пустой физиономией – никчемный тип в натуральную величину.

Эта мрачная мысль пронеслась в сознании Харуюки; он повернулся к Черноснежке.

– …Эмм, а это «ускорение» – сколько оно длится?

– Теоретически – сколько угодно. Однако в программе «Брэйн Бёрст» установлено ограничение; твое ускорение может длиться не больше тридцати минут субъективного времени – это примерно одна и восемь десятых реальной секунды.

От этих спокойных слов Черноснежки глаза розового поросенка, аватара Харуюки, вылезли из орбит. Если реальный он будет сидеть неподвижно целых две секунды, кулак Араи пройдет оставшиеся сантиметры и постепенно вмажется ему в нос.

– …Меня же изобьют! – выкрикнул Харуюки; в его воображении возникла картина его собственного тела, медленно взлетающего в воздух. Однако Черноснежка лишь весело рассмеялась и ответила:

– А, не волнуйся. Конечно, ты можешь выйти из ускоренного состояния в любой момент.

– О, о… вот как. Значит, я могу вернуться в реальность и успеть уклониться от удара…

– Легко. Хи-хи, это самое легкое для понимания применение «ускорения». В ситуациях, когда требуется скорость реакции, которой твое физическое тело не обладает, ты можешь спокойно все обдумать, а потом отменить «ускорение» и сделать все, что надо.

Все как она говорила: до сих пор он не мог уклоняться, когда его колотили, потому что не видел траектории ударов Араи и не мог предугадывать, куда они направлены, но сейчас, в ускоренном состоянии, он все отчетливо понимал.

После отмены «ускорения» надо сдвинуться влево. Всего 15 сантиметров будет достаточно. Харуюки сглотнул, пока эта мысль впитывалась ему в голову, и вопросительно глянул на Черноснежку в ожидании, что она скажет ему команду отмены.

Однако, прежде чем он спросил, черная красавица произнесла нечто немыслимое.

– Однако ты не уклоняйся. Позволь ему посметь ударить тебя, Харуюки-кун.

– Уда…

Пятачок Харуюки задрожал, и он выкрикнул:

– Ни, ни за что! Это больно.

– Чему?

– Что?.. В к-каком смысле «чему»?..

– Я спрашиваю, больно будет твоему телу или душе?

Улыбка исчезла с лица аватара Черноснежки. Не дожидаясь ответа Харуюки, она, цокая каблучками, подошла и встала прямо перед ним.

Черноснежка была на полметра выше, чем поросячье тельце Харуюки; но она наклонилась и взглянула ему в глаза почти в упор. Харуюки стоял как истукан, у него перехватило дыхание.

– Тебя ведь не впервые избивает ученик по фамилии Арая.

– Д… да.

Несомненно, Харуюки *не хотел*, чтобы она узнала об издевательствах над ним; так почему же он кивнул?

– Однако до сих пор он не был наказан, и этому есть две причины. Первая – разумеется, то, что ты это все покорно принимаешь. А вторая – то, что насилие и вымогательство со стороны Араи удивительным образом всякий раз происходят вне поля зрения Общественных камер.

Ну да – били Харуюки всегда либо на крыше, за трубой котельной, либо за школой, либо еще в других местах, куда ученики обычно не ходят. Однако это все было не для того, чтобы держаться подальше от посторонних глаз, а чтобы избегать камер.

С непонятным выражением лица Черноснежка выпрямилась.

– К сожалению, во вторых и третьих классах тоже попадаются люди наподобие этого типа. У них есть нечто вроде сети, там они обмениваются всякой всячиной, например незаконными программами, которые информируют их о зонах действия Общественных камер. Они и хвоста не покажут в зоне камер… даже этому новенькому уже должны были ясно сказать.

Ледяной взгляд Черноснежки вновь обратился на синего Араю, потом она странно спокойным голосом продолжила:

– Но все-таки он еще ребенок. Я спровоцировала его, и он потерял голову и применил насилие здесь, где всюду камеры. Послушай, Харуюки-кун, это твой шанс. Увернуться от этого удара будет легко, но тогда Арая отсюда просто уйдет. И с ним уйдет шанс дать ему то, чего он заслуживает.

…И тогда Арая снова будет над ним измываться. Он отомстит, и по сравнению с этим все, что было раньше, покажется игрой – такое Харуюки мог представить себе с легкостью. Содрогнувшись, Харуюки взглянул на реального себя и на приближающийся кулак Араи.

Эта костлявая правая рука тверда как камень; получить этой рукой по лицу очень больно, так что плакать хочется. За последние полгода Харуюки испытывал эту боль чаще, чем ему бы хотелось. Однако –

На самом деле болело не физическое тело – болела душа. Это его гордость разрывали в клочья.

– …Мм.

Харуюки нерешительно спросил Черноснежку:

– Если я буду правильно пользоваться «Брэйн Бёрстом», я смогу победить этого типа в драке?

Красивое лицо Черноснежки бесстрастно смотрело прямо на него.

– …Ты победишь. Сейчас твоя сила намного больше, чем у неускоренных людей, – сила «Бёрст-линкера». Ты можешь нанести ему столько ударов, сколько захочешь, и при этом не пропустить ни одного – если таково твое желание.

Мое желание. Как же можно такого не желать?

Изящно уклониться от всех каратэшных ударов Араи, заставить его выглядеть хуже свиньи. Разбить ему нос, выбить передние зубы, все до единого, а он пусть плачет, умоляет, стоя на коленях, рвет на себе свои красивые золотые волосы.

Скрипнув зубами, Харуюки вздохнул и дрожащим голосом сказал Черноснежке:

– …Нет, я так не буду. Я позволю ему себя ударить… это ведь такой редкий шанс.

– …Фф.

Черноснежка удовлетворено улыбнулась и медленно кивнула.

– Мудрое решение. Так, надо обеспечить минимальный ущерб при максимальном эффекте. Как только «ускорение» закончится, сразу отпрыгни назад и вправо. И не забудь лицо тоже вправо отвернуть.

– Ла… ладно.

Харуюки встал за спиной у реального себя и проследил траекторию кулака Араи. Ну точно – если он отпрыгнет и одновременно развернет голову, даже сила каратиста уйдет в основном в никуда.

Он повернулся, чтобы проверить, куда отлетит он сам. Столик был слева, справа же – лишь пустое пространство, никаких препятствий до самого окна, выходящего на школьный двор. То есть – никаких, кроме одного человека.

– Ой, нет… плохо. Если я отсюда прыгну туда, то врежусь в семпая.

Харуюки стоял всего в метре от сидящей на стуле Черноснежки. Если он вмажется в нее всей своей тушей – страшно подумать, что станет с ее хрупким телом.

Однако аватар в черном лишь легонько пожал плечами.

– Неважно, так даже эффектнее выйдет. Не бойся, я уклонюсь, ничего со мной не случится.

– …Л-ладно…

Ну да, если знать заранее, вполне можно уклониться. Харуюки заставил себя кивнуть.

– Мало времени осталось. Быстрее зайди в реального себя.

Чувствуя, что его подтолкнули в спину, Харуюки шагнул вперед, и его поросячий аватар наложился на синего реального Харуюки. Черноснежка у него за спиной вроде бы тоже села на свое место – ее голос шел с более низкого угла, чем раньше.

– Так, теперь я научу тебя отменять ускорение. Удачи – «Бёрст аут»!

Харуюки сделал глубокий вдох и –

«Бёрст аут»!

Тишину разорвал звук, похожий на рев двигателя стремительно приближающейся машины. Синий мир постепенно вернул себе нормальные цвета.

Спереди-слева застывший кулак Араи постепенно сдвинулся с места. Сначала медленно, как улитка, потом все быстрее – он летел к щеке Харуюки.

Харуюки сделал, что было сказано, – толкнувшись обеими ногами, отпрыгнул вправо и вправо же резко отвернул голову. Стремительно приближающийся кулак коснулся кожи, чуть погрузился –

И мир вернулся к нормальному состоянию.

«Уааа!» – раздалось со всех сторон; и одновременно левая щека Харуюки ощутила удар кулака. Внутренняя сторона щеки ударилась о зубы, и Харуюки почувствовал, что у него треснула губа. Потекла кровь; однако по сравнению с приемчиками каратэ, которые он ловил прежде, боли было вдвое меньше.

Но тело Харуюки медленно, словно в кино, взлетело в воздух.

Пожалуйста, увернись! Харуюки молился в душе, когда его спина вмазалась в стоящий сзади стул. Он ощутил приятный запах и прикосновение мягких волос.

Стул с грохотом опрокинулся, потом раздался какой-то зловещий стук.

Харуюки упал спиной на пол, так что у него дыхалку перебило; глотая воздух ртом, он резко повернул голову, пытаясь понять, сумела ли уклониться Черноснежка.

Его распахнутые глаза увидели – отброшенное к стене хрупкое тело. Голова прислонена к подоконнику, руки-ноги раскинуты, как у сломанной куклы, глаза закрыты.

Из-под взлохмаченной челки по белой, почти прозрачной щеке стекала струйка крови.

– А… ах.

Подавляя рвущийся крик, Харуюки попытался вскочить. Но прежде чем он успел это сделать –

«Не двигайся!!!»

По мозгам Харуюки ударил мысленный приказ Черноснежки, пришедший через все еще действующее Прямое соединение. Его тело среагировало, замерев в лежачем положении, и он ответил:

«Но, но… кровь же!!!»

«Не страшно, просто небольшой порез. Я же сказала, нам нужен максимальный эффект. Больше Араю ты не увидишь. Второго раза не будет».

После этих слов Черноснежки Харуюки лишь взглядом провел слева направо.

Арая, по-прежнему стоящий с распрямленной рукой, тупо смотрел сверху вниз на Харуюки и Черноснежку. Кровь постепенно отхлынула от его лица, тонкие губы дернулись, потом еще раз, потом еще.

Посреди повисшего над рекреацией молчания…

– …Кяаааааа!!! – рванулись вопли учениц от соседних столиков.

Арая и прихвостни А и Б не сопротивлялись, когда парни из студсовета скручивали их. Потом примчались запыхавшиеся учителя, и троицу с зеленоватыми лицами и трясущимися ногами увели. Девушки из студсовета проводили Черноснежку в травмопункт.

Сам Харуюки отправился в школьный медпункт, где врач налепил ему пластырь. В ушах Харуюки звучали последние слова, которые ему сказала Черноснежка, прежде чем вытащить кабель для Прямого соединения.

«…Ой, чуть не забыла сказать. Пока не придешь завтра в школу, *ни в коем случае* не снимай нейролинкер. Но при этом ни на секунду не выходи в Глобальную сеть. Понял? Ни на секунду! Обещай мне».

Харуюки не мог понять, что означал этот ее приказ. За два часа, проведенных в медпункте, в нем возникло некое ощущение отстраненности. Вчера и сегодня столько всего произошло – Харуюки понятия не имел, как он будет это раскладывать по полочкам.

Ну, по крайней мере он может не беспокоиться больше о том, что его кроссовки пропадут из обувного шкафчика или, наоборот, в них обнаружится что-то лишнее. Механически переобувшись, он вышел из здания школы и, как ему было велено, отключил нейролинкер от Глобальной сети.

Что бы это значило?.. Снова думая об этом, он зашагал к школьным воротам, и тут –

– Хару, – донесся до его ушей тихий голос, и он резко затормозил.

Обернувшись, он увидел в тени освещенного закатным солнцем школьного здания маленькую фигурку. Обнаружив, что его лицо напряглось, он обратился к фигурке по имени.

– …Тию.

Он не забыл; вчерашнее происшествие, которое он усиленно выпихивал из сознания, прокрутилось перед его глазами. *Уаа, что же мне делать, нет, в первую очередь извиниться, больше я ничего не могу,* в панике думал он; тем временем Тиюри Курасима с непонятным выражением лица шагнула на мягкую синтетическую дорожку школьного двора и двинулась к Харуюки.

– Аа… это… вчера, эээ.

– Хару, я слышала, что произошло на большой перемене, – произнесла Тиюри, перебив его бессвязный лепет.

– Что? На перемене… аа, ах.

– Они тебя ударили, и ты даже отлетел… вот здесь ты поранился? Больно?

Лицо Тиюри с большими нахмуренными бровями придвигалось все ближе; левая рука Харуюки машинально прикрыла пластырь возле рта. «Да нет, это я сам так шикарно отлетел» – но нет, этого он сказать не мог.

– Д… да ладно, нормально. Просто чуть поранился. И больше нигде не болит.

– …Ясно, слава богу.

Лицо Тиюри оставалось напряженным, но теперь на нем появилась слабая улыбка. Девушка быстро огляделась. После того, что было на большой перемене, Харуюки стал темой пересудов всей школы; ученики, возвращающиеся домой, пялились на него без капли стеснения.

– Давай для разнообразия пойдем домой вместе, – решительно произнесла Тиюри и зашагала, не дожидаясь Харуюки.

«Для разнообразия», сказала она; а мы ведь с самого поступления в среднюю школу вместе не ходили. Но если сейчас Харуюки скажет «нет» и сбежит, это будет повторением его вчерашней дурости. Да. Что бы ни произошло, как минимум надо извиниться за вчерашнее.

Тиюри шла широкими шагами, каких трудно ожидать при ее маленьком росте. Харуюки пришлось пробежаться немного, чтобы ее догнать; потом он засеменил рядом с ней, но на некотором расстоянии. Так они вышли из ворот школы и углубились в тихий

переулок, где слышен был только шум колесномоторных машин.

Обычно, покинув школу, Харуюки шел с закрытыми глазами, а окружающие люди, велосипеды и машины отображались в его сознании цветными символами; но сейчас, отсоединившись от Глобальной сети, навигацией он пользоваться не мог. Почему Черноснежка заставила его так сделать? Харуюки снова погрузился в раздумья, как вдруг идущая справа от него Тиюри произнесла это самое имя, так что он едва не подпрыгнул.

– А правду говорят, что у тебя было Прямое соединение с Черноснежкой-сан из второго класса?

– Чего?! Отк-куда…

«Откуда ты знаешь?» – он это хотел спросить, но тут же понял, что ничего удивительного тут нет. Его Прямое соединение с Черноснежкой наверняка произвело на всех куда большее впечатление, чем нападение Араи.

– …В общем, да…

Не глядя на кивнувшего Харуюки, Тиюри поджала губки и зашагала еще быстрее. Такое выражение лица говорило о высшей степени недовольства – Харуюки настолько давно был знаком с Тиюри, что знал это прекрасно. Что вообще ей не нравится? Подумав чуть-чуть, он нашел ответ и на этот вопрос. Идиот, швырнувший на пол приготовленное ей бэнто, вместо того, чтобы извиниться, пошел и занялся чем-то непонятным с другой девушкой – кто угодно бы рассердился, не только Тиюри.

– Но, но, но там ничего такого странного не было. В смысле, я всего лишь скопировал у нее одну программу.

Несмотря на октябрьскую погоду, спина Харуюки обливалась потом, пока он пытался объясниться. Однако лицо Тиюри спокойным все не становилось. *Похоже, все-таки в первую очередь надо извиниться за бутерброды!* Поняв это, Харуюки начал изо всех сил стараться выстроить в голове слова в правильной последовательности.

– Я д-другое хотел сказать… вчера…

Но, когда он наконец договорил до этого места, другой голос, донесшийся спереди, заставил его проглотить все последующие слова.

– Привет, Хару, Ти-тян! Вот это совпадение; тоже домой идете?

Тиюри резко остановилась, а Харуюки поднял голову. С верхних ступеней эскалатора седьмой кольцевой линии им махал мальчик, их ровесник.

Его школьная форма была не такая, как в Умесато, а сине-серая со стоячим воротничком на пиджаке. В правой руке он держал старомодную черную кожаную сумку, за плечом висел

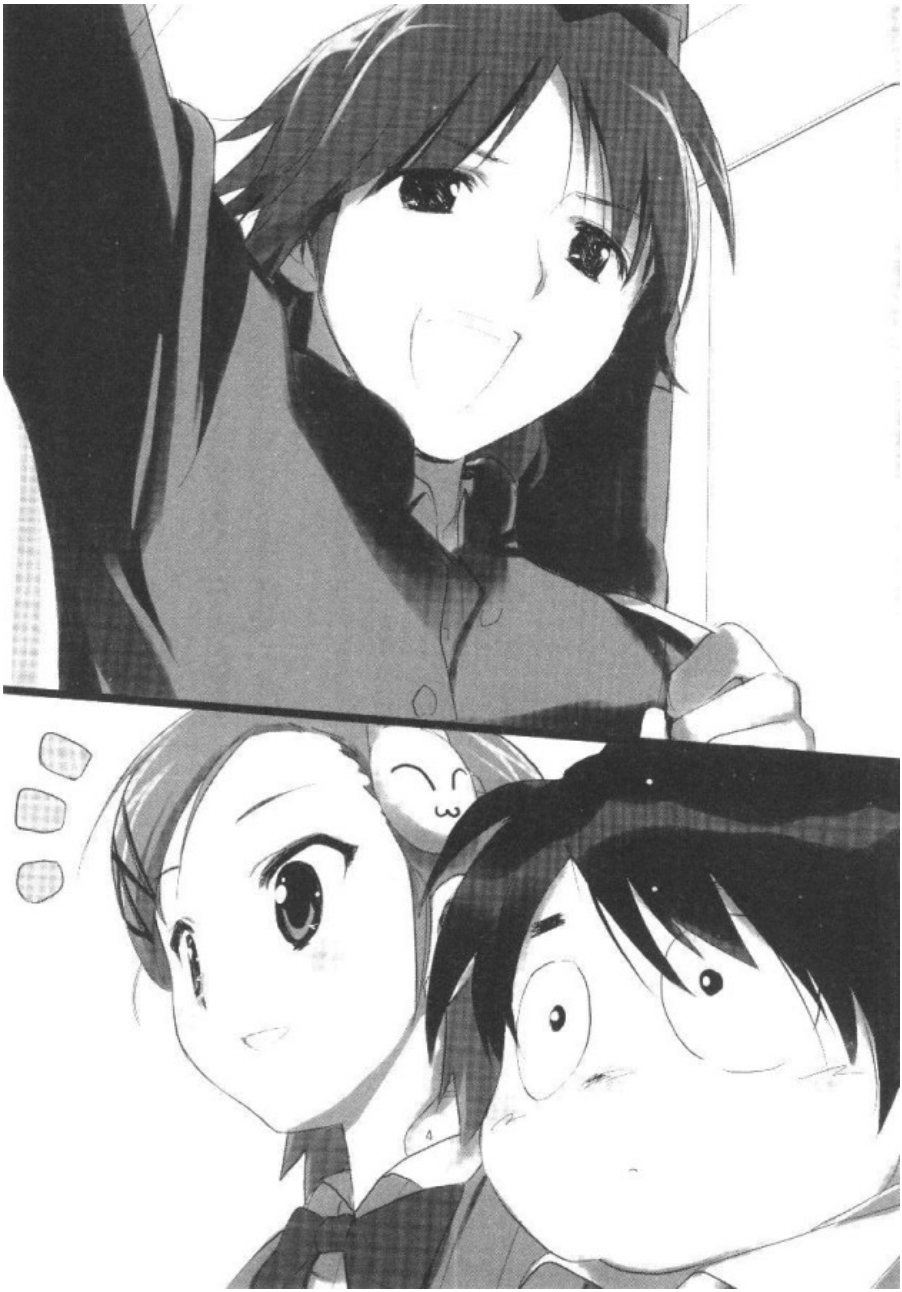
синай[8] в футляре. Чуть длинноватые опрятные волосы с прямым пробором, красивое лицо, идущее ему больше, чем кому бы то ни было; да и вообще красивый парень.

– А… Так-кун!

Моргнув несколько раз, Тиюри улыбнулась.

А только что была такая недовольная. При этой мысли Харуюки в третий раз за короткий промежуток времени мысленно прошептал «ну разумеется». Она ведь шла с противным типом, который бросил ее бутерброды, а теперь случайно повстречалась со своим парнем.

Такуму Маюдзуми, друг детства Харуюки и Тиюри, подбежал к ним (футляр с синаем раскачивался за спиной) и с радостной улыбкой сказал Харуюки:



– Привет, Хару! Давно не виделись.

– Привет, Таку. Давно не виделись… правда, что ли? – ответил он, глядя в лицо Такуму, который был на десять сантиметров выше него.

– Ну да, я тебя вживую уже две недели не видел. Ты и на домовых мероприятиях не появляешься.

– Я на соревнованиях был, – насупив брови, ответил Харуюки. В улыбке Такуму отчетливо читалось «ну, ты как всегда».

Они трое были ровесниками и жили в одном и том же многоэтажном доме в северном Коэндзи. Но одного лишь этого было недостаточно, чтобы Харуюки подружился с мальчиком, у которого было все, чего не было у него.

К счастью, Такуму учился настолько хорошо, что смог поступить в престижную школу всех ступеней[9] в Синдзюку, и именно поэтому Харуюки мог общаться с ним, ни о чем не думая. Ведь Такуму не приходилось видеть, как над ним издеваются в районной начальной школе.

Что касается Тиюри, ходившей в ту же начальную школу, что и он, то Харуюки сказал ей (то есть упросил ее) не рассказывать Такуму, как к нему относятся. Если бы Такуму узнал, он бы, конечно, спас Харуюки – отловил бы тех гадов и излупил своим синаем.

Однако Харуюки был уверен, что, хоть это и прекратило бы издевательства, после этого он уже не смог бы остаться с Такуму друзьями.

– Да, кстати… – начал Харуюки, когда все трое зашагали вместе. В школе он редко сам начинал беседы. – Я видел по сети видео с прошлогоднего городского турнира. Таку, ты просто супер. Всего в первом классе, а уже чемпион.

– Да ладно, просто повезло, – Такуму поскреб в затылке и улыбнулся, как от щекотки. – Проблемный парень отсеялся в полуфинале. И еще Ти-тян помогла, она приходила поболеть.

– Э, что, я?! – распахнув глаза, воскликнула Тиюри, идущая рядом с Такуму с другой стороны. – При чем тут я, я ничего, я просто сидела в уголке и смотрела…

– Ха-ха-ха, а кто вопил «выруби его!», не ты? – весело рассмеялся Такуму. – И потом, ты сказала мне, что, если я проиграю, ты не дашь мне бэнто. У тебя тогда был такой серьезный вид, Ти-тян.

– Блиин, я ничего не слышу! Ничего не слышу!

Глядя, как Тиюри закрыла уши руками и ускорила шаг, Харуюки пихнул Такуму локтем в бок.

– Понятно, вот, значит, почему ты так серьезно настроился на финальный бой.

– Типа того, ха-ха-ха.

Смеясь вместе с Такуму –

Да, это здорово, подумал Харуюки.

Два года назад он сделал правильный выбор. Сейчас они могут говорить друг с другом так же, как и раньше.

Он не хотел, чтобы их отношения развалились.

И тут Такуму, словно идя в контратаку, весело произнес:

– Хару, ты ведь тоже вчера ел бэнто Ти-тян?

– Ээ, нет, это, в общем…

Глядя на резко напрягшуюся спину Тиюри, Харуюки слегка запаниковал. *О нет, я же до сих пор не извинился, надо сейчас, а может по мэйлу, когда вернусь…*

Нет, постойте-ка.

Откуда Такуму об этом знает?

У Харуюки заплелись ноги, и он чуть не упал, но Такуму, ойкнув, вовремя поддержал его. Однако Харуюки этого даже не заметил; его мозг перегревался от мыслей.

Тиюри сделала те бутерброды, потому что знала, что его обеденные деньги отбирает Арая и его компашка. Она не очень хорошо готовит; так, может, она это сделала по совету Такуму?

Если так, это значит, что Тиюри рассказала Такуму. Что над Харуюки измываются. Иначе он бы не сказал того, что сказал сейчас.

Мозги Харуюки уже раскалились добела. Сам того не сознавая, он стряхнул руку Такуму, поддерживающую его за правый локоть.

– Э, эй, Хару?..

Харуюки был не в силах смотреть Такуму в глаза. Его взгляд наткнулся на застывшее лицо Тиюри. Ее губы дернулись, но, прежде чем она успела что-либо сказать, Харуюки выпалил:

– Ой… простите, там скоро одна передача начнется, я ее очень хочу посмотреть! Так что я побегу; Таку, пока!

И он побежал. Его ноги заплетались, несколько раз он чуть не упал, но все равно бежал что было сил.

Те двое, наверно, опять начнут совещаться. Как спасти Харуюки.

От одной мысли об этом у Харуюки возникло такое чувство, будто в его внутренности впились острые ножи. Конечно, произошло чудо, и Арая исчез, но, если Такуму об этом уже знал, это было бы слишком даже для иронии.

До самого подъезда – нет, даже до самого лифта – Харуюки не останавливался ни на секунду.

Этой ночью он видел сон, несомненно, худший за всю его жизнь.

Засранцы из начальной школы, Арая, его прихвостни А и Б и прочие сволочи-школьники, чьих имен он даже не знал, возникали один за другим и били его.

Чуть в сторонке стояли, держась за руки, Тиюри с Такуму и смотрели. Именно выражение жалости на их лицах, а вовсе не боль во всем теле, было самым невыносимым.

Потом стали появляться еще зрители. Рядом с Тиюри и

Такуму возникла его мать, потом отец, давно ушедший из дому, потом другие жильцы дома, одноклассники – и все они смотрели на него сверху вниз.

Теперь в их лицах была не жалость, но презрительная насмешка. Их было много; все они тыкали пальцами в жалкого, уродливого Харуюки и смеялись.

Прекратите. Я не хочу здесь оставаться.

С этой мыслью он взглянул в темную небесную высь. Там угадывалась чья-то тень. Расправив крылья чернее ночи, она летела легко, точно птица.

Я тоже хочу туда. Выше. Дальше.

Я хочу улететь.

Вдаль.

«…Таково твое желание?»

Глава 3

Харуюки открыл глаза и вздохнул.

Белый свет, вливающийся в окно, падал на часы; Харуюки увидел, что сейчас полседьмого. Он прикинул, что проспал часов двенадцать.

Он был весь в поту, из-за остатков ночного кошмара кожа казалась склизкой. Но что именно ему снилось, он совершенно не помнил.

Смутно помнил последние слова, которые ему накануне сказала Черноснежка.

«Не снимай нейролинкер на ночь», – так она ему приказала. Может, это имело какое-то отношение к его сну?

Принимая душ, он лениво ворочал эту мысль в голове; потом надел школьную форму и, пройдя на кухню, в одиночестве позавтракал хлопьями с апельсиновым соком. Отправил посуду в посудомоечную машину, затем постучался в спальню матери для последнего ритуала перед отправлением в школу.

– …Я пошел, – сказал он, обращаясь в полумрак комнаты. С кровати донесся хриплый голос, произнесший что-то невнятное. Похоже, вчера вечером мать перебрала.

Харуюки ждал, пока она с помощью своего мобильника зарядит в его нейролинкер 500 иен; вдруг мать раздраженно сказала:

– Харуюки, твой линкер отключен.

О нет. Харуюки прикоснулся рукой к шее. Чувствуя, что он что-то забыл, он подсоединил нейролинкер к Глобальной сети, и вскоре его электронный счет со звяканьем пополнился.

– Я пошел, – вновь произнес он, но ответа не последовало. Осторожно закрыв дверь спальни, Харуюки прошел к входной двери, надел кроссовки и покинул квартиру.

Опустившись на лифте на первый этаж, он поздоровался с соседями, которых не помнил, и вышел из подъезда.

Автоматическая дверь закрылась, и Харуюки очутился во дворе дома. Через три секунды –

БАММ!!! Этот звук сотряс мозг Харуюки.

Что?! «Ускорение»?! Как – само, без моей команды?!

Харуюки забыл дышать; а тем временем прямо перед глазами возникла строка, набранная знакомым горящим шрифтом.

[А ВОТ И НОВЫЙ ПРЕТЕНДЕНТ!]

Где-то он эти слова уже видел. Прежде чем он смог вспомнить, где именно, фраза исчезла, а вместо нее в верхней части поля зрения возникло нечто еще более странное.

Посередине – число [1800]. Слева и справа протянулись две синие горизонтальные полоски. Под каждой из них – маленькая, тоненькая зеленая полоска.

И, наконец, прямо посреди поля зрения, пламенеющими буквами – [В БОЙ!!!]

Число сменилось на 1799.

Не понимая, что делать, Харуюки первым делом уставился на уменьшающееся четырехзначное число.

1800 секунд. 30 минут. Где-то он уже слышал эти числа. Ах, да – Черноснежка же говорила, предел «ускорения» как раз такой.

Но ведь на этот раз Харуюки не то что «Бёрст линк» (команду для начала ускорения) – даже просто «Б» не говорил. И мир тоже не монотонно-синий, а полноцветный. И вообще, что еще за «претендент» и «в бой!»?

Пытаясь понять ситуацию, Харуюки лихорадочно заозирался и быстро заметил кое-что.

От ветреного октябрьского утра не осталось и следа, но он по-прежнему был в знакомом месте, перед своим домом. Двухполосная улица, вдоль нее универмаг и офисные здания; развернувшись, Харуюки увидел возвышающийся посреди темноты жилой дом, из которого он только что вышел.

Однако ни машин, едущих по улице в Синдзюку, ни идущих в школу учеников, заполнявших тротуары, не было. Да и сама улица изменилась: вся в трещинах и ямах, ограждение и дорожные знаки погнуты; в окнах домов разбитые стекла.

На перекрестке чуть поодаль была навалена гора каких-то обломков, смахивающая на баррикаду; из большой железной бочки вырывались языки пламени. Следы разрушения коснулись и дома Харуюки: разрушенные бетонные колонны, здоровенная дыра в наружной стене и прочие ужасные вещи.

Скорее вернуться домой и проверить, что с квартирой; с этой мыслью он развернулся и, пробежав между кучами обломков, заглянул внутрь подъезда.

Его глаза вылезли из орбит. Внутренность здания выглядела как у полигонального дома из какой-то игры – все затянуто серыми поверхностями. Да нет, не «выглядела» – все именно так и было.

Это реальность, но в то же время не реальность. Харуюки сейчас «ускорен», он в Полном погружении в виртуальном пространстве, все окружающее – 3D-сцена, смоделированная на основе кадров Общественных камер. Как и синий застывший мир, который он видел вчера в рекреации.

И все же – Харуюки никогда раньше не встречал столь

детально проработанного виртуального пространства. Он не видел пикселей. Каждый мельчайший камушек у него под ногами был воспроизведен с невероятной детализацией.

Если так, то что же с моим телом? Харуюки опустил глаза.

Он ожидал увидеть знакомого поросенка, но –

– …Что… что это, – невольно вырвалось у него; он был в полном изумлении.

Он увидел собственные руки, ноги и грудь, тонкие, будто из проволоки; все тело блестело, точно покрытое отполированным серебром. Его тело смахивало на робота – но только не на боевого робота из игр и аниме.

Он поспешно ощупал лицо, но вместо рта и носа его пальцы скользнули по чему-то твердому, точно поверхность шлема. Оглядевшись, Харуюки увидел треснутое стекло в окне жилого дома через улицу и, забУхав ногами, побежал туда.

В стекле отражался – да, сделанный целиком из металла робот. Маленькое стройное тело, непропорционально большая обтекаемая голова. Если вкратце – совершенно не впечатляющий вид.

Хоть бы рога, что ли, на лбу были… или глаза бы сияли золотым светом.

Харуюки мысленно жаловался, обращаясь к неизвестному дизайнеру аватара, как вдруг.

Позади его отражения в стекле, на той стороне улицы, возникло несколько искривленных человекоподобных теней.

В шоке Харуюки скрючился всем своим металлическим телом и развернулся. Неизвестно когда появившиеся три фигуры стояли возле разрушенного универмага. Там было темно, так что Харуюки мог разглядеть лишь силуэты, – но каждый из них был крупнее Харуюки.

Тени вроде как смотрели друг на друга и беседовали. Харуюки невольно вслушался.

– …Странный какой-то парень, по-моему, слабак.

– Не помню этого имени; новенький, что ли?

– Но он металлик. Может, все-таки умеет что-то?

Эти типы – не NPC[10].

Харуюки чувствовал это. Судя по манере речи, это явно люди, не программы.

Но здесь же виртуальное пространство «ускорения». Значит, у них, как и у самого Харуюки, и у Черноснежки, тоже установлен «Brain Burst» – только так и никак иначе.

Тогда они должны знать, что тут происходит. *Для начала расспрошу их.* Приняв такое решение, Харуюки робко вышел на дорогу

Дойдя до белой разделительной линии, он почувствовал, что на него еще кто-то смотрит. Он остановился и повернул голову.

Там. Не трое, больше. Непонятно откуда взявшиеся – на крышах раздолбанных зданий, на грудах обломков – повсюду виднелись странные силуэты, и все они смотрели на Харуюки. Однако ближе не подходили, просто – ну да, такое ощущение, будто ждали чего-то.

В полном замешательстве Харуюки снова повернулся к середине улицы. Число вверху поля зрения уменьшилось до 1620. Полоски слева и справа от него не изменились.

Погодите-ка. До сих пор он не замечал, но под левой и правой полосками были маленькие надписи.

Слева – «Сильвер Кроу». Справа – «Эш Роллер»[11].

С такой структурой экрана он был очень хорошо знаком.

Харуюки посетило мощное дежа вю.

То, что он сейчас видел, – совершенно не новое; за тридцать лет до рождения Харуюки, в конце XX века, подобные игры доминировали в японских игровых центрах. Увиденное им только что как раз и пробудило те ощущения. Это…

Харуюки стоял на месте и рылся в памяти, как вдруг сзади раздалось что-то вроде взрыва – он аж подпрыгнул.

– ?!.

Развернувшись на месте, он потерял равновесие и шлепнулся на пятую точку. Перед его глазами возвышался силуэт.

Это был мотоцикл. Только не привычный электромотоцикл… в середке машины приютился давным-давно запрещенный двигатель внутреннего сгорания, от которого исходило тяжелое вибрирующее «дододо».

Передняя вилка была нелепо длинной, переднее колесо – идиотски широким. От потертой серой резины шел слабый горелый запах.

Харуюки поднял голову. Позади чрезмерно выгнутого руля его испуганный взгляд поймал устроившуюся на кожаном сиденье фигуру мотоциклиста.

Весь в черной коже с заклепками; ноги в ботинках широко расставлены, руки скрещены на груди. На голове черный шлем, лицо защищено выпендрежной маской в виде черепа.

Из-под маски донесся скрипучий голос. Харуюки слушал в полном обалдении.

– Арена «Конец века», давно ее не видел. Свезлоооо…

Одна из скрещенных на груди рук покачала указательным пальцем.

– Противник – полнейший нуб. Мегасвезлооо!..

Наездник-скелет задрал правую ногу и положил на рукоять;

ловко это у него получилось. Тут же мотоцикл взревел, и Харуюки вновь подскочил на месте.

Как ни смотри, а этот тип здесь явно не для дружеской беседы. Наоборот, если предыдущая догадка Харуюки верна, то здесь «боевая арена»… а этот наездник тогда –

– У… уаа…

Харуюки отпрянул назад и развернулся.

– Уаа…

И он отчаянно понесся прочь, так что ножки его робота аж захрустели.

– Уа-ха-ха-ха!!! Беги, беги!!!

За спиной у Харуюки вновь взревел мотор, потом раздался визг шин – и секундой позже Харуюки получил мощнейший удар в спину. Его пронзила острая боль, и он взмыл в черноту ночи.

Одновременно в левой верхней части поля зрения синяя полоска над словами «Сильвер Кроу» резко сократилась.

Увидев это, Харуюки на лету успел подумать: *Да, значит, я угадал.*

Это – игра-файтинг, он – новичок, абсолютно ничего здесь не смыслящий, а его противник – ветеран, умеющий побеждать.

Шансов выиграть у Харуюки нет.

«Ха-ха-ха, значит, тебя выследили сразу же. Это тебе за то, что не сдержал слова, мальчик».

Большая перемена.

Как и накануне, Харуюки сидел в рекреации с Черноснежкой, подсоединившись к ней по кабелю. Он не отводил глаз от пластыря под самой челкой. Черноснежка качала головой и смеялась, но только мысленно. Ее рана, накануне впечатляюще кровоточившая, оказалась, похоже, лишь царапиной. Все его излияния благодарностей и извинений за вчерашнее были остановлены взмахом руки.

«Это… совсем не смешно. Я думал, вообще помру там… Ну да, сам виноват, что по дурости подсоединил нейролинкер к Глобальной сети…»

Черноснежка довольно взглянула на жалующегося Харуюки и, взяв со стола чайную чашку, поднесла к губам. Тарелка с запеченными креветками рядом с чашкой оставалась нетронутой и испускала пар, как и большая порция карри со свининой перед Харуюки.

Члены студсовета, сидящие за тем же столиком, уже вовсю орудовали палочками и ложками, живот Харуюки протестующее урчал, но лекция – а точнее, нотация – Черноснежки явно не собиралась заканчиваться.

«Но – что ж, это избавляет меня от необходимости многое объяснять. Плата за урок получилась высоковатой, но теперь ты понимаешь, да?»

«Понимаю… что?»

«Суть программы "Брэйн Бёрст". Это не какой-то великий заговор, просто…»

Харуюки кивнул и продолжил с того места, на котором остановилась Черноснежка.

«…Просто игра-файтинг. На основе реальности делаются арены для драк. Просто черт знает что…»

«Хи-хи, "черт знает что" – это поднимать ложную тревогу».

«Такая офигенная технология, "ускорение", и что они из нее сделали – файтинг! Да про этот жанр уже тридцать лет никто не помнит!»

Услышав это, Черноснежка в задумчивости склонила голову набок, потом иронично улыбнулась.

«Хмм, то, что ты сейчас сказал, немножко неправильно. Харуюки-кун, мы, Бёрст-линкеры, вовсе не "ускоряемся", чтобы играть в драчки. Все наоборот – мы деремся, чтобы продолжать "ускоряться". Мы вынуждены – это неприятная сторона программы».

«Это… это что значит?»

«Мм… лучше это объяснить на практике. Войди в "ускоренный" режим».

«Х… хорошо».

Харуюки отвлекся от своего карри, уселся на стуле прямо и безмолвно выкрикнул команду на ускорение.

Бёрст линк!

БАММ! Этот звук прошел по телу и сознанию Харуюки, и тут же все ученики вокруг застыли. Все цвета исчезли, сменившись прозрачной синевой.

Черноснежка перед ним тоже застыла, но вскоре из опрятной школьной формы, точно дух, покидающий тело, вышел восхитительный аватар в черном. Розовый поросенок Харуюки тоже слез со стула и, не оглядываясь на реального толстого себя, шагнул вперед.

– Так… что теперь?

– Видишь в левой части поля зрения новую иконку?

Харуюки скосил взгляд, как было велено, и точно: в ряду иконок приложений появилась новая, в виде горящей буквы «В». Он поднял левую руку и нажал.

– Это главное игровое меню «Брэйн Бёрста». Здесь ты можешь узнать свои характеристики и историю своих боев, а также поискать поблизости других Бёрст-линкеров, чтобы вызвать на

дуэль. Нажми кнопку «Матч».

Харуюки кивнул и нажал кнопку в самом низу меню. Тут же открылось новое окно; мгновение там было написано лишь «Поиск…», а потом возник список имен.

Впрочем, «список» – громко сказано; там было всего два имени. Одно – которое он увидел сегодня утром, его собственное, «Сильвер Кроу», и – рядом второе. «Блэк Лотус»[12].

Харуюки нисколько не сомневался, что это и есть имя Черноснежки как Бёрст-линкера; он поднял глаза, чтобы убедиться окончательно. Как он и ожидал, черная бабочка-парусник легонько кивнула и сказала:

– Сейчас мы отсоединены от Глобальной сети и подключены к школьной локальной, так что в списке только ты и я – по крайней мере так должно быть.

– Да… Блэк Лотус-сан.

«Красивое имя», «Оно так тебе идет» – конечно, ничего подобного он вслух не произнес, лишь его пятачок задрожал.

– Так. Теперь кликни на моем имени и вызови меня на дуэль.

– Чт… чтоооо?!

– Ну, сражаться нам необязательно. Просто дождись, когда выйдет время, и дуэль закончится вничью.

Улыбнувшись чуть грустно, Черноснежка подбодрила его жестом руки.

В наше время, когда, бывает, десятки тысяч игроков подсоединяются к общей арене и устраивают колоссальную мясорубку, мы с ней сейчас один на один – с этой мыслью Харуюки кликнул по имени в списке, потом в выскочившем меню выбрал [Дуэль]. На появившийся запрос «ДА/НЕТ» – ответил «ДА».

Мгновенно мир изменился вновь.

Из синей замершей рекреации исчезли все ученики. Колонны и столики вновь обрели цвет, но теперь они выглядели полуразрушенными, источенными временем; на стеклах налип толстый слой пыли.

И небо – оно приобрело насыщенный оранжевый цвет. Откуда-то подул сухой ветер, колыхая торчащие из пола то тут, то там пучки неизвестной травы.

Вверху поля зрения появилось знакомое число 1800. Влево и вправо протянулись синие полоски, наконец огненные буквы отправили Харуюки [В БОЙ!!!].

– Оо… арена «Сумерки». Мы вытянули редкую карту, – прозвучал голос Черноснежки рядом с озирающимся Харуюки. – Свойства арены: хорошо горит, быстро разрушается, на удивление унылая.

– А, оо…

Кивая, Харуюки оглядывал свое тело. Он и не заметил, когда его поросячий аватар сменился стройным серебряным роботом.

Интересно, как же теперь выглядит Черноснежка… Харуюки поднял голову и обнаружил тот же самый аватар в черном платье, без единого изменения.

– Вот, значит, какой у тебя дуэльный аватар. «Сильвер Кроу», красивое имя. И цвет красивый. И форма мне нравится.

Черноснежка протянула руку и похлопала по гладкой серебряной голове.

Харуюки четко ощутил касание; он вновь осознал, что здесь нет никакой «защиты от касания», предназначенной для того, чтобы оберегать детей. Да, здесь настоящая виртуальная реальность.

– Сп-пасибо… но только он на вид какой-то совершено никакой. А переделать его нельзя… нет? Кстати, а кто придумал этот дизайн и имя? И вообще, что такое дуэльный аватар?

– Как намекает название, это аватар, предназначенный исключительно для боев. …Ты вчера ночью видел длинный и страшный сон, верно?

– …Угу.

Что именно ему снилось, Харуюки не помнил, но ощущение, что это был настоящий кошмар, осталось. Невольно он обхватил тонкие руки своего робота жесткими ладонями и стал тереть.

– Этот сон вызвала программа, которая залезла в самую глубину твоей сути. «Брэйн Бёрст» берет желания, страхи и мечты своего обладателя, перемалывает их вместе и из всего этого создает дуэльный аватар.

– Моя… суть. Страхи и… желания, – прошептал Харуюки и вновь оглядел собственный аватар. – Вот это… мелкое, слабое и скользкое тело – мое желание? Ну да, я часто думаю, что неплохо было бы похудеть, но… хоть бы у меня был какой-то более героический вид…

– Ха-ха-ха, все не так просто. Программа берет и использует вовсе не твой идеал, а твои комплексы. В твоем случае – радуйся, что в качестве дуэльного аватара не был взят твой розовый поросенок-кун. Хотя он мне тоже нравится.

– П-прекрати. Он *мне* не нравится.

Надо сделать нового черного рыцаря для школьной сети. С этой мыслью Харуюки спросил:

– Семпай, значит, твой школьный аватар тоже сделан «Брэйн Бёрстом»? Это символ твоих комплексов? Но он такой красивый…

– Нет… – Черноснежка чуть нахмурилась, и по ее глазам прошла тень. – Его сделала я сама, в редакторе. Я… в силу некоторых причин не пользуюсь своим дуэльным аватаром.

Почему – расскажу в свое время.

– Не пользуешься?..

– К сожалению, мой дуэльный аватар уродлив. Уродлив до крайности. Правда, не пользуюсь я им не поэтому… ладно, сейчас речь не обо мне.

Черноснежка пожала плечами, и к ней вернулось прежнее таинственное выражение лица. Ее белая рука вновь погладила голову-шлем Харуюки.

– Сегодня утром в Глобальной сети с тобой сражался другой Бёрст-линкер, и ты пользовался своим новым аватаром. Ты был начисто разгромлен. Так?

– …Мм, в точности. Сделали меня шикарно.

– Экран с результатом боя, ты его хорошо запомнил?

Невольно Харуюки вспомнил арену, на которой дрался утром. Мрачные руины города, где парень в скелетном шлеме и на вульгарном мотоцикле одним ударом отправил его в полет, после чего его хит-пойнты ооочень быстро закончились.

С печальным звуковым эффектом перед ним появилось слово «ПОРАЖЕНИЕ», а потом –

– Сейчас вспомню… Там было мое имя, первый уровень, потом вылезло какое-то странное число. Бёрст… пойнт, кажется. Оно уменьшилось с девяноста девяти до восьмидесяти девяти.

– Молодец, хорошо запомнил. Бёрст-пойнты, очки ускорения! Вот почему нам приходится выходить на арены.

Эти слова Черноснежка почти выкрикнула, потом, сделав несколько шагов к застекленному окну, развернулась. Двумя руками стукнула кончиком зонта в пол, так что кусочки битой плитки разлетелись во все стороны.

– «Бёрст-пойнты» – число, которое показывает, сколько раз мы можем «ускориться». Одно «ускорение» – единичка долой. Сразу после установки программы их сто, но вчера в рекреации ты один раз «ускорился», так что их стало на одно меньше. А сейчас ты потратил еще одно.

– Арр… а как их поднимать? Неужели платить реальные деньги?

– Неправильный ответ, – категорично заявила Черноснежка. – Существует лишь один способ увеличить число Бёрст-пойнтов – выиграть бой. Когда ты выигрываешь – если противник того же уровня, ты получаешь десять очков. При поражении десять очков теряются. Что и произошло сегодня утром.

Черноснежка повернула голову, чтобы посмотреть в вечернее небо за окном, потом шепотом продолжила.

– «Ускорение» – очень сильная вещь. Победить в драке – легче легкого; можно получать высшие баллы на экзаменах, выигрывать

в различных играх, в спортивных состязаниях. На Косиэне[13] этим летом был побит рекорд по хоумранам; парень из первого класса старшей школы, который это сделал, – Бёрст-линкер высокого уровня.

– …Что…

Черноснежка кинула грустный взгляд на обалдевшего Харуюки.

– И поэтому, раз вкусив запретного нектара, мы уже не можем отказаться от «ускорения». А для этого нам нужны Бёрст-пойнты, а значит, мы вынуждены вечно сражаться.

– …По… погоди-ка.

Что, Бёрст-линкер сразу становится гением во всем?

Нет, не то. В словах Черноснежки было что-то странное.

Харуюки лихорадочно думал, наконец раскрыл рот.

– Аа… ты только что сказала, победа в бою – это плюс десять, поражение – минус десять. Это значит… ведь еще один Бёрст-пойнт теряется на «ускорение», значит, их общее число у всех Бёрст-линкеров может только уменьшаться. То есть у тех, кто плохо умеет драться, оно наверняка упадет до нуля… и что будет тогда?..

– Да, ты быстро схватываешь. Все просто. «Брэйн Бёрст» будет потерян.

Черные глаза, в которых будто горело что-то, смотрели прямо на Харуюки.

– Программа автоматически деинсталлируется, и установить ее повторно уже не удастся. Даже смена нейролинкера не поможет, поскольку программа знает индивидуальные мозговые волны каждого Бёрст-линкера. Те, кто теряют все Бёрст-пойнты, никогда больше не могут «ускоряться».

От ее голоса стало холодно; а она продолжала:

– На арену все время выходят новички вроде тебя, так что общий запас очков не обязательно должен снижаться. Но все равно – сейчас он слегка уменьшается.

Однако Харуюки из этой последней фразы не слышал почти ничего.

– «Брэйн Бёрст» будет… потерян.

Харуюки всего два-три раза попробовал на вкус силу «ускорения», и сейчас от одной мысли о том, что оно может пропасть, его пробрало холодом. И дело не только в том, что он не сможет больше «ускоряться». Для Харуюки это значило – он потеряет единственную ниточку, связывающую его с Черноснежкой, которая во всех остальных отношениях живет в ином мире.

Лишь теперь он осознал, насколько тяжелой потерей были те

десять очков, отобранные скелетом-мотоциклистом.

– Итак… что ты будешь делать, Харуюки-кун?

Услышав этот прошептанный вопрос, Харуюки поднял голову.

– Что я буду делать?..

– Ты еще можешь вернуться. В нормальный мир, где нет «ускорения» и сражений. Идиоты, которые тебя гнобили, больше к тебе не подойдут, это я гарантирую как член студсовета.

– …Я… я…

«Ни "ускорение", ни "Брэйн Бёрст" не имеют значения. Я просто не хочу расставаться с тобой».

Конечно, такого произнести он не мог. Вместо этого он сжал серебряные кулаки и ответил:

– …Я все еще в долгу перед семпаем.

– О?

– Ты дала мне «Брэйн Бёрст» и вытащила из этого ада. И вовсе не для того, чтобы забрать мои стартовые сто очков, уж это-то я понимаю. Если так… не знаю, как нормально сказать… Видимо, я тебе зачем-то нужен. Ты смотрела мой рекорд в сквоше, потом объяснила с нуля про «ускорение» – у тебя должна быть какая-то цель. Я прав?

– …Хмм. Логично рассуждаешь.

Чуть улыбаясь, красивый аватар смотрел Харуюки прямо в серебряное лицо.

– Я… я правда недостоин так вот говорить с семпаем. Я лузер, толстяк, плакса, я завидую двум своим единственным друзьям и даже ревную их, я умею только сбегать, я вообще ни на что не гожусь. Я просто ужасный.

Что я такое говорю… Однако остановить поток слов было невозможно. Слава богу, его лицо – бесстрастная зеркальная маска.

– Однако Черноснежка-семпай все равно говорила со мной и даже напрямую подсоединялась ко мне; я понимаю – это потому что я неплох в играх; другой причины не может быть, и меня это вполне устраивает, вот.

Что же я на самом деле пытаюсь сказать – надо привести мысли в порядок, потом уж говорить – ох, самое время «ускориться» – нет, я и так уже в ускоренном состоянии.

Харуюки был в таком замешательстве, что мог лишь изливать все, что в нем накопилось.

– Вот почему… вот почему я хочу оправдать ожидания семпая. Твое… сострадание – я хочу его оправдать. Я сам не знаю, что я могу; если тебе что-то нужно, я сделаю все, что смогу. Поэтому я… не буду удалять «Брэйн Бёрст». Я буду драться… как Бёрст-линкер.

Да что же такое, я должен был сказать только последнюю часть! Что же я наговорил.

Вывалив из себя все слова, Харуюки от стыда съежился, сжался всем своим худым телом.

«По-моему, ты кое в чем неправ, застенчивый мальчик». Харуюки был готов к тому, что именно так Черноснежка считает; однако то, что он услышал в ответ, его потрясло.

– «Сострадание»… не произноси таких слов.

Харуюки чуть поднял голову и увидел самое взволнованное выражение лица Черноснежки за все время, что он с ней общался.

– Я всего лишь глупая и беспомощная школьница. Я такой же человек, дышу тем же воздухом, что и ты, стою там же, где и ты. На этой арене мы оба Бёрст-линкеры. Это ты создаешь расстояние между нами. Всего два виртуальных метра – для тебя это так далеко?

Черноснежка замолчала и протянула белую руку

Ты далеко.

Так пробормотало что-то в груди у Харуюки.

Когда на такого, как я, смотрит такая, как ты, само совершенство – ты даже представить себе не можешь, какая это пытка. Я хочу быть слугой. Двигаться, как пешка под твоей рукой, – одно это уже нежданное счастье для меня. Если я сейчас возьму твою руку, у меня появятся надежды, которые мне непозволительны. И позже расплатой за эти отравленные надежды будет двойная боль.

С Тиюри и Такуму то же самое. Харуюки достаточно быть просто их другом. Никакой жалости, никакого сочувствия – он не желал ничего большего, чем просто дружба, но…

Слова, вырвавшиеся из его рта, были сухи, как мертвое дерево в виртуальных сумерках.

– …Семпай, ты вытащила меня из ада. Это… дало мне счастье на целую жизнь. Ничего большего мне не надо, абсолютно ничего.

– …Ясно, – пробормотала Черноснежка и опустила голову.

Тяжелое молчание повисло над ареной. В конце концов его прервал голос, который, как показалось Харуюки, ничуть не изменился.

– Я с радостью принимаю твою решимость. Да, сейчас меня действительно беспокоит некоторая проблема. И для ее решения мне нужна твоя помощь.

Харуюки тихонько перевел дыхание и кивнул.

– Конечно, я сделаю все, что смогу. Что от меня требуется?

– Для начала – научиться сражаться. Кликни на своем имени под полосой хит-пойнтов. Выбери пункт «Установка», там увидишь все команды активации обычных и специальных навыков

своего дуэльного аватара.

– Сп-пециальных навыков? – переспросил Харуюки, останавливая протянутую было руку.

– Да. Когда создается дуэльный аватар, программа раскидывает определенные значения параметров, соответствующие особенностям аватара. Одни аватары сильны в атаке, другие имеют прочную защиту, третьи хороши в спецатаках. Но общее правило таково, что у всех дуэльных аватаров одного уровня примерно один и тот же потенциал. То, что в первом бою тебя разнесли, вовсе не означает, что твой противник был слишком силен, – просто ты не умел сражаться.

Тот мотоциклист, «Эш Роллер», был первого уровня, как и Харуюки. Тогда он показался ему ужасно крутым; а на самом деле он не сильнее «Сильвер Кроу»?

Если так, то у этого маленького, тощенького робота должен быть просто потрясающий спецнавык. Харуюки в предвкушении протянул серебряный палец и прикоснулся к своему имени.

Раздался звуковой эффект, и перед Харуюки открылось полупрозрачное окошко.

Слева простой анимированный человечек показывал движения, справа высвечивались названия навыков.

Первый. Подсесть, сжать руку в кулак, резко выбросить руку вперед. Обычный навык «Удар».

Второй. Отвести правую ногу назад, нанести удар вперед. Обычный навык «Пинок».

И, наконец, специальный навык. Скрестить руки, развести в стороны, отклонить голову, резко двинуть ее вперед. Название – «Удар головой».

И все. Больше ничего.

– …Эээ, – обалдело промямлил Харуюки. – Обычные навыки «Удар» и «Пинок»… а специальный – всего лишь удар головой.

– О?

Услышав это, Черноснежка приложила правый указательный палец к подбородку и склонила голову набок. Харуюки показалось, что ее выражение лица не изменилось, но долго пялиться он не мог и потому съежился. От одной мысли о разочаровании в ее глазах его всего бросило в жар.

Сам того не ожидая, он раскрыл рот.

– Не, нормально. Ничего неожиданного. Этот аватар, похоже, совершенно бесполезный. Прости, что не оправдал надежд. Ничего, можешь просто оставить меня. Считай, что ты просто проиграла в лотерею.

– Ты… глупый!!!

От этого выкрика содрогнулось все его тело. Харуюки поднял

голову; он и не успел заметить, когда Черноснежка успела оказаться совсем рядом. Подняв брови, она смотрела на него сверху вниз прожигающим насквозь взглядом.

– Я ничего не буду говорить о том, как ты живешь, – я ведь такая же школьница, как ты. Однако в отношении «Брэйн Бёрста» я на шесть лет старше тебя. Я сказала уже: все дуэльные аватары имеют одинаковый потенциал. Что, забыл?

– Но… но мои навыки – всего лишь удары рукой, ногой и головой…

– Значит, где-то еще наверняка есть сила, которая их дополняет.

Взгляд Черноснежки немного смягчился, и она продолжила увещевающим тоном:

– Твой дуэльный аватар – порождение твоей души. Что будет, если ты в него не будешь верить?

Я в первую очередь не верю в самого себя.

Так Харуюки мысленно пробормотал и кивнул.

– …Прости. Я буду верить… если не в себя, то по крайней мере в твои слова.

При этих его словах лицо Черноснежки чуть изменилось – возможно, она просто грустно улыбнулась, – и Харуюки слегка расслабился.

– Но прежде, чем ты выучишься сражаться, ты должен выучить еще кое-что. Сила – это…

Черноснежка помолчала немного; ее слабо улыбающееся лицо было печальным.

– Сила – не просто слово, обозначающее достижение победы. Я потратила слишком много времени, чтобы это понять. А когда поняла, было уже поздно.

Значения этих прошептанных слов Харуюки не мог ухватить. Он склонил голову набок и собрался было спросить, но Черноснежка, не давая ему сделать этого, вдруг развернулась.

– Хмм, уже почти пора.

Харуюки взглянул на счетчик времени; от 1800 секунд осталось всего 20.

– Ладно, следующим уроком будет практическое занятие.

– Э… что?.. В каком смысле?..

Черноснежка бесстрашно улыбнулась озадаченному Харуюки.

– Разумеется, тебе предстоит забрать их назад. Твои десять очков.

И сразу после этой фразы выплыло слово «Ничья», бой закончился, и «ускорение» тоже.

Как только они вернулись в настоящую рекреацию, Черноснежка, не оставив Харуюки шанса что-либо добавить,

выдернула кабель Прямого соединения и убрала его.

– Ладно! Давай поедим, Арита-кун. А то еда стынет.

Улыбнувшись, она взяла со стола ложечку. У Харуюки не осталось выбора, кроме как придвинуть к себе тарелку с карри. Хотя он взял эту тарелку полчаса субъективного времени назад, от нее по-прежнему поднимался теплый пар. У Харуюки заурчало в животе.

От окружающих столиков его обстреливали те же недовольные взгляды, что и вчера. Харуюки начал было раздумывать над идеей уйти с карри в столовку и поесть там, но проиграл собственному пустому желудку. Он успел отправить в рот три полных ложки карри, когда старшеклассница, сидящая за тем же столиком, обратилась к Черноснежке, и от ее слов у Харуюки в горле встал ком.

– Снежка, ну когда уже ты нам расскажешь? Мы умираем от любопытства. Какие у вас с ним отношения?

Харуюки поднял глаза; говорила та самая пышноволосая девушка из студсовета, которую он видел вчера. Второклассница и, кажется, секретарь совета.

– Хмм.

Черноснежка положила ложечку на край тарелки, элегантно подняла чашку с чаем и, похоже, призадумалась. Ученики вокруг разом затихли.

– Если коротко – я ему призналась, а он мне отказал.

Мир наполнился криками и воплями ужаса.

Харуюки, держа ложку во рту, подхватил тарелку с карри и бросился наутек.

– Что… что ты наделала!!!

Два часа спустя Харуюки под пулеметным огнем взглядов плелся сзади-справа от Черноснежки к школьным воротам и тихо жаловался.

– Чем ты вообще думала!!! Меня опять гнобить начнут!!! Вообще жизни не дадут!!!

– Сильное заявление.

Черноснежка рассмеялась, потом уже с серьезным видом добавила:

– Я сказала правду. Да ты и сам был великолепен.

С этими словами она повозилась со своим виртуальным рабочим столом и крутанула кончиком пальца. Тут же в поле зрения Харуюки зажглась иконка – по школьной локалке ему пришел файл. Он кликнул, и прямо перед ним развернулась большая фотка.

На фотке был он сам – с ложкой карри во рту и совершенно

идиотским выражением лица.

Едва увидев это, Харуюки завопил «угяаааа!» и мгновенно переправил файл в корзину.

– К-когда ты успела сделать этот скриншот? Даже ловкость рук должна иметь пределы!

– Что такого, просто на память.

Пока они так переругивались, Харуюки продолжал ощущать на себе испепеляющие взгляды окружающих. Он привычно втянул голову в плечи, но спрятаться за стройной Черноснежкой было без шансов.

– Выше голову. В этой школе я многим парням отказывала, но чтобы наоборот – ты первый.

– Да когда я успел-то это сделать!

– Так говорить очень грубо с твоей стороны. Я могу опять обидеться. …Ладно, сменим тему.

Этим своим «сменим тему» Черноснежка оставила вопрос висеть в воздухе, после чего тихо произнесла уже с серьезным выражением лица:

– Когда мы выйдем за ворота школы, твой нейролинкер подключится к Глобальной сети. Любой Бёрст-линкер здесь, в «Третьей боевой зоне Сугинами», может вызвать тебя на дуэль. Пока тебя не успели вызвать, сразу «ускорься», найди в списке Эш Роллера и вызови его.

– Что… зона? Что, есть какое-то ограничение, откуда можно вызывать противников?

На вопрос Харуюки Черноснежка едва заметно кивнула.

– Да. Если ты вызовешь кого-то с другого края Токио, полчаса истекут прежде, чем вы встретитесь. …Позже ты сможешь попасть на безграничную арену для групповых боев, но это будет не раньше четвертого уровня. А сейчас сосредоточься на ближайшем поединке.

Голос Черноснежки зазвучал немного резче, и она завершила лекцию словами:

– Скажу сразу: если ты проиграешь, то не сможешь сразу же вызвать его на матч-реванш. Одного и того же противника можно вызывать только один раз в день. Я буду среди зрителей и, к сожалению, помочь тебе ничем не смогу. …Не делай такое убитое лицо; если ты будешь драться так, как я написала в мэйле, то не проиграешь.

– Ла… ладно.

Харуюки сглотнул и кивнул. Содержимое текстового мэйла, полученного во время шестого урока, он уже скопировал & вставил себе в мозг.

– Это твой настоящий дебют, Сильвер Кроу. Удачи.

Черноснежка подтолкнула Харуюки в спину, и он шагнул в переулок, продуваемый пыльным ветром сражения.

Глава 4

Арена опять была «Конец века» – ночь, руины и пожары.

Съежившись своим и без того маленьким аватаром, Харуюки прятался на пешеходном переходе над седьмой кольцевой линией.

Во время предыдущей дуэли он не обратил внимания, потому что был слишком напуган, но сейчас он видел, что, кроме полос хит-пойнтов и счетчика времени, перед его глазами был еще маленький голубой треугольничек. Это был курсор, показывающий направление на соперника.

Треугольник указывал прямо на север, куда уходила широкая дорога, и чуть дрожал. Это значило, что противник, Эш Роллер, не стоял неподвижно где-то вдалеке, а, скорее всего, спешил сюда по прямой. Расстояние курсор не показывал.

Харуюки мысленно пробежался еще раз по стратегии, которую Черноснежка набросала ему в своем мэйле.

«Из твоей информации можно сделать вывод, что у Эш Роллера есть две слабости. Во-первых: когда он движется, он издает громкие звуки».

Что верно, то верно. В прошлый раз, если бы только Харуюки обращал больше внимания на то, что его окружало, он бы издалека услышал рев бензинового двигателя.

На этот раз его врасплох не застанешь. Харуюки, затаив дыхание, вслушивался изо всех сил. И вот –

…Он идет!

Курсор едва заметно дрожал, как и прежде, но уши Харуюки уловили низкий рев, который спутать с чем-либо было невозможно. Эш Роллер, похоже, несся по пустынной седьмой кольцевой на полном газу. Должно быть, он просто кайфовал; ведь если он в реальном мире тоже ездил на мотоцикле, то это был маломощный электроскутер, и ему приходилось каждый день плестись в пробках. Да плюс его соперник – тот же новичок, которого он так роскошно отделал сегодня утром.

Ну, на этот раз вчистую тебе не выиграть. Потому что первый удар будет за мной.

Мысленно скрипя зубами, Харуюки неотрывно смотрел на голубой курсор.

Как и прежде, противник мчался на юг; по звуку мотора Харуюки мог примерно оценить расстояние. Но вот у противника такой возможности не было. Он несся по прямой на полной скорости; лишь когда мотоцикл проедет под Харуюки, Эш Роллер заметит изменение положения курсора.

Лежа на животе на полу перехода, Харуюки пристально смотрел сверху вниз в направлении станции Коэндзи. Взрывоподобный рев становился все громче, вот уже Харуюки начал ощущать вибрацию…

Вот он.

Фары Эш Роллер, разумеется, не включал, но Харуюки четко видел отблески огня на хроме. Соперники сойдутся через пятнадцать – нет, через десять секунд.

Шанс застать противника врасплох будет только один. Однако оружие Харуюки – всего лишь обычные навыки «Удар» и «Пинок». То есть все, что он может, – спрыгнуть с пешеходного перехода и ударить собственным телом.

Страшно. Я так не смогу.

Такая мысль на мгновение его посетила, и он тут же мысленно обругал себя.

Нечего нести чушь. Я сейчас не толстый 13-летний Харуюки Арита, я Бёрст-линкер по имени Сильвер Кроу. И здесь не реальный мир, а виртуальное поле боя. Здесь мир, в который я вкладывал бОльшую часть своего времени и своей души. Можно сказать, пожалуй, что это и есть мой реальный мир.

Так что я не проиграю. Наоборот – я с удовольствием одолею этого человека-скелета!

– Уаааа!

С этим возгласом Харуюки встал, одним махом вскочил на металлическое ограждение перехода и спрыгнул.

Спрыгнув с высоты, угодить пинком точнехонько в мотоциклиста, летящего за сто километров в час, – задачка, пожалуй, более трудная, чем Харуюки себе представлял.

Однако с его умением попадать в виртуальные мячи для сквоша, которые разглядеть еще труднее, черепообразный шлем Эш Роллера – просто гигантская мишень. На лету вытянув вперед правую ногу, стабилизировав траекторию расставленными руками, Харуюки несся серебряной стрелой.

– …Оуа?!

Он услышал вскрик, вырвавшийся из-под черепа-забрала.

В следующее мгновение ступня в серебряной броне вмазалась точно в середину черепа.

Раздалось грандиозное «БАБАХ!!!», и по маске от центра к краям пошли трещины. Голова мотоциклиста с хрустом подалась назад. Харуюки пролетел над ней, упал на асфальт и перекатился.

Какое-то мгновение перед глазами у него все вертелось, но тут же он поднял голову и оглянулся.

Мотоцикл отбросило вправо, от передних и задних тормозов летели искры; остановился он, врезавшись в груду обломков

сбоку от дороги. Мотоциклист ударился лицом о топливный бак; двигатель, издав напоследок печальный звук, замолчал.

– …П-получилось, – сжав правую руку в кулак, прошептал Харуюки и проверил свои и вражеские хит-пойнты.

Сильвер Кроу от прыжка с большой высоты потерял примерно 5% хит-пойнтов. Что до Эш Роллера – он потерял куда больше: сперва пинок, потом удар о груду обломков снесли ему около 20% здоровья, и его полоса хит-пойнтов приобрела чуть сиреневый оттенок.

Можно сказать, первая атака увенчалась успехом. Но, увы, нанести критический урон и убить противника одним ударом не удалось.

Харуюки встал, нашел взглядом пятиэтажное здание слева от дороги и побежал туда. По словам Черноснежки, основная, боевая часть арены «Конец века» – это дорога, так что в здания заходить нельзя. Однако на наружные части зданий это ограничение не распространяется.

На стене здания имелась полуразрушенная пожарная лестница, помещенная туда, видимо, на всякий случай. Харуюки запрыгнул на нее и одним махом поднялся до самой крыши.

«Теперь насчет второй слабости Эш Роллера. Возможности его дуэльного аватара в основном связаны с его мотоциклом. Боевые способности самого аватара должны быть практически на нуле. Поэтому: сперва ты его атакуешь и наносишь урон, потом забираешься на крышу здания, куда он на мотоцикле не заедет».

Такой план сражения дала ему Черноснежка.

Если только, когда Харуюки заберется на крышу, у его противника останется меньше хит-пойнтов, чем у него самого, то надо будет лишь дождаться, пока выйдет время, – и победа в кармане. И даже если наездник слезет со своего мотоцикла и тоже поднимется на крышу, Харуюки сможет его измолотить руками-ногами.

На первый взгляд план выглядел трусливым. Однако Харуюки нравилось одерживать умные победы, атакуя уязвимые точки противников. Можно сказать, это был его игровой стиль.

Сейчас, стоя на крыше, Харуюки захотел вернуть с процентами Эш Роллеру его утренний смех; он подошел к краю крыши.

Глядя сверху вниз, он увидел, как остановившийся двигатель разбитого мотоцикла наконец-то заработал вновь. Работающий вхолостую мотор звучал, как чье-то тяжелое дыхание; мотоциклист вытаскивал своего железного коня из-под обломков.

Харуюки думал, как бы получше оскорбить Эш Роллера, как вдруг услышал голоса.

– А, этот мелкий неплохо справился.

– Просто небо и земля по сравнению с утром. Интересно, кто его Родитель.

Харуюки глянул в направлении голосов; там, на крыше здания поодаль, на громадном водяном баке сидели несколько силуэтов и смотрели на него. Зрители.

Дуэль Бёрст-линкеров длится всего 1.8 секунды реального времени, поэтому, разумеется, кому-то еще «ускориться» после ее начала просто не успеть. Поэтому предусмотрена такая система: когда человек начинает дуэль, его друзья или просто те, кому он интересен, – те, кто заранее внес его имя в соответствующий список, – «ускоряются» автоматически и переправляются на ту же арену. Бёрст-пойнты на это не расходуются.

Оглядевшись, Харуюки увидел довольно много силуэтов. То там, то здесь – на крышах, на дорогах. Его они все не могли отметить – значит, все эти Линкеры следят за Эш Роллером.

Однако был среди зрителей и тот, кто внес в список наблюдения его, Сильвер Кроу. Это, конечно же, Черноснежка, Блэк Лотус.

Интересно, где она сейчас? Харуюки заоглядывался; вдруг один из двоих сидящих на водяном баке помахал ему рукой.

– Если выиграешь эту дуэль, я тебя тоже зарегистрирую. Удачи, парень.

– Только это будет непросто, – заметил второй.

Харуюки мысленно ответил ему:

«К сожалению, дальше все будет очень скучно. Просто выйдет время».

Пожав плечами, он вновь посмотрел на дорогу.

И оцепенел.

Далеко внизу мотоцикл Эш Роллера, выглядящий с крыши мелким, как горошина, стоял, упершись передним колесом в стену дома.

Пого… чт… что ты хочешь сделать?

Ответом ему послужил пронзительный, полный ярости выкрик:

– Не очень-то… зазнавайся, лысик!!! Как ты посмел испортить музыку моего Вэ-твин?!

«БОГАААН!!!» – взревел мотор, и из хромированной выхлопной трубы вырвалась струя пламени.

И тут же громадный американский мотоцикл с ошеломляющей скоростью понесся вверх по стене.

– Ааа…

Харуюки почувствовал, как его глаза под серебряной маской вылезают из орбит. Он отступил на шаг – и всего через две

секунды на расстоянии вытянутой руки, испуская грохот и горелую вонь, возникла стальная махина.

Двигатель взвыл, и мотоцикл, подлетев на два метра над крышей, приземлился прямо перед Харуюки.

– Уаууауа!!!

Харуюки поспешно отступил еще на несколько шагов.

Серое заднее колесо с грохотом стукнулось о бетон крыши. По бетону пошли трещины, и несколько осколков ударились о броню Харуюки. Он заметил, что его полоса хит-пойнтов на чуть-чуть укоротилась – новый сюрприз.

В нормальных файтингах урон наносится только заранее предусмотренными системой способами. Да, «Brain Burst» нельзя назвать нормальной игрой. Графика и звук, почти не отличимые от реальности, и такая детализация.

Здесь-то и должен лежать ключ к тому, как побеждать в этом мире.

Зарубив это себе на носу, Харуюки поднял глаза на своего куда более опытного противника.

Мастерски выправив мотоцикл, Эш Роллер уставился сверху вниз на Харуюки и принялся говорить высоким металлическим голосом.

– Вообще-то, когда я выиграл у тебя сегодня утром, я наконец набрал триста очков и получил второй уровень.

Черепоподобное забрало металлического шлема было сломано, и сквозь него виднелась часть лица. Вовсе не устрашающая рожа – лицо молодого парня с тонкими чертами, этакого «ботаника».

«Дуэльные аватары – проявление человеческих комплексов». Эти слова Черноснежки эхом отдались в памяти Харуюки.

Эш Роллер, улыбаясь тонкими губами, повернул рукоять и продолжил:

– У меня была суперпроблема, на что потратить бонус нового уровня – на спецатаку, увеличение скорости или умение ездить по стенам. Аа, я сделал ультраправильный выбоооор…

Он убрал руки от руля и направил указательные пальцы на Харуюки.

– Так что ты в гигаобломеееe.

Мог бы и не говорить, я и так знаю.

Так Харуюки мысленно пробормотал; однако все это время он не только молча слушал. Он лихорадочно озирался и пытался вспомнить все, о чем писала Черноснежка, чтобы выжать хоть каплю знаний, которая помогла бы ему выкрутиться из этой ситуации.

«Если первая атака или отступление после нее сложится

неудачно и тебе придется сражаться с Эш Роллером на мотоцикле, твои шансы на победу, к сожалению, будут очень малы. Потому что…»

И дальше Черноснежка написала о «специализациях» дуэльных аватаров.

Автоматически генерируемое английское имя каждого Бёрст-линкера всегда включает в себя цвет.

Цвет и определяет специализацию дуэльного аватара.

«Синий» – прямые атаки ближнего боя, «красный» – прямые дальнобойные атаки, «желтый» – непрямые атаки. У промежуточных цветов вроде «фиолетового» или «зеленого» могут быть две специализации. Кроме того, из всех цветов, находящихся вдали от цветового круга, так называемые «металлические цвета» специализируются не на атаке, но на защите.

«Металлические цвета, включая твой "серебряный", встречаются очень редко, это сильные цвета. Они устойчивы к режущим, колющим, термическим и отравляющим атакам, да и в ближнем бою их собственная атакующая сила не мала. Но, конечно же, есть и недостатки. Естественный враг всех металлики – коррозия; кроме того, они уязвимы против дробящих атак».

Так Черноснежка проанализировала сильные и слабые стороны Сильвер Кроу; а потом она сообщила подробности про Эш Роллера, которого предположительно вообще никогда не видела.

«С другой стороны, "пепельный" цвет Эш Роллера в цветовом круге ближе к синему, чем к зеленому. Низкое насыщение цвета означает, что у него спецатаки. Трудно сказать с уверенностью, его колеса – оружие или нет, но, боюсь, его специализация – дробящие атаки ближнего боя. То есть – твоя броня против его атак почти неэффективна. В таком случае в прямой схватке с ним у тебя есть лишь одно средство».

…Уворачиваться все оставшееся время.

Говорить так, конечно, можно, но…

Харуюки отчаянно оглядывал крышу здания.

И в длину, и в ширину здесь и 20 метров нет. План Черноснежки «постоянно уворачиваться» был, видимо, рассчитан на пустую дорогу; вряд ли ей могло прийти в голову, что мотоцикл способен ездить вверх по стенам. В итоге Харуюки забрался туда, где сам же оказался в невыгодных условиях.

Когда мотоцикл поедет на него, отступить к пожарной лестнице будет невозможно. А если просто спрыгнуть с крыши, заведомо зная, что он получит урон от падения? Но если в результате он пострадает сильнее, чем Эш Роллер сейчас,

обратной дороги уже не будет.

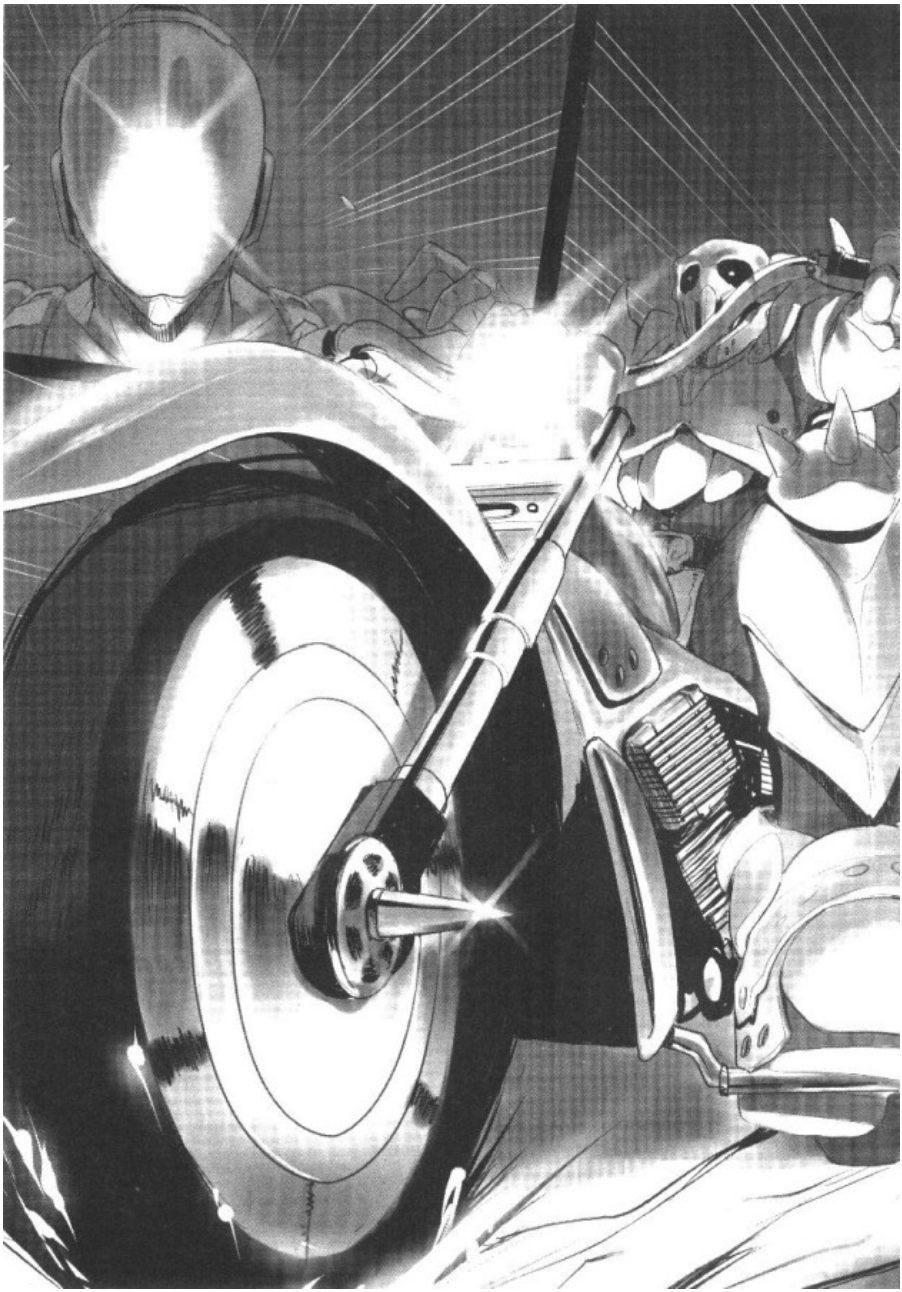
Харуюки так и стоял на месте без какого-либо плана в голове; всадник на стальном коне победно расхохотался.

– Ия-ха-ха-ха! Что, нечем крыть, лысик полированный? Ну тогда начнем!!!

Двигатель внутреннего сгорания взревел, и заднее колесо пробуксовало, выплюнув из-под себя облако синего дыма.

Переднее колесо со стуком опустилось на бетон, и мотогромадина понеслась прямо на Харуюки.

– Уааа!!!



С этим воплем Харуюки отпрыгнул вправо, но дистанция была слишком мала. Колесо чиркнуло по носку ноги, и полоса хит-пойнтов сократилась. И в то же мгновение парализующая боль ударила по нервам.

Использование «чувства боли» в виртуальных играх давно уже было запрещено законом. Но здешняя реальность – не просто игра. Она виртуальная, но в то же время сражения идут взаправду.

Отъехав от Харуюки всего на три метра, мотоцикл завизжал шинами и крутанулся на 180 градусов – и вот он вновь готов атаковать.

Неужели ничего нет? Секретного движения, которое бы разом изменило ход боя, спасло бы его…

Ну конечно же – спецатака!

Да, название ее – всего лишь «Удар головой», но, может, этот удар такой сильный, что им можно камни дробить.

Сделав ставку на этот шанс, Харуюки скопировал движения силуэта, показывающего прием, – скрестил руки перед грудью. Потом подался верхней частью тела вперед и развел руки в стороны.

Раздалось гудение, и Харуюки заметил, что его блестящая безволосая голова окуталась белым синяием. Со стороны зрителей донеслись удивленные возгласы.

…Получится!

Глубоко поверив в это, Харуюки уставился на громадный мотоцикл.

– Уооо! – закричал он и, нацелив сияющую голову на фару мотоцикла, помчался вперед.

Задолго до того, как голова успела нанести удар, переднее колесо отбросило его назад; он упал на спину, оставив в бетоне вмятину в форме человека. Световой эффект вокруг головы испарился, полоска энергии спецатаки тоже пропала.

Отовсюду раздался смех зрителей. И с этим смехом до ушей Харуюки донесся шепот одного человека.

– К сожалению, это, кажется, конец.

Харуюки охватил знакомый жар унижения.

Блин. Блин. В виртуальных играх я должен быть героем. Мой персонаж – просто слабак. Ну что за спецатака этот «Удар головой», который и ударить-то не может? Я так не могу.

Харуюки встал, но тут же уныло сел обратно. И тут он увидел –

Вдали, на крыше высокого здания, стоял одинокий силуэт.

Волосы, развевающиеся под ночным ветром. Слабо колышущееся платье. Прозрачные крылья бабочки.

Силуэт был с рисовое зернышко, выражения лица не разглядеть. Однако Харуюки чувствовал – *она* строго смотрит на него.

Нельзя – нельзя сдаваться.

Даже если проигрываешь – вставай и снова вставай; проигрывай некрасиво. Если он неспособен даже на это, он и пешкой *ее* быть недостоин.

Проглотив унижение, Харуюки снова начал лихорадочно

вспоминать все, что знает, что могло бы ему пригодиться.

Виртуальность, но в то же время реальность – главная черта этой игры под названием «Brain Burst». Потрясающая детализация и реализм. Но раз так, то и мотоцикл Эш Роллера – не просто кучка полигонов, собранных лишь для внешнего вида. Он тоже воссоздан во всех деталях – а значит, должен иметь уязвимые места.

Мотоцикл – машина прошлого века с бензиновым двигателем. Какие там у него характерные особенности?

Шумный. Воняет бензином. Это слабости, которыми можно было пользоваться до непосредственной встречи, сейчас они уже не имеют значения.

Не может ехать без бензина. Пробить дырку в бензобаке? Нет, столь высокоточная атака невозможна.

Есть ли еще что-то? Хоть что-нибудь…

Мотоцикл развернулся, рисуя задним колесом след на бетоне; ярко-желтый глаз в третий раз уставился на Харуюки.

И тут Харуюки резко вдохнул.

Есть кое-что. Да. Особенность мотоцикла с двигателем внутреннего сгорания, его слабость.

– Хия-ха-ха-ххаа!!! Потанцуй-ка ещеооо!!!

И стальной конь снова понесся вперед.

Одного раза будет достаточно. Вперед, Сильвер Кроу. Будь быстрее, чем он.

Стиснув зубы, Харуюки неотрывно смотрел на летящий к нему мотоцикл.

Да – тот тип быстр, но не настолько, чтобы его движения нельзя было увидеть. Не нужно впечатляющих прыжков – чтобы избежать удара, достаточно минимального движения.

– !..

Сосредоточившись изо всех сил, Харуюки за мгновение до того, как колесо отправило его в полет, скользнул всего на полметра вправо.

Кончик рукояти скользнул по его телу – и Эш Роллер промчался мимо.

В следующее мгновение Харуюки вытянул руки, понимая, что не обойдется без урона, и уцепился за черное крыло над задним колесом. От сотрясения ему чуть пальцы не оторвало; из суставов посыпались искры, и полоса хит-пойнтов немного сократилась.

Скорость мотоцикла чуть уменьшилась. Не упустив этого шанса, Харуюки уперся ногами в землю и откинулся всем телом назад так далеко, как только мог. Раздался треск, металлические ступни разбили бетон, и полоса хит-пойнтов продолжила сокращаться.

– Хийя-хаа! – заржал Эш Роллер, обернувшись. – И-ди-ооот!!! Такая букашка, а хочет остановить моего монстрика!!!

Ботинки наездника с хрустом опустились на педали. Черные кожаные перчатки выкрутили полный газ.

Мотор взревел, глушитель выплюнул пламя. Американский мотоцикл, устрашающе крутанувшись на месте, понесся вперед, волоча Харуюки за собой.

Харуюки услышал хруст собственных ног, трущихся о бетон. И одновременно –

– Аааааа!!!

Он не сдержал крика; ощущение было такое, будто его ноги натирают на терке; они раскалились и немилосердно жгли.

– Кия-хя-хя! Если ты сейчас же не отцепишься, то станешь еще короче!!!

Голос Эш Роллера, уверенного в победе, слился с душераздирающим металлическим скрипом. Серебряные ноги Харуюки раскалились докрасна, полоса хит-пойнтов укорачивалась с пугающей быстротой.

Но Харуюки не разжал рук. Стиснув зубы под серебряной маской, он терпел жар и боль и продолжал тащиться за мотоциклом.

Если бы под ними была седьмая кольцевая линия, с маленьким телом Сильвер Кроу произошло бы ровно то, что сказал Эш Роллер, – оно бы укорачивалось, пока не превратилось бы в маленький кусочек металла и не исчезло бы вовсе. Но на крыше полуразрушенного здания было мало места, так что мотоцикл просто не мог ехать вперед до бесконечности.

Низенькая загородка приближалась; наездник-скелет издал странное «хёоо!» и наклонил мотоцикл для резкого разворота. Тормоза выплюнули искры, и из-под колес вырвались облака белого дыма.

– Куууу!

Харуюки отчаянно держался, чтобы его не унесло центробежной силой.

Скоро. Еще полсекунды – и придет первый и последний шанс.

Обороты движка упали. Мотоцикл закончил разворот и приготовился вновь начать жестокий разгон –

Настало мгновение, когда ноги Сильвер Кроу твердо стояли на бетоне.

– …Ооооооо!!! – закричал Харуюки.

И, собрав всю свою силу, он выпрямился, поднимая двумя руками мотоцикл за заднее крыло. От коленей, локтей и плеч полетели искры, от оставшихся 20% его здоровья отлетела половина, маленькие ноги стояли прямо под громадной

тяжестью.

0.1 секунды спустя здоровенное колесо отчаянно завертелось. Но энергия вращения так и не перешла в энергию поступательного движения. Шина вращалась чуть выше бетонной кровли.

– О… оо?

Прямо перед носом у Харуюки Эш Роллер, все еще глядя вперед, издал изумленный возглас. Еще два или три раза он лихорадочно крутанул рукоятки.

Двигатель взревел еще громче, заднее колесо крутилось как сумасшедшее. Но стальная туша мотоцикла не сдвинулась ни на чуть-чуть.

Это и была «уязвимость», подмеченная Харуюки. В отличие от нынешних скутеров, у которых электромоторы были в обоих колесах, в мотоциклах прошлого века с двигателями внутреннего сгорания эти самые двигатели передавали вращение только на заднее колесо. Поднять мотоцикл целиком совершенно невозможно, но приподнять его за одно колесо металлический робот-аватар может, даже с учетом реалистичного уровня детализации. И не только приподнять, но и продержать так хоть час.

– Блин… ты! Эй!!! А ну опустил на место, лысик!!! – завопил Эш Роллер, оглянувшись на Харуюки. Тот ухмыльнулся, хоть его противник и не мог этого видеть.

– Ну уж нет. Если ты против, попробуй покрутить переднее колесо.

Вернувшись из ускоренного мира, Харуюки полной грудью вдохнул солнечный свет, потом протяжно выдохнул.

Бой завершился на счете 600, то есть он длился примерно секунду реального времени. Но ладони Харуюки взмокли от пота и страшно замерзли.

Напряженным пальцем он потянулся к кнопке отсоединения нейролинкера от Глобальной сети, как вдруг его кто-то смачно хлопнул по плечу.

– Эй, ты справился, Сильвер Кроу! А я уж подумала, что ты проиграешь.

Развернувшись, Харуюки увидел на личике Черноснежки редкую для нее солнечную улыбку. Они оба «ускорились», как только вышли за ворота школы, так что ничего удивительного, что она здесь; но на арене она наблюдала за боем с крыши далекого здания; это сбивало с толку.

Вот истинное расстояние между нами. Не выдавай желаемое за действительное.

Прислушиваясь к собственным словам, Харуюки неловко улыбнулся в ответ.

– Я… я тоже был уверен, что проиграю.

– Не скромничай, это была классная победа. Мне бы и в голову не пришло подумать о внутреннем устройстве мотоцикла Эш Роллера… а ты нашел уязвимое место, через которое твой аватар сумел с ним справиться. Так или иначе, свои очки ты вернул.

– Я вернул больше. Я двадцать получил, потому что он был уже второго уровня.

Черноснежка моргнула, потом просияла и снова хлопнула Харуюки по плечу.

– Ха-ха-ха, понятно; вот почему он умел ездить по стенам.

– Это не смешно, я был просто в шоке.

– Хи-хи-хи, ой, прости. Зато благодаря этому ты нашел интересный способ его одолеть, верно? Я слышала от других зрителей – ты первый, кто применил против Эш Роллера этот трюк. Блестящая победа.

– А, хаа…

Несмотря на то, что ведущее колесо мотоцикла висело в воздухе и никуда не ехало, Эш Роллер минут пять упрямо пытался подчинить себе мотоцикл, прежде чем наконец слез с него.

Харуюки, до того момента лишь сбегавший или летавший под ударами, буквально жаждал нормальной драки; разумеется, его металлические кулаки быстро принесли ему победу.

– Даже твои «Удар» и «Пинок» пригодились. А «Удар головой»… ну, он будет работать с противниками, у которых более стандартная манера ведения боя. …Ой, ну что мы просто стоим и говорим.

При этих словах Черноснежки Харуюки заозирался. Они вдвоем стояли возле самых ворот школы; ученики, идущие по домам и просто стоящие поблизости, глазели на них с нескрываемым любопытством.

Харуюки съежился, стараясь казаться как можно меньше; потом он заметил в толпе лицо Тиюри и забыл дышать. Чисто машинально он отвел глаза.

Вчерашнее бегство от Тиюри и Такуму не изгладилось из его памяти. Мало того, что он так и не извинился за сэндвичи, – еще и это. Теперь он понятия не имел, как ему восстанавливать отношения.

Нет – это не моя вина. Я сколько раз говорил ей, чтобы она молчала; она сама виновата, что рассказала Такуму про Араю и его кодлу. Не нужна мне их жалость.

Харуюки съеживался все сильнее; Черноснежка спросила:

– Ну так что, если мы сменим место – как насчет вон той кафешки… хмм? Ты же…

– Что ты собираешься делать с Хару?

Внезапно раздавшийся совсем рядом голос Тиюри заставил Харуюки подпрыгнуть.

Подняв глаза, он увидел, что его миниатюрная подруга детства, вся напружинившись, стоит напротив Черноснежки.

Лишь Харуюки знал, что эта поза Тиюри означает, что она совершенно не намерена отступать. Ее большие брови замерли, и она вновь произнесла негромким голосом:

– Вчера на Хару напали из-за какого-то фокуса семпая, ведь так? И сегодня ты снова выставляешь его на посмешище; что вообще тебе нужно? Ты что, кайф от этого ловишь?

Иишшш…

Что происходит что творится что мне делать.

Полностью потеряв контроль над ситуацией, скрючившись изо всех сил, он каким-то образом сумел все же двинуть непослушными губами.

– Э, это, Тию…

– Хару, а ты вообще заткнись!!!

Получив по физиономии взглядом, который он слишком хорошо знал еще с детства, Харуюки мог лишь молча стоять и не шевелиться.

Черноснежка приняла атаку сверхмощным Лучом Тиюри в высшей степени достойно: прохладно улыбнувшись и чуть склонив голову набок, она спросила:

– Хмм… не вполне понимаю, что ты имеешь в виду. Ты обвиняешь меня, что я ради собственного удовольствия заставляю Ариту-куна делать что-либо против его воли?

– А что, нет, что ли? Хару это ненавидит, когда он выделяется и на него все смотрят. Ты разве не видишь, что он сам не свой последние дни? Хотя, семпай, тебе не понять.

– А. Да, возможно, я действительно поставила Ариту-куна в несколько непривычное для него положение. Однако, полагаю, принимать это или нет – его выбор. Какое ты имеешь право говорить такие слова?

– Имею. В этой школе я дружу с Хару дольше всех.

– А, дружишь… хех.

После этого заявления Тиюри на красивом белом лице Черноснежки возникла суперледяная улыбка.

– В таком случае у меня более высокий приоритет. Ты ведь слышала слухи, да? Я ему призналась и в настоящее время ожидаю ответа. А сейчас мы идем на небольшое свидание.

Гяаааа…

О нет я вляпался конец света завтра же перевожусь.

Тиюри и остальные вокруг застыли, как будто Харуюки «ускорился». Сам Харуюки тоже застыл в неестественной позе, лишь пот градом катился по лицу.

Посреди гробового молчания Черноснежка извлекла из кармана формы ослепительно белый платок.

– Уже почти зима, а ты… смешной парень.

Утерев пот с лица Харуюки, она взяла его правую руку в свою.

– Ну, до встречи, подружка-кун.

И, волоча за собой тушу Харуюки, Черноснежка зашагала по самой середине переулка между двумя рядами расступившихся учеников.

Тащась за Черноснежкой, Харуюки оглянулся и увидел, как лицо его подруги меняется с обалдевшего на потрясенное, а потом на нечто готовое вот-вот взорваться от ярости.

– К-кстати, о том, что было только что… ты чем вообще думала!!! – выкрикнул Харуюки, когда они свернули в мощенную булыжником аллею и он высвободил наконец свою руку из захвата Черноснежки. – З-з-знаешь что, есть вещи, которые нельзя решить «ускорением»!

– А-ха-ха-ха-ха, – искренне рассмеялась Черноснежка. – Ха-ха-ха… ты быстро ухватил суть Бёрст-линкеров, просто здорово.

– Это совершенно не здорово! Из-за семпая мне завтра хоть в школе не появляйся!

– Кстати, твое лицо и сейчас неплохо смотрелось. Я снова сделала скриншот поля зрения, не желаешь взглянуть?

– Не желаю! Выброси его сейчас же!!!

– Ху-ху-ху…

Шлепая подошвами туфелек по брусчатке, Черноснежка еще какое-то время смеялась на ходу, так что у нее плечи

вздрагивали. Наконец, коротко выдохнув, она произнесла:

– Да, насчет этого. Я хотела кое-что у тебя узнать… то есть окончательно удостовериться.

– О? Узнать насчет чего… насчет Тиюри?

– А, вы достаточно близки, чтобы обращаться по имени?

– А, нет, нуу, она Курасима, Тиюри Курасима, класс один-один.

– Я знаю. Я просто впервые услышала, что она твоя лучшая подруга. А кстати, она на самом деле просто подруга?

Под подозрительным взглядом Черноснежки Харуюки закивал.

– Да, да. Просто подруга детства… и потом, у нее есть парень.

– О? Значит… нет… хмм, хм.

– …Что еще за «хм»?

– Нет, ничего, я просто лишний раз осознала, насколько глубок реальный мир.

– А, хаа…

Не понимая, что она имела в виду, Харуюки вздохнул, потом задал вопрос, пришедший ему в голову чуть раньше.

– Ээ… ты говорила, что уже знаешь имя Тиюри?

– Да. Чистое совпадение; я ее заметила совершенно не в том смысле, как тебя.

– Чего?

– Это не так-то просто объяснить. Это связано с тем, почему я нашла тебя и пригласила в ускоренный мир. В общем, давай попьем чайку и поговорим не спеша. В честь твоей победы – я угощаю.

С этими словами Черноснежка развернулась и зашагала в направлении кофейни, куда, по-видимому, и направлялась изначально.

В кофейне было малолюдно – возможно, из-за раннего времени дня. Тем не менее, когда Черноснежка вошла, Харуюки ощутил, что на них двоих смотрят. Да, идти прямо за ней страшновато.

На пути домой из школы – да нет, вообще в любое время дня – чаевничать наедине с девушкой… такого опыта у Харуюки совершенно не было. Чувствуя, что его мозг сейчас лопнет от перегрузки, он на автопилоте заказал огромный бокал сладкого напитка и, позволив Черноснежке за себя заплатить, вжался в стул за самым дальним столиком. Тут же взял предложенный ему кабель и воткнул в свой нейролинкер.

Уааа, что такое, это смахивает на настоящее свидание…

Да нет, такое сочетание совершенно непохоже на свидание. А на что похоже? Сестра и брат? Нет – госпожа и носильщик?

«Догадываюсь, о чем ты думаешь».

Заметив, что Черноснежка на него смотрит, Харуюки быстро отхлебнул своего напитка с карамельным ароматизатором.

«Не, ничего. Ладно, ты что-то говорила, почему ты пригласила меня в ускоренный мир…»

«Не торопись так. Это… долгая история».

С аристократической элегантностью она сделала глоточек своего не очень сладкого на вид напитка, вздохнула и оперла подбородок о руки.

В бледно-желтом свете, падающем от окна, Черноснежка казалась школьницей из старого иностранного фильма. Харуюки лишился дара речи. Да, он словно смотрел кино в стиле ретро, только между ним и Черноснежкой был еще кабель…

Он просто сидел и тупо смотрел, так что, когда его вдруг похлопали по лежащей на столе правой руке, он едва не подпрыгнул.

«В общем, сегодня ты показал себя молодцом. Еще раз поздравляю с победой, Харуюки-кун».

«А… да, спасибо тебе огромное. Я смог выиграть благодаря советам семпая».

«Нет, ты смог выиграть благодаря твоему умению адаптироваться. Если так пойдет дальше, ты совсем скоро выйдешь на второй уровень. И даже на третий – еще до конца года».

«Хаа… аа… по правде сказать, я даже представить себе не могу…»

Он ведь с колоссальным трудом одержал победу, находясь по ходу поединка в очень опасном положении. Выиграть еще десятки столь же тяжелых боев – от одной мысли об этом голова кругом идет.

Улыбка исчезла с лица Черноснежки, словно девушка читала, что творится на душе у Харуюки. Она кивнула.

«Хм. Да, ты верно подумал, перед тобой долгий путь. Бёрст-линкеров всего около тысячи, но немногие из них достигли четвертого уровня. Пятого и шестого почти невозможно достичь, играя в одиночку. Бёрст-линкеры седьмого и восьмого уровней все командуют огромными группами игроков».

«Г-группами?»

«Это аналогично гильдиям и командам в других онлайновых играх. У нас это "военные подразделения"… их называют "легионами". Сейчас ускоренный мир поделили между собой шесть громадных легионов. Правят ими шесть Бёрст-линкеров девятого уровня… они коронованы именами: Синий, Красный, Желтый, Зеленый, Фиолетовый и Белый – "шесть королей чистых

цветов"!»

Острый как нож голос ворвался в мозг Харуюки, и он выпучил глаза. Заметив его взгляд, Черноснежка улыбнулась чуть печально и моргнула.

«…Прости за громкий голос».

«Ничего… но… всего шесть?»

Он был потрясен, узнав, что Бёрст-линкеров около тысячи, но от информации, что до девятого уровня добрались единицы, его охватило благоговение.

«Я много в какие сетевые игры играл, но ни разу не слышал, чтобы так мало игроков добиралось до максимального уровня».

Эти слова Харуюки произнес с завистью. Черноснежка приподняла бровь и склонила голову чуть набок.

«Я не говорила, что девятый уровень – максимальный».

«Э?.. Так есть и десятый? А сколько?..»

Вместо ответа Черноснежка отпила своего кофе, откинулась на спинку стула и с веселым видом уставилась в пространство. Кабель натянулся чуть сильнее и закачался между Харуюки и Черноснежкой, словно в серебряном танце.

«Программа "Брэйн Бёрст"… полное название "Brain Burst 2039"… была выпущена неизвестным программистом семь лет назад и с тех пор много раз обновлялась. Однако за все это время десятого уровня не достиг ни один Бёрст-линкер. И причина этого лишь одна… слишком суровые требования».

«Что, надо выиграть слишком много дуэлей? Тысячу побед одержать… или даже десять тысяч?»

«Нет, всего пять».

После этих слов она вдруг на мгновение улыбнулась неуверенной улыбкой.

«Просто соперник должен быть тоже девятого уровня. Кроме того, если хоть раз проиграешь другому девятому уровню, сразу теряешь все очки, и "Брэйн Бёрст" автоматически стирается…»

У Харуюки отнялся язык. Черные глаза Черноснежки смотрели прямо на него.

«Харуюки-кун. Тебе не казалось странным, что такое потрясающее свойство "Брэйн Бёрста", как "ускорение мыслей", уже семь лет держится в тайне от общества?»

Этот неожиданный вопрос привел Харуюки в замешательство; однако если подумать – действительно странно. Если Бёрст-линкеров тысяча человек, секрет давно должен был просочиться и изумить весь мир.

«Причина – жесткие требования к кандидатам на установку "Брэйн Бёрста"».

«Требования?.. Типа, хороший игрок… что-то вроде?..»

На вопрос Харуюки Черноснежка ответила с горькой улыбкой.

«Все гораздо определеннее. Главное требование – носить нейролинкер с самого рождения. Нейролинкеры первого поколения появились на рынке пятнадцать лет назад. Это значит… – Черноснежка сделала паузу, потом медленно продолжила: – Среди Бёрст-линкеров нет ни одного взрослого. Самым старшим пятнадцать лет – они еще дети. Ребенок сделает все, чтобы защитить свое право пользоваться любимой игрой; а после деинсталляции программы никто из взрослых ему не поверит».

На блестящих губах мелькнула саркастическая улыбка.

«Для детей это как общий сладкий сон. Летом два года назад… юные короли почти одновременно достигли девятого уровня. Сразу после этого появилось системное сообщение, где объяснялось жестокое условие достижения десятого уровня. Началась ли в результате кровавая баня? Нет. Короли выбрали вечное болото. Вместо того чтобы идти вперед, они стали оберегать свои садики. То есть… весь ускоренный мир был поделен между легионами, и короли заключили между собой пакт о ненападении. Что за фарс. Ведь, чтобы добраться до девятого уровня, они победили множество Бёрст-линкеров».

Харуюки сглотнул слюну. Пересохшее горло отозвалось болью; он сделал большой глоток своего фраппе[14] и боязливо высказал то, что ему пришло в голову.

«Так значит, семпай собирается бросить вызов "шести королям чистых цветов"?..»

На губах Черноснежки заиграла загадочная улыбка.

«Нет, *я уже* сделала это».

«Что?!.»

«Шесть королей… когда-то это были "семь королей чистых цветов". Они были соперниками, но в то же время их связывали крепкие узы, этих семерых парней и девушек. Они прошли через множество дуэлей; выигрывали, проигрывали – но не затаили ни капли ненависти. Но Черный король предал всех и напал на них… это было ночью два года назад».

Черный – король.

Это значит, имя аватара должно быть… черное…

Харуюки выпучил глаза и не дыша уставился на Черноснежку. Та медленно кивнула.

«Да… это была я. Черный король, Блэк Лотус – единственный человек из девятиуровневых, кто не выбрал мир. Отбросить связи, дружбу, уважение, все – и устроить схватку, поставив на кон очки всех семерых. Когда это предложение было отклонено – стол переговоров залила кровь».

«Чт… что ты… сделала?»

«В последнюю ночь встречи семи королей… да, это называлось встречей, но не в реальном мире. Потому что Бёрст-линкеры изо всех сил стараются скрывать свои реальные лица и имена».

Почему бы это? – хотел спросить Харуюки, но тут же сам понял, почему. Если другие Бёрст-линкеры узнают твое настоящее имя и лицо, может случиться худшее – «нападение в реале». Когда кто-то оказывается в ситуации, где другим способом он не может зарабатывать очки, он вполне может прибегнуть к этому.

Черноснежка едва заметно кивнула, словно прочла мысли Харуюки, и продолжила.

«Для той ночной встречи все семеро подсоединились к одной арене в режиме "все против всех". Я… когда Красный король проповедовал мир-дружбу и утратил бдительность…»

Белое лицо под шелковистой челкой утратило всякое выражение. Глядя пустым взглядом в одну точку, Черноснежка монотонно произнесла то, что последовало дальше.

«Отрубила ему голову. Идеальный критический удар… он потерял разом все хит-пойнты, потерял все Бёрст-пойнты, как и гласило новое правило, и потерял "Брэйн Бёрст". Так что нынешний красный король – уже второе поколение. Что было дальше… просто ад, хи-хи. Фиолетовая, девушка Красного, начала плакать и вопить, Синий взорвался от ярости, и началась мясорубка без намека на честь. Я знала, что это первый и последний шанс… изо всех сил пыталась снять еще четыре головы… да, это было полное безрассудство…»

Ее светлые губы исказились, она голосом рассмеялась.

«Здравый смысл я послала к черту. Дралась как сумасшедшая, но не убила больше никого, и меня тоже не убили. Я и глазом моргнуть не успела, как прошло тридцать минут, и я разлогинилась. …А потом два года я только и делала, что пряталась. Сейчас я главная предательница ускоренного мира, самая большая трусиха, и за мою голову самая большая награда».

«…Зачем…»

От мрачности монолога Черноснежки мозг Харуюки был парализован; он смог родить лишь один простой вопрос.

«Зачем ты это сделала?..»

«Дружбу и честь я променяла на нечто большее… на десятый уровень. Можно сказать, это моя единственная цель в жизни. …В том системном сообщении было еще вот что. Бёрст-линкер, достигший десятого уровня, получит возможность встретиться с создателем программы "Брэйн Бёрст", узнать истинную причину ее существования, ее главную цель. Я… хочу знать. Я хочу узнать

любой ценой».

Черноснежка оперла локти о стол и спрятала лицо за сцепленными кистями рук; ее мучительные слова, точно звучащие из бездны, достигли Харуюки.

«Ускорять мысли ради денег и славы. Это единственная причина наших сражений? Единственная наша награда? Единственное, чего мы можем достичь? Нет ли… впереди чего-то большего?.. Внутри… этой оболочки под названием "человек"… что-то еще…»

Ах…

Немножко, совсем немножко… он начал понимать. Когда с невыносимой «земли» глядишь в далекое «небо»… такого рода чувство.

Быть может, эта его короткая мысль достигла Черноснежки: она медленно подняла голову и взглянула на Харуюки; ее взгляд, казалось, давил.

Впрочем, это длилось лишь мгновение. Затем красивая старшеклассница уронила руки на стол и, сухо улыбнувшись, сказала:

«…Итак, ты ошеломлен… а может, осуждаешь меня, Харуюки-кун? Ради моей цели я, возможно, когда-нибудь и тебя принесу в жертву. Если ты скажешь, что не можешь больше со мной сотрудничать, я пойму. Я не буду тебя удерживать и не отберу у тебя "Брэйн Бёрст"».

Подумав пару секунд –

Харуюки медленно протянул правую руку и, остановив ее в сантиметре от пальцев Черноснежки, ответил:

«Аа, это… В любой игре, если человек видит концовку и сдается, просто стоит на месте, – он просто дурак. Конечно же, всегда надо целиться на самый верх… ведь разве не для этого "Брэйн Бёрст" вообще существует?»

Он вовсе не лгал, пытаясь подольститься к Черноснежке. Будучи хардкорным игроком, Харуюки действительно совершенно искренне так считал.

Глаза Черноснежки округлились; прошло несколько секунд, и она рассмеялась.

«Ху, а-ха-ха… Ну надо же, ты гораздо больше Бёрст-линкер, чем я. Ясно… ну да, тут есть к чему стремиться…»

«Ни… ничего смешного я не вижу».

Немного обидевшись, Харуюки надул губы. Потом выпрямился и продолжил:

«В общем… в любом случае я буду помогать тебе, семпай. Я тоже хочу когда-нибудь… дорасти до десятого уровня».

Внезапно лежащая на столе левая рука Черноснежки

двинулась вперед и обхватила правую руку Харуюки.

«Спасибо».

Мысли Черноснежки, совсем недавно плоские и лишенные души, потекли в засмущавшегося Харуюки теплой струей.

«Спасибо, Харуюки-кун. Да… я в тебе не ошиблась. Я рада, что выбрала тебя, всем сердцем рада».

Сейчас нужно тоже взять ее за руку и посмотреть в глаза – но нет, ничего такого Харуюки, конечно, сделать не мог.

Вместо этого он рефлекторно отдернул руку, втянул голову в плечи, как черепаха в панцирь, и прозаикался своим мысленным голосом:

«Н, не, ничего… Я просто стараюсь быть хоть чуть-чуть полезным… к-кстати, главное-то, ну… что мне нужно сделать?..»

Повисла короткая пауза. Глаза Черноснежки смотрели прямо на Харуюки. *Что в этих глазах, сочувствие?*

Наконец, коротко вздохнув, Черноснежка разорвала молчание.

«Да. Пора кончать ходить вокруг да около… перейдем к главному. Я уже рассказала тебе, как я жила эти два года, верно?»

Харуюки испустил глубокий вздох и, подняв глаза, кивнул Черноснежке, вернувшей себе спокойное выражение лица.

«Дело не в том, что я все время побеждала взбесившихся королей и убийц, которых они подсылали. Дело не в этом… просто за эти два года я ни разу не подключила нейролинкер к Глобальной сети. Если меня нет в списке, меня невозможно вызвать на дуэль, верно?»

«Аа… что… правда?» – автоматически переспросил Харуюки. С его точки зрения, получение информации из Глобальной сети – жизненная необходимость, как питье и дыхание. Если его отключить от Глобальной сети, он просто засохнет.

«Правда, правда. Я пользуюсь терминалами, чтобы заходить на сайты и читать почту, хотя от 2D-картинок у меня глаза устают. Но когда привыкнешь – ничего страшного… однако, даже если я отключена от Глобальной сети, существует сеть, подключаться к которой ежедневно меня вынуждает мое общественное положение».

«П-положение?.. В смысле, девушка из высшего общества… нет, принцесса?»

«Глупый».

Черноснежка холодным голосом отвергла его догадки, и лишь тогда Харуюки вспомнил, что она такая же школьница, как и он.

«А, аа… понял. Локальная сеть Умесато. …Ай… п-погоди-ка. Неужели…»

«Да».

Черноснежка одним глотком допила свой кофе и, держа чашку в руке, продолжила:

«Два месяца назад, в первый же день после окончания летних каникул, меня вызвали на дуэль в школьной сети. Вызвал кто-то, кто находился в средней школе Умесато».

Харуюки потрясенно молчал; но следующие слова поразили его еще сильнее.

«Хуже всего то… что мой оригинальный аватар был тогда заменен на зрительский аватар-болванчик».

«Болванчик… такая функция разве есть?»

«Да. Многие хотят следить за чужими дуэлями, скрывая свой настоящий аватар. Но, конечно, как болванчик, он лишен всяких боевых способностей. Но проблема даже не в этом… Задним умом можно только пожалеть о собственной глупости, но я в качестве аватара-болванчика использовала свой аватар в школьной сети. Я просто не ожидала, что в моей школе вдруг появится еще один Бёрст-линкер…»

Секунду Харуюки переваривал информацию, а потом подскочил на стуле, так что тот жалобно скрипнул.

«Ээ… это та самая черная бабочка?!.»

Он мысленно наложил сексуальный аватар на фигуру в школьной форме, сидящую перед ним.

«И противник увидел ее… в школьной сети?.. Значит… это…»

«Ты догадлив. Да, он, меня…»

Черноснежка резко поставила чашку на поднос и прижала правую руку к груди.

«…Он знает, что вот эта реальная я и есть Блэк Лотус. Самое большое табу всех Бёрст-линкеров, "вторжение в реале". И я стала опасаться, что на меня уже в реальном мире нападут убийцы, подосланные шестью королями».

Нападут… в реальном мире.

Харуюки уже понял страшное значение этих слов. Если удается установить реальную личность Бёрст-линкера, в худшем случае его могут, например, похитить и применять насилие, чтобы отбирать Бёрст-пойнты.

Конечно, это тяжелое преступление. Даже в «нормальных играх» бывает, что трения между игроками приводят к серьезным последствиям в реале. А «Brain Burst» – далеко не нормальная игра.

Затаив дыхание, Харуюки ждал продолжения рассказа Черноснежки. Однако –

«Однако… ничего не было. Никаких нападений, ни даже признаков того, что со мной хотят связаться».

«Что?..»

«Я тоже была сильно озадачена, но… если так, объяснение может быть лишь одно. Враг… не хочет мной ни с кем делиться. Ему повезло найти реальную меня, человека, за голову которого назначена огромная награда, и он решил не сообщать об этом своему легиону, а преследовать меня в одиночку и в конце концов забрать все мои очки себе».

«Преследовать?..»

Глядя на склонившего голову Харуюки, Черноснежка кашлянула и начала перечислять.

«В туалете. В раздевалке. В душе. В школе сплошь и рядом случаются ситуации, когда я морально не готова сражаться. Если именно в эти моменты меня ловят и вызывают, я просто не могу сражаться в полную силу».

«Ду… ш… ага».

Перед глазами Харуюки невольно возникла картина Черноснежки в душе, и у него невольно вырвалось это слово. Черноснежка одарила его ледяным взглядом, но, к счастью, чего-то большего предпринимать не стала. Вздохнув, она продолжила:

«По правде сказать, за два месяца этот человек атаковал меня больше десяти раз. Не всегда это было в неудобное время, так что мне кое-как удавалось сбегать и сводить дуэли вничью».

«П-понятно. Как бы это сказать… похоже, он очень жадный… но в каком-то смысле это можно считать и везением…»

«Ну, по сравнению с нападениями в реале – да. Но, с другой стороны, я не могу вернуть себе свой настоящий дуэльный аватар и хорошенько поколотить своего врага. Если он поймет, что победить меня не сумеет, он откажется от идеи забрать себе мои очки и сдаст меня королям, чтобы получить награду от них…»

«А, ага… понятно… ага, – пробормотал Харуюки. Вот, значит,

почему Черноснежка застряла в этом положении. – Но тогда что же нам делать? Ты не можешь убежать и не можешь отбиваться».

«Я знаю. Но один выход есть. Мы должны тоже узнать его реальную личность. В каком он классе, в какой параллели, этот незнакомый мне Бёрст-линкер».

Бам. Харуюки страшно захотелось стукнуть себя по колену. В ситуации, когда обе стороны знают реальную личность противника, ради защиты собственного «Brain Burst» они, конечно, вынуждены будут заключить перемирие.

«Понятно, ну разумеется. Если нам это удастся, враг ничего не сможет предпринять. Ну и если так… это же просто? Скажем, на утреннем сборе, когда все ученики собираются в актовом зале, можно ускориться и вызвать его. Посмотреть, в каком месте он появится, и узнать его класс».

«О, неплохо. Я целый день думала, прежде чем пришла к такому решению».

«…То есть… ты так уже пробовала?»

«Уже пробовала. И… я была потрясена. Давно уже я так не удивлялась».

«К… кто это оказался?..»

«Никто».

Ответ Черноснежки стал для Харуюки полной неожиданностью.

«В дуэльном списке было только мое имя. Ты же знаешь, в Умесато школьникам запрещено отсоединяться от школьной сети, даже на секунду. Потому что через сеть ведутся уроки и проверка посещаемости. Если ты отсоединишься, тебя тут же предупредят через школьную систему оповещения. Потому и я не могу блокировать нападения врага. И все же… его не было в списке!»

«Может, он в тот день не пришел в школу из-за простуды какой-нибудь?»

Черноснежка, не отводя взгляда от Харуюки, негромко фыркнула.

«Я уже проверила – тогда все были на месте. Более того: когда на меня напали и мне удалось с трудом убежать и закончить дуэль вничью, сразу после этого в списке тоже никого не оказалось. Значит… в это трудно поверить, но он каким-то образом умеет скрывать свое имя. Он может вызывать других когда хочет, а другие его и пальцем тронуть не в силах. Это колоссальное преимущество, оно подрывает самые основы правил, которые действуют в ускоренном мире. Тот, кто может так делать… либо суперхакер, которому удалось пройти непробиваемую защиту "Брэйн Бёрста", либо – у него есть связь с разработчиком…»

Встретиться с создателем «Brain Burst», узнать истинное значение этой программы – такова цель жизни Черноснежки. Это она сама сказала совсем недавно. Раз так, то раскрытие таинственного врага для нее может оказаться важнее, чем собственная защита.

Решив так, Харуюки почувствовал какое-то незнакомое пощипывание в груди. Он прошептал:

«Значит… семпай хочет, чтобы я… помог узнать правду об этом враге, да?»

Вовсе я не рыцарь, защищающий принцессу от демона.

Нет… это само собой. Не забивай голову глупостями. Я пес, выслеживающий зверя, или даже просто свинья, вынюхивающая грибы.

«Ну да… в общем, так, – легонько кивнула Черноснежка, не заметив (или не подав виду, что заметила) внутренний конфликт Харуюки. – По правде сказать, я уже собрала немало информации. Сейчас скажу то, что мне известно точно… Во-первых, имя врага. Его дуэльный аватар – "Сиан Пайл"[15]. Четвертый уровень».

«Сиан… Пайл…»

Очень… клевое имя. Сильное. Нет – Черноснежка говорила же, четвертый уровень – первая серьезная вершина. Значит, он действительно силен.

«Специализация – очень силен в ближнем бою, почти чистый синий. Я много раз видела, как он разносит тонкие стены на аренах. Снаряжения для прыжков у него нет. Потому-то мне и удавалось до сих пор сбегать… но, честно говоря, я уже на пределе. Я не смогу долго сохранять сосредоточенность».

Ну еще бы. С прихода в школу до ухода домой атака может прийти в любой момент, и ты не знаешь, когда именно… сам Харуюки, наверно, так и трех дней бы не протянул. Тем временем Черноснежка, не подавая виду, что устала, продолжала посылать ему в мозг четкие мысли.

«И еще. Это просто предположение… не только я, он тоже боится… такое у меня ощущение».

«Э… а почему?»

«Страх лишиться ускорения. Мне кажется, этот человек на грани потери всех Бёрст-пойнтов. Люди, у которых достаточно очков, от нормальных дуэлей получают удовольствие. Как Эш Роллер, с которым ты сражался».

«А, аа… ну да, он тогда просто кайфовал…»

«А от Сиан Пайла ни капли такого ощущения нет. Всегда молчит и гонится за мной с какой-то безумной упертостью. Так ведут себя только Бёрст-линкеры, которые очень боятся проиграть. Одной лишь награды за мою голову ему мало, он

хочет забрать все мои очки. …Ну, впрочем, не то чтобы это что-то значило…»

«…Понятно. Не можем же мы проверять эмоциональное состояние всех учеников. Это все, что ты смогла узнать?» – невинно поинтересовался Харуюки – но.

Внезапно он ощутил, что мысли Черноснежки стали какими-то… напряженными. Однако, прежде чем он спросил, в чем дело, она покачала головой и ответила:

«Нет. Есть еще одна важная деталь… курсор-указатель».

«О? Тот голубой треугольничек?»

«Да. Он с самого начала боя показывает направление на противника. Это значит… даже если я не вижу сам момент появления Сиан Пайла, мне достаточно запомнить начальное направление курсора, и реальное тело противника будет где-то в этом направлении… теоретически».

«А… а! Ну конечно, правильно. Если арена такая же, как реальный мир, то ты сможешь узнать, в каком уголке школы он прячется!»

«Совершенно верно. Я запоминала направление курсора каждый раз, когда он меня вызывал, потом сравнивала со списком учеников Умесато, которые находятся в той стороне, и отслеживала совпадающие имена. В итоге я вычислила человека, который с наибольшей вероятностью и является Сиан Пайлом. Но прямых доказательств нет. Здесь слишком много народу, и одной линии недостаточно. На этой линии всякий раз десятки учеников. …Харуюки-кун, вот что я хочу, чтобы ты сделал: когда на меня в следующий раз нападут, ты автоматически подключишься в качестве зрителя. У зрителей тоже есть курсор-указатель – и ты должен запомнить направление на Сиан Пайла».

«Курсор… если их будет два, то…» – восхищенно произнес Харуюки. Черноснежка кивнула энергичнее обычного.

«Именно. Два курсора пересекаются лишь в одной точке. Если в этой точке окажется ученик… это будет несомненное доказательство. Что он и есть Сиан Пайл».

Черноснежка закусила губу, и ее правый указательный палец проворно задвигался, управляя виртуальным рабочим столом, видимым только ей. Она выдернула один файл и уже собралась было перебросить его Харуюки – но тут ее палец застыл.

«?.. Что такое? И кто этот кандидат?»

Харуюки становилось все любопытнее; у него даже в горле пересохло, несмотря на выпитый огромный бокал фраппе. Он подался вперед.

Черноснежка по-прежнему словно колебалась, но в конце концов переслала файл и тут же сказала:

«Послушай… этот файл я приготовила за неделю до того, как встретила тебя в игровой зоне после долгих поисков третьего человека в Умесато, кто мог бы ускоряться».

Не понимая, зачем ей понадобилось это говорить, Харуюки насупил брови и принял файл. Без колебаний кликнул по иконке на виртуальном рабочем столе.

Открылась одна-единственная фотография. Видимо, снята для школьного пропуска – анфас от плеч и выше.

«…Э?.. Это… поче… му?..»

Коротко стриженные аккуратные волосы. Синяя заколка. Большие, смахивающие на кошачьи глаза.

Знакомое лицо… нет, не просто знакомое. Это лицо он видел дольше всех в своей жизни, не считая матери.

«Ти… Тиюри? Она… Бёрст-линкер?..»

Больше пяти секунд он в замешательстве глядел на Черноснежку, бессвязно бормоча.

«Нет… не может быть! Она ведь совершенно не умеет играть в игры. Она сливает во всех жанрах… Она просто не может подойти для "Брэйн Бёрста". Тормознутая… все мысли на лице написаны… да, и она просто не способна упорно гоняться за семпаем».

«Похоже, ты о ней много знаешь».

Голос Черноснежки прозвучал чуть более сурово, чем прежде. Харуюки, не глядя ей в глаза, сказал:

«Ну так… ну, мы с ней дружим с детства…»

«Когда мы с ней встретились у ворот школы, я удивилась. Если она и есть Сиан Пайл, то, конечно, она должна знать, что я Блэк Лотус. Я заподозрила, что у нее есть какой-то план, но…»

«Да ей на такие психологические атаки просто способностей не хватило бы. Она чертовски неумелая, и у нее все мысли на лице написаны».

Почему-то чем больше протестовал Харуюки, тем выше поднимались брови Черноснежки. Наконец она холодно ответила:

«Если так, тем вероятнее, что она и есть Сиан Пайл, не правда ли? Она… Курасима-кун относится ко мне с явной враждебностью, ты и сам это видел».

«Нет, это, это не то, это потому что мы с семпаем были в Прямом соединении и всякое такое…»

«С чего бы ей сердиться из-за этого? У Курасимы-кун есть парень, верно? Значит, если мы с Харуюки-куном сидим в Прямом соединении или держимся за руки, она не имеет права жаловаться».

«…Это… ну, это да, но…»

Как вообще до такого дошло? Харуюки захотелось обхватить

голову руками; говорить он больше не мог. *Да, Тиюри встречается с Такуму, и жаловаться ей не на что; и потом – я всего лишь… кто?*

Подручный? Вещь? Частная собственность?

В его сознании вспыхивали непроизносимые слова; он никак не мог понять, как объяснить эти нюансы; а Черноснежка тем временем продолжала беспощадно поливать его фразами.

«А может, ее отношение вызвано вот чем? Курасима-кун уже давно Бёрст-линкер и хотела сделать тебя своим Ребенком. А тут появляюсь я и выхватываю тебя у нее из-под носа. И вот, не в силах справиться с гневом, она гоняется за мной. Как такой вариант?»

Логичной или нелогичной была эта теория, но звучала она почему-то, как речь избалованного ребенка. Харуюки совершенно не понимал, о чем думает Черноснежка; не заметив, как его самого охватила та же горячность, что ее, он ляпнул:

«По… понятно! Тогда я узнаю у нее самой!»

«О? – Черноснежка упрямо двинула бровью. – Но как ты собираешься это сделать? Спрашивать ее прямо в лицо, Бёрст-линкер она или нет, бесполезно; надеюсь, ты понимаешь, почему? Далее, поскольку Сиан Пайл может с легкостью блокировать свое присутствие, ты не сможешь просто вызвать ее на дуэль, когда увидишь. Мои-то проблемы как раз и начались с того, что я не могу узнать. Если у тебя просто воображение разыгралось, это может быть неприятно».

«Это не просто воображение! – Харуюки надул губы, не в силах удержаться от ответной резкости. – Послушай, я подключусь к ней напрямую. Даже если она умеет блокироваться, с Прямым соединением я смогу проверить ее память, загружен туда "Брэйн Бёрст" или нет. Семпай, тебя же это устроит, да?»

Глава 5

…Почему? Почему?

Уныло обхватив плечи и нехотя плетясь домой по вечернему переулку, Харуюки повторял и повторял мысленно это слово.

Почему все так обернулось?

Я желал всего-навсего быть верной пешкой Черноснежки, так почему же я брякнул такое, как будто спорил с ней, а потом выскочил из кафешки?

Пожалуйста, кто-нибудь, отмотайте время на полчаса назад!!! Так Харуюки молился про себя, но это было невозможно – даже с помощью программы «Brain Burst», почти останавливающей время.

Но, впрочем, даже если бы он смог вновь вернуться к той сцене, будто в какой-нибудь игре-адвентюре, ему все равно было бы трудновато согласиться с теорией «Тиюри = Сиан Пайл». Харуюки просто не мог поверить, что Тиюри – во-первых, Бёрст-линкер, а во-вторых, так долго скрывала это от него.

Нет – не то чтобы он не верил; он не хотел верить.

Честно говоря, объективных доказательств, что он прав, не было. В детстве все было по-другому, но за последний год или два он по-настоящему с Тиюри даже не говорил. Тиюри как девушка оставалась для Харуюки большой загадкой – хотя, конечно, не такой большой, как Черноснежка.

Кроме того, имелся аргумент против того, что она не умеет хранить секреты. Потому что, хоть Харуюки и упрашивал ее так долго, Тиюри все же советовалась с Такуму насчет того, что над ним издеваются, а ему ни слова не сказала.

Если подумать – прежде чем просить ее о такой опасной вещи, как Прямое соединение, следовало бы извиниться за выброшенные сэндвичи. А чтобы извиниться, сперва надо проглотить и принять как данность то, что Тиюри и Такуму обсуждали всякое насчет него.

Тут может и недели не хватить – легко. Харуюки просто не хотелось об этом думать. Он предпочел бы не подтверждать ничего и оставить все как есть. Но тогда у него не останется выбора, кроме как принять теорию «Тиюри = Сиан Пайл».

Чего же вообще я хочу? Чего я хочу от Таку, Тиюри и Черноснежки?

Перегруженный мыслями настолько, что, казалось, сейчас у него из головы дым пойдет, Харуюки тяжелыми шагами вошел к себе в подъезд.

Кинул короткий взгляд на часы в углу поля зрения.

Полшестого вечера.

Тиюри наверняка уже вернулась из школы, а вот Такуму еще на тренировке секции кендо. Так что эти двое не могут совещаться тет-а-тет у кого-нибудь из них дома.

Войдя в лифт, Харуюки молча страдал, пока не прозвенел предупредительный звонок.

Тогда он нажал кнопку своего 23 этажа.

Когда лифт прошел полпути, он нажал кнопку двумя этажами ниже.

– Ой, Хару-тян, как же давно я тебя не видела! – воскликнула, разулыбавшись, мать Тиюри, едва дверь открылась. Харуюки в ответ лишь пробормотал «ага, давно».

– Ох, как ты вырос, какой большой стал, погоди, ну да, ты же одного возраста с Тиюри, тебе тоже тринадцать. Ты как поступил в среднюю школу, с тех пор ни разу поиграть не зашел, тетя так скучала; сегодня оставайся до сколько захочешь, хорошо? Можешь с нами и поужинать, дочка последнее время так плохо кушает, я готовлю, а все впустую. Да, я ведь думала сделать сегодня карри, это ведь твое любимое блюдо, да, Хару-тян? Я сегодня много наготовлю, так что ты не стесняйся, Тиюри тоже будет счастлива, она в последнее время так грустит, что не играет с Хару-тяном.

Бесконечную трескотню матери Тиюри оборвал резкий голос, раздавшийся из глубины квартиры.

– Мама!!!

Кинув взгляд за спину матери Тиюри, Харуюки увидел саму Тиюри, высунувшую голову из гостиной. Лицо ее пылало от ярости.

– Пожалуйста, не говори лишнего!!!

– Да, да, у девочки трудный возраст. Хару-тян, чувствуй себя как дома, оставайся сколько захочешь.

Проводив взглядом маму Тиюри, которая, с милой улыбкой помахав рукой, направилась от расположенной в середине коридора входной двери в сторону кухни, Харуюки вновь нацепил на лицо неловкую улыбку.

– …П-привет.

– …

Посмотрев на него долгим взглядом, Тиюри мотнула своим маленьким подбородком, без слов спрашивая: «Ну, ты заходишь?» – и тут же снова исчезла в гостиную. Харуюки напряженно выдохнул и, разуваясь, пробормотал:

– Простите за вторжение…

Раньше – то ли до третьего, то ли до четвертого класса

начальной школы – он бы в такой ситуации сказал «я дома!». В те дни он, Тиюри и Такуму играли на улице до темноты, а потом он, весь потный, возвращался сперва в квартиру Курасимы. Там он принимал ванну, ужинал и даже смотрел телевизор, а уж потом устало возвращался в свою пустую квартиру двумя этажами выше. Для Харуюки, над которым измывались в школе уже тогда, те вечера были единственной отдушиной.

Но это тоже кончилось два года назад.

Тогда Такуму признался Тиюри, и она советовалась с Харуюки, что ей делать.

Среди тапочек в обувном шкафчике рядом с дверью по-прежнему были те, которые всегда носил Харуюки – с синими медвежьими мордочками. Он сунул ноги в выцветшие тапки и, подойдя к гостиной, робко открыл дверь, однако Тиюри там не было.

Пробежав потными пальцами по брюкам формы, Харуюки пошел дальше по коридору квартиры, которую знал как свои пять пальцев. Осторожно постучал в дверь комнаты Тиюри, которая была в самом конце коридора.

– …Заходи, – послышалось после короткого молчания. Сглотнув, Харуюки повернул ручку.

За те два года, что он тут не был, комната Тиюри изменилась мало (насколько он помнил); убранство осталось таким же простым. Письменный стол и кровать в черно-белых тонах, однотонные занавески – как и в комнате Харуюки.

Были, конечно, и изменения. Во-первых, сильный (возможно, даже чересчур) приятный запах. Во-вторых, одежда Тиюри, сидящей на кровати с надувшимся видом.

Конечно, она была уже не в школьной форме. Однако если в начальной школе она всегда одевалась по-пацански, то сейчас на ней была розовая юбочка и белый пушистый свитер.

Ну, все-таки… она же встречается с Такуму… Пока застывший на месте Харуюки крутил в голове эти мысли, первый удар внезапно нанесла Тиюри.

– Я вчера тебе все время звонила.

– Э?.. – мог лишь тупо ответить Харуюки, глядя на нее снизу вверх.

Вчера – ах, да, я же тогда сбежал от Тиюри и Такуму. Уши, сперва надо извиниться за сэндвичи.

– А-ага, это… потому что я вчера на весь день отсоединил нейролинкер…

– Мог бы хоть мэйл от меня принять. А я из-за этого заснуть долго не могла вчера!

– П… прости…

Извиняясь перед надувшейся Тиюри, Харуюки мысленно произнес: «Я так и думал, это просто не может быть она».

Как ни рассуждай – просто не может быть, и все тут. Ну надо же – Тиюри, и вдруг Бёрст-линкер Сиан Пайл, да еще и сильный воин четвертого уровня. И плюс ко всему – суперхакер, сумевший модифицировать «Brain Burst», что не удалось сделать больше никому!

Однако слова словами, а заполучить доказательство будет непросто. Как он и сказал Черноснежке, единственный способ – находясь в Прямом соединении, обыскать ее память; но как ему попросить о таком в его нынешнем положении?

Нет – погодите-погодите-ка.

Харуюки намертво вцепился в идею, вспыхнувшую в него в голове.

Разве он не может попросить именно потому, что он в таком положении? С точки зрения Тиюри, это, конечно, непростительно – но ведь он даже не очень-то и обманывает ее. Он извинится совершенно искренне и одновременно немножко пошарится в ее памяти…

– А, э, мммм, Ти-Ти-Тиюри! – выкрикнул он запинаясь (что с его стороны было притворством).

– Чт… что?

– Это… Я, я пришел извиниться… много за что… ну, за сэндвичи, за перед школьными воротами. Но, но, но я плохо умею говорить, так что, э, нуу… п-п-пожалуйста, позволь мне подсоединиться к тебе напрямую.

Тиюри, разинув рот, уставилась на Харуюки, по лицу которого градом катился пот (и это не было игрой).

Ее густые брови поднимались все выше, по мере того как выражение лица переходило от ошеломленного к подозрительному.

Ой как плохо. Все-таки слишком внезапно получилось. Харуюки уже смирился с тем, что сейчас на него наорут, но тут на лице его подруги появилось странное вызывающее выражение. Такое лицо Тиюри раньше всегда делала, когда ругалась с мальчишками, и означало оно «ну попробуй, если осмелишься».

– …Ты принес кабель? – внезапно спросила она напряженным голосом. Харуюки замотал головой. *О нет.*

– Эээ… я, я забыл.

– Пффф. К твоему сведению: у меня есть только вот этот.

Тиюри нагнулась и, открыв ящичек под кроватью, достала оттуда – всего-навсего 30-сантиметровый светло-серый XSB-кабель.

– К-какой короткий. Ты… всегда таким с Таку пользуешься?..

– не подумавши ляпнул Харуюки, и Тиюри тут же стала на него орать:

– Т-ты что, совсем дурак?! Так-кун всегда приносит метровый. А этот – для подключения к компу, он шел в комплекте с нейролинкером, когда я его покупала!!!

– А… аа…

Поскольку стандарт сверхскоростной связи Xtra Serial Bus (XSB) требует высококачественных и хорошо экранированных кабелей, те, которые прилагаются бонусом к другому оборудованию, всегда короткие. Но все равно, 30 сантиметров – не чересчур ли мало? Что за жадный производитель.

Небрежно протянув Харуюки, начавшему уже думать о бегстве, напоминающий кошачий хвост кабель, Тиюри негромко фыркнула и откинулась на кровать.

– Делай что хочешь.

Не зная, что ему делать с этим кабелем, который буквально горел у него в руках, Харуюки нервно произнес:

– Э-эммм… если можно, эээ, не могла бы ты сесть на стул ко мне спиной?..

Нет ответа. Улегшаяся на простыню Тиюри явно не намеревалась сдвигаться и на миллиметр.

Харуюки вновь на полном серьезе задумался, не пора ли сбежать, но это он сегодня уже сделал на глазах у Черноснежки. Если он сбежит и сейчас, его положение станет абсолютно непоправимым.

– …Н-ну тогда…

Собравшись с духом, Харуюки прошаркал к кровати Тиюри и снял тапки.

Мееедленно поднял колено и поставил на белую в серую полосочку простыню.

Крепкая на вид металлическая рама кровати скрипуче запротестовала против веса, в несколько раз превышающего привычный для нее.

Передвигаясь на четвереньках, пока он не очутился в 70 сантиметрах справа от Тиюри, Харуюки воткнул один из штекеров кабеля в разъем для внешних подключений, расположенный с правой стороны его нейролинкера.

Потом, изогнув шею под неестественным углом, он натянул кабель до предела. Однако до разъема на нейролинкере лежащей с закрытыми глазами Тиюри оставался целый световой год.

Угееее, о нет, надо было подойти с левой стороны. Может, отойти и зайти снова? Нет, это я уже просто не смогу. И перелезть через Тиюри – тоже абсолютно невозможно.

Перейдя в состояние паники на 90%, Харуюки наклонил

туловище под очень ненадежным углом, так чтобы его шея оказалась ближе к шее Тиюри. Сладкий, будто молочный аромат тела Тиюри заполз ему в нос, чувство равновесия начало давать сбои…

В следующее мгновение его левое колено оскользнулось. За миг до того, как обрушиться всей тушей на хрупкое тело Тиюри, Харуюки все же успел выставить руку и остановить падение.

Тем не менее ситуация оставалась критической. Его левое колено находилось между раздвинутых ног Тиюри, левая рука опиралась о кровать возле правой щеки девушки – в общем, Харуюки был в очень неустойчивой позе. *Уоооооо, да что же это такоооооое.* Стрелка паникометра скакнула в красную зону; и тут глаза Тиюри, находящиеся всего в десяти сантиметрах от его глаз, открылись.

Харуюки не мог понять, какие именно чувства были в этих светло-карих глазах. То есть там явно были гнев и раздражение; но почему-то Харуюки показалось, что вызваны они вовсе не его возмутительным поведением сейчас – она словно сдерживала их уже очень, очень долгое время…

Не в силах больше выдержать эту игру в гляделки, Харуюки шевельнул правой рукой и вставил штекер в шею Тиюри. Предупреждение о проводном соединении, возникшее у него

перед глазами, на мгновение закрыло от него лицо Тиюри.

…Задержка была не больше секунды, но и этого времени Харуюки каким-то чудом хватило, чтобы привести в порядок мысли.

Моргнув несколько раз, он отвел взгляд от глаз Тиюри и сосредоточился на тонкой ключице, виднеющейся из-под ворота ее белого свитера.

«Это… я пришел, потому что понял, что нужно извиниться за то, что я натворил».

В мысленно произнесенных словах не было заикания; несмотря на всю неловкость положения, звучали они отчетливо.

«Эммм, насчет того бэнто, который ты так старалась приготовить, а я испортил… я очень сильно извиняюсь».

Хотя извинялся Харуюки на полном серьезе –

Одновременно он шевельнул пальцем правой руки вне поля зрения Тиюри и нажал иконку памяти.

Открылось окно, загородившее пол-лица реальной Тиюри; там была папка с идентификационным номером Тиюри в названии, а рядом еще одна – с содержимым физической памяти ее нейролинкера.

Вообще-то уже сейчас можно было сказать, что шансы, что Тиюри и есть Сиан Пайл, исчезающе малы. Потому что если бы она была Сиан Пайлом, то уже знала бы, что Харуюки – Сильвер Кроу и служит Черноснежке, так что просто не согласилась бы на Прямое соединение.

Или – то, что она так вот улеглась на кровать, было уловкой Тиюри, чтобы Харуюки не решился на Прямое соединение? Если так, то сейчас Тиюри потрясена и в ужасе.

Чувствуя стыд за то, что он посмел так заподозрить подругу, которую знал уже десять лет, Харуюки осторожно подвел курсор к папке с физической памятью нейролинкера Тиюри.

«Но… но просто я был немного в шоке».

Словно замазывая чувство вины, эти слова полились из его сознания.

«Когда я представил себе, как Тию и Таку… разговаривают про тех типов, я был просто не в состоянии сдержать себя… Я понимаю, вы думаете об этом ради меня… но я…»

…Я не хочу, чтобы Тиюри и Такуму меня жалели. Именно потому что мы друзья – я хочу, чтобы дистанция между нами оставалась такой же, как сейчас.

Но уже слишком поздно.

Харуюки вложил чуть больше силы в палец и нажал на папку.

Раскрылось полупрозрачное окошко другого цвета, и одновременно голос Тиюри прозвучал и в ушах Харуюки, и в

голове.

«Хару… ты все не так понял».

Неумеха Тиюри, похоже, до сих пор не научилась толком общаться мысленно. Прямо перед глазами Харуюки ее маленькие губы шевелились, и с них срывались слова.

«Я ничего не рассказывала Так-куну. Я не могла ему ничего рассказать. Я же обещала, что буду молчать. Так-кун знал про сэндвичи только потому, что я, когда ходила к нему на турнир по кендо, сказала ему, что в следующий раз сделаю и для Хару тоже».

«Э…»

Харуюки невольно отвел взгляд от окна, которое просматривал, и встретился с глазами Тиюри. Она смотрела решительно, но тут же ее взгляд смягчился, ресницы задрожали, будто выдавая ее тоску по прошлому.

«…Как давно это было в последний раз? Когда Хару столько говорил о себе».

Отводя глаза от Харуюки, который ничего не мог сказать в ответ, Тиюри продолжала бормотать:

«Я тоже… я тоже вела себя нечестно. И трусливо. Хотя Хару… так сильно и так долго страдал, я всегда делала вид, что ничего не замечаю. Хотя я так много всего могла бы сделать, если бы по-настоящему захотела. Я могла бы сказать учителям, написать в правление, могла бы попросить Так-куна, и он бы их всех побил. Но я не могла… я думала, что Хару будет сердиться на меня, будет ненавидеть меня… я боялась, что мы больше не будем "мы"».

Харуюки, затаив дыхание, смотрел, как прозрачные капли собираются возле длинных ресниц, окаймляющих ее глаза. Всего два дня назад Тиюри плакала, когда он бросил ее сэндвичи; конечно, в прежние времена они часто ссорились, и плакали, и заставляли плакать друг друга, но сейчас Харуюки чувствовал, что эти ее слезы совсем другие.

«Но, Хару, ты тоже говорил неправду, – Тиюри зажмурилась и продолжила говорить, шевеля дрожащими губами. – Ты говорил, что все никогда, никогда не изменится. Что мы останемся теми же друзьями. Два года назад… когда я спрашивала твоего совета насчет Так-куна… Хару сказал тогда, что, если я ему откажу, Так-кун больше не будет с нами играть. Но ты пообещал, что, даже если мы с Так-куном будем встречаться, ты всегда останешься нашим другом. Я… я тогда просто хотела, чтобы ничего не менялось. Я просто хотела, чтобы мы трое оставались вместе…»

…Я чувствую то же самое.

Был опасный момент, когда Харуюки едва не высказал эту

мысль, но он сдержался.

Но, как будто она его слышала, Тиюри распахнула глаза – так что слезинки разлетелись – и посмотрела Харуюки прямо в лицо.

«И все же… почему?! Почему теперь ты танцуешь вокруг *этой*?! Мне ты сказал, чтобы я ничего не делала, а ее ты попросил и теперь ведешь себя как ее слуга, почему?! Так нечестно… Это просто бесит, я столько лет так о тебе волновалась, а эта… все разрулила за один день… А потом она еще так себя вела, будто Хару… просто вещь, которая ей принадлежит…»

«Эта» – имелась в виду Черноснежка.

Ее имя всплыло совершенно неожиданно, так что Харуюки, почти забыв о том, что надо проверять память нейролинкера, задрожал и покачал головой.

«Это… это все не так было, я вовсе ее не просил… Семпай просто разобралась с теми, кто ко мне приставал, потому что она же вице-председатель студсовета…»

«Тогда почему она водила Хару за собой, как свою собачку? И почему Хару рядом с ней всегда вел себя, как ее слуга?»

«Нет… не так все!»

Харуюки вновь отчаянно замотал головой; больше всего ему сейчас хотелось спросить самого себя: чего, черт побери, он на самом деле хочет?

Еще недавно он упрямо отвергал заявления Черноснежки, что Тиюри – Сиан Пайл, а вот теперь он так же упрямо отвергает все обвинения Тиюри в адрес Черноснежки. Все это напоминало ему пазл, который размолотили в блендере, так что к нему непонятно даже, как подступиться.

Потухшим голосом Харуюки вновь повторил:

«Не так все. Потому что я это не очень… ну, ненавижу…»

«Зато я ненавижу!!!»

Этот выкрик Тиюри, не исключено, было слышно даже за пределами комнаты.

«Хару, ты стал совсем чужой с того самого времени, как мы пошли в среднюю школу! Ты не ходишь с нами домой, у тебя всегда раздраженное лицо, когда я говорю с тобой в школе, и даже ко мне сюда ты не заходишь. В начальной школе ты не был таким».

«Тут… ничего не поделаешь, у тебя ведь есть па… парень».

«Хару, это ты мне сказал, чтобы я так сделала!!! Хару сказал, если я так сделаю, мы трое, я Хару и Так-кун, сможем быть вместе, как раньше!!! Ты что, врал мне?!»

«Я не врал! Я не врал, но… мы же не можем всю жизнь оставаться, как в начальной школе!!!»

Стискивая руками простыню по обе стороны лица Тиюри,

Харуюки тоже сорвался в крик.

«Раньше мне было плевать, я мог спокойно ходить рядом с тобой и с Таку, ходить вместе лопать гамбургеры! Но… сейчас это уже невозможно, это слишком тяжело! Таку становится все более клевым, ты тоже все кра… красивее, а я, я рядом с вами вот такой! Даже когда мы вместе, мне все время хочется вырыть яму и закопаться туда!!!»

Ни разу еще он не рассказывал Тиюри о своем комплексе неполноценности – да нет, вообще никому не рассказывал. Он был убежден, что позже будет смертельно жалеть, что проболтался, но сдержать поток мыслей был уже не в силах.

Попытайся он сказать то же самое голосом, он бы заикался, запинался и в итоге ничего выговорить не смог бы. Но сейчас он был в Прямом соединении и говорил мысленно, и поток его мыслей изливался прямо Тиюри в мозг.

«И с вами то же самое! Когда ты ходишь с Таку, вы держитесь за руки, а со мной не можете! Значит, ты сама выбрала Таку! И что я говорил, уже не имеет значения!!!»

Тиюри, глядя во все глаза на лицо Харуюки, нависающее в двух сантиметрах от ее лица, безмолвно слушала его монолог.

Потом шелковое покрывало слез снова покрыло ее светло-карие глаза.

Лицо исказилось, и тихий, почти шепчущий голос вышел из трясущихся губ.

«…Неужели ты правда так думаешь? Ты серьезно веришь, что ценность человека зависит только от внешнего вида? …Хару, ты всегда такой. Ты всегда так, всегда себя ругаешь, критикуешь. Почему ты так себя ненавидишь? Почему ты так сильно себя презираешь?»

«Ненавижу себя… Ну конечно, ненавижу, – простонал в ответ Харуюки. – На месте любого я бы возненавидел такого вот. Щекастый, трусливый, вечно потный… во мне просто нечему нравиться. Я бы ненавидел… даже если бы меня просто видели рядом со мной».

«Но я знаю… я знаю много хорошего, что есть в Хару. Знаю так много, что даже на пальцах обеих рук не могу сосчитать!»

И Тиюри, всхлипывая совсем по-детски, как в прошлом, начала перечислять:

«Когда мы ели вместе, ты всегда давал мне самую большую порцию; когда я потеряла куклу, которую вешала на школьную сумку, ты ее искал дотемна; когда у меня были проблемы с нейролинкером, ты всегда его сразу чинил; в тебе столько хорошего, сколько ни в ком другом нету. И внешность тут вообще ни при чем. Если бы… если бы тогда, два года назад, я тебе…»

Внезапно Тиюри замолчала с таким видом, будто с усилием проглотила следующие слова, и печально улыбнулась.

«…Прости, я не должна была так говорить. Я… я просто боялась, что Хару закрывается не только от учеников в школе, но и от меня, и от Так-куна. Я не хотела, чтобы ты был один. Я хотела, чтобы ты чувствовал, что твои лучшие друзья всегда рядом с тобой. Я потому и сделала все, как Хару сказал».

Харуюки показалось, что его горло что-то сжало; каким-то чудом ему все же удалось выдавить свои мысли:

«…Ты хочешь сказать, ты это сделала ради меня?.. Чтобы я и Таку могли оставаться друзьями?..»

«Потому что Хару веселее всего, когда он играет с Так-куном. И мне веселее всего смотреть на вас, как вы играете. Я просто думала, что хочу, чтобы то время никуда не уходило. Но… это невозможно, все меняется, и сердце человека тоже».

Внезапно Тиюри подняла руки и изо всех сил обняла Харуюки.

Ее залитое слезами улыбающееся лицо смотрело на застывшего Харуюки в упор.

«Мои руки уже не достигают Хару. Честно говоря, когда я увидела Хару и Черноснежку у ворот школы, я подумала… "Может, это будет она?" Меня саму это бесит, потому что я уверена, что знаю про Хару намного больше, чем эта. Но… если у нее хватит сил изменить Хару…»

Крутясь в водовороте замешательства, Харуюки мог лишь слушать слова своей подруги. Прилепившаяся к нему Тиюри совсем не изменилась; как и много, много лет назад, она была такой же маленькой и теплой.

«…Но я прошу, перестань вести себя так. Это просто невыносимо. Ты выглядишь, как ее слуга. Если все так, как я думаю, начни встречаться с ней. И пусть вся школа удивится».

Если я прямо сейчас обниму Тиюри, что будет?

Харуюки над этим раздумывал всего мгновение, но на полном серьезе. Конечно, его тело не сдвинулось с места, лишь пальцы правой руки задрожали, выдавая его мысль.

Голографический курсор, среагировав на это движение, случайно нажал иконку папки «Установленные приложения» в окне физической памяти нейролинкера Тиюри. После короткой задержки беззвучно открылось новое окно.

Машинально пробегая взглядом группы приложений, Харуюки так же машинально пробормотал голосом:

– Прости… прости, Тию. До сих пор я… даже не думал, что тебя что-то грызет, что тебе плохо. Потому-то я и безнадежен…

– Это нормально. И я беспокоюсь, и Так-кун беспокоится, и

даже эта, скорее всего, тоже. Даже она. Все такие, не только Хару.

И голос Тиюри, и ее ладошки были такие теплые, они будто впитывались в Харуюки.

Как я мог? Как я мог хоть на секунду подумать, что она Бёрст-линкер и скрыла это от меня?

Вообще-то он понял это после первого же взгляда на папку с приложениями – иконки с горящей буквой «В» там не было. На всякий случай он проглядел все программы, но ничего откровенно подозрительного не нашел – сплошь коммерческие почтовые клиенты, медиаплееры и простенькие игры.

Ну точно, Тиюри не Сиан Пайл.

Убеждая себя в этом и одновременно проглядывая свойства некоторых приложений, Харуюки почувствовал вдруг, что что-то не так.

Проблема была не в приложениях. Просто – система реагировала на его движения с чуть заметной задержкой.

Он же сейчас общается с Тиюри не по беспроводному протоколу через недорогой домашний сервер – он подключен к ее нейролинкеру напрямую с помощью высококлассного кабеля (более того – очень короткого), так что никаких поводов для лага просто нет.

Лаг может означать лишь одно: полоса пропускания нейролинкера Тиюри в основном забита чем-то другим.

Это начинало казаться все более подозрительным. Харуюки открыл окно статуса сети.

Сейчас нейролинкер Тиюри был подключен к трем сетям: Глобальной сети, домашней сети семьи Курасимы и Прямому соединению с Харуюки. Из этих трех подключений обмен пакетами должен был идти лишь по одному – с Харуюки.

Однако, когда он проверил состояние сети, у него едва не вырвался вскрик. Огромное количество пакетов уходило в Глобальную сеть. Отправителем была какая-то неизвестная программа, установленная в папку под тучей других папок. Адресат на той стороне – неизвестен. Короче говоря, это –

Бэкдор!!!

Кто-то взломал нейролинкер Тиюри и втихаря от нее подключается к нему извне. И прямо сейчас этот тип крадет информацию о том, что Тиюри видит и слышит.

Вот засранец!!!

Едва не крича, Харуюки двинул пальцем, намереваясь стереть проблемную программку.

Но, уже почти дотащив иконку до корзины, он остановился.

Человек, подключившийся к Тиюри, – наверняка и есть Сиан Пайл. Можно не сомневаться – речь не идет о том, что кому-то

удалось модифицировать «Brain Burst»; просто он пользуется нейролинкером Тиюри как промежуточной ступенькой, что и позволяет ему появляться и исчезать из дуэльного списка, когда захочется.

Это значит – если Харуюки сможет отследить назначение пакетов, то личность Сиан Пайла тоже станет ясна. Но отслеживать пакеты так, чтобы их адресат ничего не почувствовал, очень трудно. Скорее всего, единственный шанс – когда враг будет в бою. А для этого нужно не подавать виду, что он заметил бэкдор, до следующей атаки того типа.

Тихо выдохнув, Харуюки закрыл все окна.

– …Спасибо, Тию, – прошептал он и осторожно отодвинулся от нее.

Все еще плача, Тиюри тоже медленно опустила руки и с улыбкой кивнула. Неуклюже улыбнувшись в ответ, Харуюки протянул левую руку и выдернул кабель из нейролинкера Тиюри.

Глава 6

Пятница.

Харуюки понуро тащился по переулку среди прочих учеников, шагающих с написанным на физиономиях предвкушением послезавтрашнего выходного и конца долгой недели.

– Такой… такой, как я… – пробормотал Харуюки; несмотря на раннее утро, он успел уже зарядиться максимальным уровнем презрения к себе.

Если сон, который он видел в ночь после установки «Brain Burst», был самым страшным за всю его жизнь, то вчерашний его сон – самым низким и отвратительным. Если бы участницей сна, делавшей такое, о чем Харуюки знал только по виртуалу, была лишь Черноснежка, это, может, был бы лучший сон в его жизни. Но не успел он опомниться, как число людей во сне увеличилось до двух, и второй участницей была…

– Ауу… ааа…

Харуюки отчаянно сражался с желанием схватиться за голову и побежать.

Говорят, сейчас производители нейролинкеров яростно соперничают между собой, пытаясь создать мечту многих – программу «Запись снов». Слава богу, что такой программы пока не существует. Хотя – ну, Харуюки не мог не признать, что часть его, напротив, сожалела об этом…

– Йо, доброе утро, мальчик!

Одновременно с жизнерадостным возгласом кто-то хлопнул Харуюки по плечу, так что он аж подпрыгнул.

Развернувшись и увидев красавицу в черном, он подпрыгнул опять.

– Хиэааа?!

– …Что это было? Сейчас в моде такие приветствия? – поинтересовалась Черноснежка с подозрительным видом. Харуюки замотал головой.

– Не, ни-ни-ничего!!! Эмм, д-доброе утро, семпай!

– …Мм.

Вскинув голову, Черноснежка кашлянула разок и сказала:

– Мм… это… В общем, я… извиняюсь за вчерашнее. Я вела себя не как взрослый человек.

– Н-не… ничего подобного, вообще ничего такого. Это я должен извиняться… Я ушел домой, даже не попрощавшись как положено…

Как только они остановились, чтобы не говорить на ходу,

рядом начали скапливаться школьники в той же форме. Не только первоклассники – ученики вторых и третьих классов тоже с восхищением в глазах ждали возможности поздороваться с Черноснежкой. Харуюки и Черноснежка глазом моргнуть не успели, как позади них собралась толпа.

Увидев это, Черноснежка поздоровалась со всеми сразу, воскликнув «эгей, доброе утро всем!», после чего хлопнула Харуюки по спине и пошла вперед. Когда он не без труда ее нагнал, она продолжила уже шепотом, Харуюки на ухо:

– Нет… понятно, что тебе захотелось уйти. Я обращалась с твоей дорогой… подругой трусливо и низко. Из-за этого тебе пришлось дать невыполнимое обещание, что ты все проверишь с помощью Прямого соединения. Я искренне извиняюсь.

– Э? Аа… Вообще-то я это сделал… в смысле, Прямое соединение.

– …Что?

Ее лицо застыло. У Харуюки возникло ощущение, что что-то не так, но, прежде чем он успел толком насторожиться, она продолжила:

– Где вы это делали?

В ее голосе звучал металл, так что у Харуюки не осталось выбора, кроме как отвечать правду.

– Это, это… у нее дома…

– Где именно у нее дома?

– В к-комнате… в ее к-комнате.

– …Хо.

Черноснежка почему-то ускорила шаг. Ее шаги были куда длиннее, чем его, так что Харуюки пришлось бежать, и со лба тут же полил пот. Пара секунд у него ушла на то, чтобы догнать Черноснежку и продолжить разговор.

– Вот, и я заглянул в ее память… и оказалось, в ее нейролинкере –

– Какая была длина кабеля?

Исходящая от Черноснежки аура буквально впивалась в Харуюки. Ему становилось все страшнее; робким голосом он ответил:

– Три… дцать сантиметров.

– …Хм.

Цок-цок-цокцокцокцокцокцок.

Харуюки мог лишь провожать глазами удаляющуюся с пугающей стремительностью фигурку Черноснежки и раскачивающуюся на ходу гриву ее длинных волос.

Не понимаю. В мире полно вещей, которые я просто не могу понять.

Серьезно слушая учителя на утренних уроках (отчасти как способ сбежать от собственных мыслей) и сделав в тетради гору записей, Харуюки к звонку на большую перемену так и не смог придумать, что делать.

Если рассуждать логически – следовало немедленно отыскать Черноснежку и рассказать ей о бэкдоре, который Сиан Пайл установил в нейролинкер Тиюри, а потом посоветоваться, как отследить пакеты. Но прежде – если он не поймет, почему у Черноснежки со вчерашнего дня такое плохое настроение, то не сможет сосредоточиться на разговоре.

Да, само его присутствие заставляло людей рядом с ним испытывать чувство отвращения. Удивительно было бы, если бы кого-то не раздражал жирдяй, с которого вечно пот льет рекой и который мямлит что-то еле разборчиво. И от выражений на их лицах Харуюки пугался еще сильнее, отчего его голос становился еще тише, и так до почти полной неслышимости.

Может, Черноснежка до сих пор просто терпела его присутствие. А сейчас дошла до предела.

Если так, лучше бы отказаться от идеи поговорить с ней лицом к лицу в реале. Если они будут разговаривать своими аватарами в Полном погружении, он по крайней мере не будет потеть, да и громкость голоса там подстраивается автоматически. Решить вопросы так – мягко и эффективно – для него тоже было бы идеальным вариантом.

Харуюки повторял себе эти слова, уставившись на свою парту, когда откуда-то сверху раздался незнакомый громкий голос.

– Привет! Ты Харуюки Арита-кун из класса один-два, верно?

Он испуганно вскинул голову. Перед ним стояли две незнакомые девушки. На плечах у обеих виднелись голографические бейджики, свидетельствующие, что они выполняют поручение своего кружка. «Кружок школьной газеты».

Биип! Перед глазами Харуюки, едва не свалившегося на пол от удивления, зажглась иконка [SREC] – она означала, что собеседник записывает разговор. Разумеется, делать это на территории школы в большинстве случаев запрещено, но есть ситуации, когда можно.

Например – когда кружок школьной газеты берет интервью.

Харуюки даже взглянуть был не в силах на одноклассников, с интересом наблюдающих за развитием событий. Ему захотелось кинуться наутек – и плевать, как он будет выглядеть. Но, словно газетчики были к такому привычны, сзади тоже кто-то стоял и перекрывал путь к бегству.

Харуюки так и застрял в полувставшем состоянии; а девушка-газетчица перед ним выставила вперед руку с голографическим дисплеем и бросила вопрос, попавший прямо в яблочко.

– «Умесато реал таймс», рубрика «Хед☆шот в героя слухов»!!! Сразу к делу: верен ли слух, что Арита-кун встречается со знаменитой Черноснежкой-сан?!

Харуюки покосился на мигающую иконку записи.

Собрал волю в кулак и сумел ответить более-менее спокойным голосом:

– Это враки. Сплетни. Абсолютно пустые.

Пальцы журналистки яростно забегали по невидимой клавиатуре, потом она пошла в контратаку.

– Но, согласно имеющейся у нас информации, Арита-кун дважды был в Прямом соединении с Черноснежкой-сан в рекреации, а потом даже был с ней на свидании в кафе рядом со школой, и тоже в Прямом соединении!

– Что…

Глядя сверху вниз на офигевшего Харуюки, в голове у которого билась одна мысль: «Это-то ты откуда знаешь?» – девушка шевельнула головой, так что редко встречающиеся в наши дни очки на ее лице бликанули.

Плохо, очень плохо. Если он сейчас даст неверный ответ, взять назад потом уже не удастся.

Харуюки с легкостью вообразил кучу сенсационных заголовков. Он даже услышал боевой клич фан-клуба Черноснежки, когда они эти заголовки увидят; они наверняка возжаждут его крови.

Чувствуя, как у него дергается щека, Харуюки заставил свой мозг думать втрое быстрее, чем когда он дрался с Эш Роллером, и придумал наконец достаточно невинный на вид ответ.

– Эээээ… н-ну это. Я, я, я довольно много знаю о работе нейролинкера, и, эммм, у нейролинкера семпая были проблемы, она попросила меня его починить, и я починил; а в кафе была просто компенсация за это. Больше ничего тут нет, ни капельки.

Деревянно улыбаясь, он замотал головой. Девушка из кружка газеты прекратила печатать и нахмурила брови.

Даже если они видели Харуюки и Черноснежку в Прямом соединении, они не могли знать, беседуют эти двое или просто он возится с ее нейролинкером. Не бог весть какая отмазка, но опровергнуть ее не удастся.

Успокоившись, Харуюки продолжил говорить, пытаясь еще укрепить свою оборону.

– И потом… вы только посмотрите, как она себя ведет, когда я рядом, и вы сразу все поймете. Когда семпай говорит со мной,

она постоянно расстраивается. Чтобы мы с ней встречались – это просто невозможно.

На этом интервью закончилось.

Так он подумал; однако девушка вздернула голову и повторила его слова, будто сомневаясь:

– Расстраивается? На это было совсем не похоже…

– Да п-правда! Да вот сегодня утром – она ушла вперед одна, рассердилась непонятно на что… Она всегда так себя ведет, когда я говорю про Тию, в смысле про Курасиму…

– Про Курасиму… сан? Ты имеешь в виду ту, которая ругалась о чем-то с Черноснежкой-сан у ворот школы?..

Несколько раз моргнув за стеклами очков, газетчица вдруг переменилась; от ее драматического настроя не осталось и следа, и она шевельнула пальцем, после чего иконка записи перед Харуюки исчезла.

– ?.. Все, интервью закончено?

– Эээ, ну… в общем…

Как-то с запинками произнеся эти слова и переглянувшись со своей коллегой, стоящей у нее за спиной, она продолжила говорить, судя по всему, в своем нормальном стиле.

– Ну, понимаешь. По правде сказать, мы тоже сомневались и пришли за информацией, полагая, что это какая-то глупая ошибка, но…

– Но?..

Девушка наклонилась к Харуюки и прошептала так тихо, что лишь он один мог слышать.

– Слушай, Арита-кун. А не может быть так, что… ну, мне так кажется… но, может, ты и Черноснежка-сан правда… это?

– Хаааа?!

– Ну, знаешь, если она расстраивается всякий раз, когда ты говоришь про эту Курасиму-сан, с которой ты дружишь, это называется, ну… сам знаешь?

Ее подруга по кружку, стоящая рядом, продолжила:

– Ага. Это может быть только одно…

И обе они прошептали хором, будто какие-то оракулы в храме:

– …Ревность, да?

Придя в чувство, Харуюки обнаружил, что сидит в своей привычной кабинке в мужском туалете.

В конечном итоге он таки сбежал; однако сейчас он не мог позволить себе роскошь раскаиваться в том, что сделал.

Ревность? Оно вообще как пишется? Не знаю такого слова в японском языке.

От собственных мыслей ему тоже хотелось сбежать, но кандзи уже намертво запечатлелось в его мозгу, точно выжженное раскаленным клеймом.

Черноснежка раздражалась всякий раз, когда они говорили о Тиюри, из-за… ревности.

Да, так сказали те две девицы.

Ревность. Зависть. Иными словами, Черноснежка не притворялась и не прикалывалась, она на полном серьезе –

– Не может быть, – пробормотал Харуюки, заглянув туда, куда должна была прийти эта его мысль. Это просто не могло быть правдой. Такое может случаться с другими, но с ним, Харуюки Аритой – никогда. *Не думай об этом. Не желай этого.* Иначе – можно не сомневаться – ему после предстоит вертеться в кровати, страдая от сожалений, в два-три раза больше, чем сейчас.

Харуюки откинул голову, стукнувшись затылком о сливной бачок, и вновь сказал себе:

– Этого не может быть… не может.

Но чем больше он говорил себе об этом, тем больше разных мелких поступков, выражений лица и слов Черноснежки мелькало у него в голове.

И в тот раз… и в тот, и вон в тот… она что, правда?..

– …Не может быть!!!

Бам! Харуюки стукнул по стене кабинки и обхватил голову руками.

Даже продолжать думать было больно; Харуюки охватило желание убежать более сильное, чем когда-либо, но – едва он собрался отдать команду на Полное погружение…

… как вспомнил безумный счет, набранный Черноснежкой в виртуальном сквоше.

Ему никогда в жизни не перекрыть этот счет. А раз так, он не может больше сбегать от реальности в ту игру.

– …Почему, – вновь пробормотал он, на этот раз чуть громче. – …Почему?! Почему я?!

У тебя есть все. Внешность, мозги, атлетизм, манеры и даже – единственное, что было моей гордостью, – реакция в виртуальных играх.

А я – всего лишь омерзительный тип с жирным, потливым телом и тупой рожей.

Иными словами – у меня нет ничего, что было бы лучше, чем у тебя.

– И все-таки… почему ты сказала, что в меня веришь?..

Конечно, Харуюки – человек, пригодный для установки «Brain Burst», тот, кого Черноснежка долго искала.

Но все равно – ну, их трое таких в одной средней школе, и все. Ничего другого это не означает.

Более того, у Сильвер Кроу с его здоровенной головой-шлемом на высоком и тощем, будто проволочном, теле нет никаких навыков, кроме ударов руками-ногами-головой. С таким дуэльным аватаром от него и не может быть никакой пользы, кроме помощи в вычислении истинной личности врага, Сиан Пайла. А раз так – он хочет, чтобы с ним обращались соответственно. Он хочет, чтобы им просто командовали – холодно и безразлично, как шахматной фигурой.

Ни на что большее он не претендует. Он даже и мечтать не может о чем-то сверх того. И все же – почему, почему Черноснежка вела себя так, делала такое лицо, смотрела на него такими глазами?

В конце концов Харуюки пришел к единственному выводу и вцепился в него, надеясь, что хоть теперь его мозг успокоится. Вряд ли ему удастся найти какое-то другое объяснение.

Хотя человека, трясущего с Харуюки обеденные деньги, в школе больше не было, все равно обед он пропустил, однако голода даже не почувствовал. Вторую половину занятий он пережил с полным безразличием.

На классном часе учитель вроде как говорил что-то про Араю и его шайку, но это Харуюки тоже пропустил мимо ушей. Когда прозвенел звонок и одноклассники пулей вылетели из кабинета, предвкушая конец недели, он медленно встал и взял сумку.

Так же медленно подошел к выходу из школы, переобулся и покинул здание.

Хотя был только четвертый час дня, осеннее солнце уже стало красным и опустилось к горизонту, освещая школьные ворота. Заметив черный силуэт, который стоял у ворот, сливаясь со столбом, Харуюки поплелся к нему.

– …Привет.

Черноснежка остановила руку, печатавшую что-то на голографической клавиатуре, и помахала Харуюки, напряженно улыбнувшись. Возможно, она нарочно взяла сюда, в это совершенно неинтересное место, работу, которую должна была выполнять в комнате студсовета.

Харуюки лишь молча склонил голову.

Между ними повисло неловкое молчание. Дул холодный ветер, шелестя листьями у их ног.

Поскольку Харуюки продолжал стоять, опустив голову, Черноснежка слегка прокашлялась и продолжила:

– …Давай пойдем, заодно поговорим.

– Угу, – тихо ответил Харуюки и кивнул.

Черноснежка вышла из ворот школы молча, Харуюки семенил на шаг сзади и чуть левее.

Минуту или две они шли, не произнося ни слова, потом Черноснежка вновь кашлянула и сказала:

– Эммм… это… Я очень извиняюсь за сегодняшнее утро. Я вела себя странно.

– Не, я… в общем-то, не против. Я тоже должен извиниться, что не пришел к тебе на большой перемене.

Услышав этот нетипично связный ответ Харуюки, Черноснежка сперва вроде бы склонила голову чуть набок, но тут же кивнула.

– Тогда ладно, но… ммм. Я и сама не знаю, что именно на меня нашло, но… да, когда речь заходит о Сиан Пайле, я просто не в состоянии сохранять хладнокровие.

Устремив взгляд строго вперед, Черноснежка говорила, пожалуй, чересчур быстровато…

Харуюки сухо перебил:

– Да, насчет этого. Я нашел, какая связь между Сиан Пайлом и Курасимой.

– …Э? А… П-понятно. Давай об этом поговорим через Прямое соединение. Чтобы никто не услышал, о чем мы говорим, – быстро проговорила Черноснежка и вместо кармана пошарилась в сумочке, свисающей с правой руки.

Вытащила она маленький бумажный пакетик с названием магазина, расположенного рядом со школой Умесато. С треском отодрав скотч, Черноснежка извлекла из пакетика новый XSB-кабель.

– Ээ, я случайно повредила кабель, которым мы пользовались вчера. Вот, и… у меня было не очень много денег, и хватило только на этот.

Харуюки намеренно проигнорировал объяснение Черноснежки, больше смахивающее на оправдание, и взглянул на метровый кабель – самый короткий, какой продают в магазинах. Не глядя Черноснежке в глаза, он молча взял конец кабеля и вставил штекер в свой нейролинкер.

– …

Черноснежка, похоже, ждала, что Харуюки скажет что-то, но в конце концов вставила второй штекер в разъем своего нейролинкера. Как только появившееся предупреждение о проводном соединении исчезло, Харуюки послал ей свою сухую мысль.

«Сама Курасима – не Сиан Пайл. Сиан Пайл заразил нейролинкер Курасимы вирусом и установил бэкдор. Вот почему

он появляется на арене в той точке школы, где находится Курасима».

Договорив до этого места, Харуюки замолчал. Черноснежка ответила не сразу.

Но наконец ее голос раздался у него в мозгу; звучал он подозрительно, а может, просто чуть испуганно.

«…С тобой ничего не случилось?.. Какой-то ты… странный с утра».

«Не особо… ничего такого», – ответил Харуюки, идя в метре от Черноснежки и упорно стараясь не смотреть на нее.

«Но… может, ты сердишься? Потому что я странно себя вела сегодня утром и вчера?»

«Ну что ты. Мне не за что сердиться на семпая… Со мной все в порядке, так что давай вернемся к важному».

И вновь по тонкому кабелю потекло лишь молчание.

Постепенно пускались сумерки; дома, выстроившиеся по левой стороне переулка, создавали мрачную и унылую атмосферу; пешеходы казались черными тенями. Никто не обращал внимания на Харуюки и Черноснежку, идущих в Прямом соединении, – их словно было только двое, пробирающихся сквозь безмолвную страну теней.

«…У тебя есть доказательства?»

Внезапно холодная мысль прозвучала у Харуюки в голове.

«Ты нашел твердое доказательство, что Курасима-кун – действительно не Сиан Пайл?»

«Нет. Если бы я притронулся к вирусу, был риск, что он бы заметил, поэтому я только проверил».

«Хо. Разумное решение, но в то же время из-за него твоей находке недостает убедительности. Даже я никогда в жизни не слышала, что "Брэйн Бёрст" может подключаться через бэкдор, – как же я могу верить твоим словам?»

Черноснежка как будто тщательно подбирала слова; ее мысли звучали все острее и острее. Харуюки стиснул зубы и ответил еще более монотонно:

«То есть ты намекаешь на возможность, что историю с вирусом я выдумал… короче, что я переметнулся к Курасиме, Сиан Пайлу? Если так, вопрос вообще не в доказательствах и ни в чем таком. Все зависит от того, какое решение примет семпай».

«…Я ничего такого не говорила. Тебе просто показалось».

Мысленный голос Черноснежки чуть задрожал, но Харуюки стойко молчал.

«…Ты действительно искренне так считаешь?»

Черноснежка внезапно остановилась; слова ее зазвучали напряженно, и температура вокруг, казалось, резко упала.

«Если я приду к выводу, что ты переметнулся к Сиан Пайлу, я в ту же секунду нападу на тебя, отберу все твои Бёрст-пойнты, и твой "Брэйн Бёрст" автоматически деинсталлируется. Ты навсегда потеряешь способность ускоряться. Ты понимаешь, о чем я говорю?»

«Понимаю. Я просто пешка, не более чем орудие, которым ты можешь пользоваться по своему усмотрению. Когда нужда во мне отпадет, ты меня отбросишь».

«…Ты…»

Внезапно Харуюки почувствовал, что его левое плечо легонько сдавили.

Подняв глаза, он обнаружил лицо Черноснежки прямо перед собой – застывшее, точно ледяная скульптура.

«Ты действительно сердишься на меня. Конечно, и я вела себя не идеально. Но, – ее губы дрожали, слова звучали напряженно, будто она сдерживалась изо всех сил. – …Я тоже не могу полностью контролировать эмоции. Когда я раздражаюсь, это отражается и на моем мышлении. Особенно когда дело касается тебя… и Курасимы-кун…»

Отведя на секунду глаза, Черноснежка с трудом продолжила говорить, ее бледные щеки напряглись.

«…Ладно, если ты хочешь узнать причину, я скажу. Я…»

Но, прежде чем Харуюки получил по кабелю ее мысль, он отвернулся и перебил.

«Ничего, можешь не говорить».

«Э… ч-что?..»

«Смотреть на это тоже трудно. Больно видеть».

«Ты о чем говоришь… Что ты… имеешь в виду?»

Уцепившись взглядом в одну дорожную плитку справа от себя, Харуюки произнес «единственный вывод», к которому он пришел сегодня днем.

«Ты… ненавидишь себя, да?»

Он услышал резкий вдох.

Харуюки прекрасно сознавал, что слова, которым он сейчас придает форму, назад уже не взять.

В голове его рефреном звучали ободряющие слова, которые вчера вечером говорила Тиюри, но он не мог больше остановить поток своих мыслей.

«Ты ненавидишь себя за то, что ты во всем совершенна. И поэтому ты нарочно стараешься себя принизить. Верно?»

Пальцы Черноснежки, держащие его за плечо, затвердели, стали будто железными. *Ну все, это наше с ней последнее соединение.* И Харуюки выбросил слова, которые должны были разрушить все.

«Когда ты говоришь со мной… с толстым, некрасивым, ужасным типом вроде меня… когда ты прикасаешься к моей руке, показываешь доброту… нет, что-то похожее на доброту… ты просто пытаешься себя запачкать… Но даже если ты не будешь так делать, я все равно сделаю то, что ты скажешь. Я ничего больше не хочу. Мне не нужна никакая компенсация. Просто пешка, орудие, которому можно приказывать, – вполне подходящая роль для такого, как я, и ты сама должна это понимать!!!»

Медленно… очень медленно белая рука отпустила его плечо.

Вот и хорошо.

Не надо ко мне больше прикасаться, не надо встречаться глазами.

Даже видеться не надо в реальном мире – просто обращайся со мной как с обычным инструментом.

Харуюки понятия не имел, достигли ли ее эти мысли.

Прощай.

Едва он пробормотал мысленно это слово –

Хлоп!!!

Резкая боль обожгла левую щеку.

Чувствуя жар, Харуюки обалдело поднял голову.

– …Дурак!!!

Это слово вырвалось у Черноснежки вслух.

Ошеломленно Харуюки смотрел, как слезы ручьем текут по лицу, которое, даже искаженное до невозможности, все равно оставалось прекрасным.

Только что отвесив с маху пощечину, Черноснежка так и стояла, неестественно подвернув правую руку; вся она была какая-то всклокоченная, как ребенок, и слезы продолжали течь сплошным потоком.

– Дурак… дурак…

Это слово, раз за разом срывающееся с ее губ, было совсем не похоже на слово «глупый», которое она со снисходительной и взрослой улыбкой произносила раньше.

Черноснежка обзывала Харуюки вновь и вновь, совсем как обычная четырнадцатилетняя девчонка.

А Харуюки, не находя ни единого ответа из тех, что должны приходить в голову тринадцатилетнему мальчишке, лишь молча стоял столбом и смотрел во все глаза.

Его слова глубоко ранили стоящую перед ним девушку. Уж это-то он понимал.

Однако Харуюки думал, что – ну, это же Черноснежка, она само совершенство, ее ум и рассудительность куда лучше, чем у взрослых, – она просто возненавидит Харуюки, он станет ей

отвратителен, и она отвернется от него.

Он и подумать не мог, что она так разревется. Что у нее будет такое раненое лицо. Это – это могло значить, что…

Харуюки раскрыл рот, пытаясь что-то сказать.

Черноснежка закрыла залитое слезами лицо руками.

Легкий ветерок промчался мимо них, молча стоящих в переулке, и утонул в сумерках.

И тут –

По ушам Харуюки ударил страшный лязг металла о металл.

Сперва Харуюки подумал, что это квантовый шум его нейролинкера.

Его сердце подпрыгнуло от неожиданности, он развернулся всем телом вправо.

В его поле зрения впрыгнула ужасная картина.

Белая машина, пробив левой стороной бампера ограждение тротуара, летела прямо на него.

Несчастный случай?! Нет! Не слышно визга тормозов.

Эти четыре мысли просвистели у него в голове меньше чем за 0.1 секунды.

Его губы двинулись автоматически и произнесли команду. И одновременно эта же команда, но совершенно другим голосом отданная, прозвучала у него в мозгу, принесенная по кабелю Прямого соединения.

– «Бёрст линк!»

БАММ!!! – громыхнуло в ушах, и мир остановился.

Синева.

Застывшая картина, прозрачно-синяя, докуда взгляд достает.

Но Харуюки тут же напомнил себе, что она не полностью застывшая.

Колеса большого седана, едущего прямо на него, словно преодолевая заморозку, поворачивались потихоньку, потихоньку, медленно съедая дорожное полотно и сокращая расстояние до Харуюки.

…*Уаааа?!*

С некоторым опозданием, но все же Харуюки вскрикнул и отскочил назад. И тут же машина исчезла. Ее закрыла собой – его собственная круглая спина в школьной форме Умесато.

Синий мир – не просто взятая из реальности картина. Программа «Brain Burst», взломав сеть Общественных камер, понатыканных повсюду, собирает с них изображения и превращает в созданную из полигонов псевдореальность.

Чуть опустив глаза, Харуюки обнаружил, что его тело стало

розовым поросенком. Двигая своим привычным аватаром, Харуюки обошел реального себя и снова увидел белый седан.

Между Харуюки и машиной было всего три метра; автомобиль наискось вылетел с мостовой на тротуар, пробив ограждение. Судя по его скорости – а он по-прежнему медленно, но верно продвигался вперед, – он врежется в Харуюки с Черноснежкой менее чем через десять ускоренных минут.

Чтобы такое могло произойти – как?!

Мысли метались у Харуюки в голове.

В норме автомобиль просто не может сойти с дороги. Потому что, как только ИИ машины обнаружит опасное отклонение от курса, он тут же перехватит управление и, скорректировав направление движения, остановит машину.

Это значит, что либо ИИ этого конкретного седана вышел из строя, либо его отключил водитель.

Харуюки заподозрил, что второе куда вероятнее. Потому чего его уши совершенно не слышали визга шин, трущихся о дорожное полотно в попытке затормозить.

Водитель не давил на тормоз. Скорее, наоборот – он мчался вперед, втопив полный газ.

Это умышленное нападение. Черноснежка уже намекала на такую возможность – «атаку в реальности» со стороны других Бёрст-линкеров.

Кто же напавший – какой-то Бёрст-линкер, принадлежащий к легиону одного из королей? Или же это ученик школы Умесато, тот самый Сиан Пайл?

Похоже, большинство здешних Общественных камер не видело, что внутри машины, поэтому окна салона выглядели непрозрачными. Харуюки смотрел с разных сторон, напрягая глаза, пока не нашел наконец точку, откуда смог заглянуть в салон.

Вытянувшись своим маленьким поросенком, насколько мог, он увидел, что водитель, чуть не врезавшийся головой в крышу салона, был –

– Что?!.

Едва увидев, Харуюки издал потрясенный крик, похожий больше на стон.

В машине он увидел лицо одноклассника, которого мгновенно узнал – и которого желал видеть меньше, чем кого бы то ни было.

– А… Арая?!. По… почему…

Почему он здесь.

После драки, затеянной Араей в школе, его обыскали и нашли в его нейролинкере много всякого, включая

противозаконную программу, позволяющую избегать Общественных камер, разные фотографии и даже виртуальные наркотики; так что его тут же без вопросов арестовали. Затем его временно поместили в отделение для несовершеннолетних Управления по дискриминации – и, уж во всяком случае, в школу Умесато он не должен больше вернуться.

Не веря своим глазам, Харуюки заморгал, глядя в сине-ледяное лицо водителя.

Но – пиками торчащие во все стороны волосы, высоко расположенные тонкие брови, изогнувшиеся в жестоком экстазе губы – и чувство страха, непроизвольно вспыхнувшее в Харуюки, едва он увидел это лицо… все это ясно говорило Харуюки, что перед ним действительно Арая.

– Сегодня утром его отпустили под залог.

Рядом вдруг раздался грустный голос, и Харуюки резко обернулся.

Он увидел Черноснежку в образе феи-бабочки; она стояла рядом с ним, закусив губу.

– …Я слышала, его дело будет разбирать суд по делам семьи на следующей неделе, и он получит не меньше года… вот почему я сочла, что об этом человеке можно больше не беспокоиться. Но… подумать только, что он способен на такое…

Сдавленно пробормотав эти слова, Черноснежка опустила длинные ресницы и покачала головой.

– Нет – я должна была это предвидеть и быть настороже. Вовсе не нужно уметь «ускоряться», чтобы напасть на другого… Я должна была знать, что ножа или машины более чем достаточно, но… похоже, по-настоящему я этого не понимала…

Она вернулась к своему обычному тону; ни намека на недавнее детское рыдание не осталось на ее лице.

Нет, просто мне хочется в это верить, тут же поправил свое впечатление Харуюки.

В глазах ее аватара, хоть это и был всего лишь созданный образ, отчетливо читались раскаяние и, похоже, решимость.

Черноснежка медленно закрыла глаза, сделал глубокий вдох и продолжила шепотом:

– Это… это как наказание. Мое наказание – за то, что не понимала сердца людей, не пыталась их понять, но все равно играла с ними ради собственного удовольствия.

– …Чт… что… что ты говоришь?

Лишь эти слова Харуюки с трудом сумел выдавить. Вместо ответа Черноснежка всем телом развернулась к аватару Харуюки, который был вдвое ниже нее ростом, и опустилась на колени.

Подол черного платья распростерся по земле; ее лицо

очутилось на одном уровне с лицом Харуюки, и она посмотрела ему прямо в глаза.

– Арита-кун… Харуюки-кун.

Сейчас ее голос звучал гораздо нежнее, чем когда бы то ни было прежде; он ласкал слух Харуюки.

– Прости меня. Это я виновата в том, что так вышло. Но я не допущу, чтобы ты пострадал. Я защищу тебя.

– …Э… чт… что…

Ошарашенный Харуюки снова и снова повторял одно и то же.

Даже если они прямо сейчас отменят ускорение, сделать уже ничего не успеют.

В то же мгновение, когда они вернутся в реальность, седан на огромной скорости преодолеет остатки расстояния и размажет сперва Харуюки, потом стоящую за ним Черноснежку.

Хорошо, что именно в этом порядке. Если он сыграет роль подушки, останется маленький шанс, что Черноснежка избежит серьезных травм. Харуюки уже думал об этом.

Но тут Черноснежка решительным тоном произнесла нечто невероятное.

– Одного тебя я совершенно точно могу спасти. Я еще не рассказала тебе… про последнюю, величайшую способность Бёрст-линкеров… силу «ускорения».

– Э?!.

Спасешь меня?.. Ты, моя госпожа, спасешь меня, простое орудие?..

У Харуюки перехватило дыхание; он лихорадочно замотал головой.

– Те… тебе нельзя!!! Ты не можешь!!! Если есть такая способность, я ее использую! И это я тебя защищу!!! Потому что я твоя пешка… это же естественно, что я должен тебя защищать!!!

Отчаянно крича, он протянул свои короткие ручонки.

– Пожалуйста, научи меня… что это за суперспособность?! Какую команду надо отдать?!

– Ничего не выйдет. Эту команду нельзя использовать, если твой уровень ниже девятого, и она забирает девяносто девять процентов очков. А главное – я твой Родитель. Как же может Родитель не спасти своего Ребенка?

– Но… но… но… но!!!

– Не делай такое лицо. Потому что у меня тоже… на душе легче.

– Э… ле-легче?..

– Да. Сейчас ты ведь поверишь моим последним словам, правда?

Черноснежка подняла руки, наложила ладони одну на другую

и прижала к груди.

Закрыла глаза; улыбка, как бутон, распустилась на губах; и –

Она медленно произнесла единственную фразу, единственную фразу, точно выложенную драгоценными камнями.

– Харуюки-кун. Я люблю тебя.

Ослепительно сияющие черные глаза под высокими бровями смотрели на Харуюки.

– Впервые в жизни я почувствовала это. Я просто сама не своя, я не могу себя нормально контролировать. Даже когда я на уроках или лежу дома на кровати, я постоянно думаю о тебе и то радуюсь, то грущу. Это и есть то, что называется любовью, хех… Просто замечательное ощущение. Это как чудо.

По-прежнему прижимая руки к груди, Черноснежка улыбнулась.

Улыбка была теплая, добрая и уютная, но от нее в груди Харуюки взорвалась боль.

Я хочу верить. Я хочу верить.

Я хочу верить –

Слезы, хлынувшие из глаз аватара Харуюки, исказили поле зрения – слишком сильный спецэффект.

Харуюки рывком вытер их и, заглянув в черные глаза, находящиеся так близко, сипло спросил:

– Почему… почему меня? Почему такого… такого, как я?

– Хмм, почему. Миллион причин, но… Нет, я не думаю, что для любви вообще нужна причина, но хорошо. Скажу тебе, что было толчком.

Улыбающаяся Черноснежка протянула руки и положила ему на плечи.

– Харуюки-кун. Ты помнишь нашу первую встречу?

– Да… конечно, конечно, я помню. В школьной сети… в уголке виртуального сквоша ты мне сказала: «Ты хочешь ускориться еще сильнее?».

– Вот именно. Тот рекорд, который я поставила в игре… – ее улыбка изменилась, в ней появилась капелька озорства. – Я это сделала с помощью «ускорения».

– Э… ээ?!

– Иначе я бы к такому уровню и близко не подобралась. Я сделала это, рассчитывая привлечь твой интерес и убедить тебя, потому что ты захочешь стать сильнее любой ценой… Я… – Черноснежка помолчала немного, подняв глаза к небу ускоренного мира. – Я стала Бёрст-линкером всего шесть лет назад, мне тогда было восемь. Все это время я искала лишь силу, я дошла до девятого уровня, победив столько врагов, что и не сосчитаешь, я запачкала руки кровью друзей – и все равно мне

было мало. Такая, как я, просто не способна набрать те очки, какие набрал ты.

Выражение лица Черноснежки изменилось. Уверенно глядя Харуюки в лицо, она продолжила:

– Слушай меня, Харуюки-кун. Ты быстр. Ты можешь стать быстрее, чем кто угодно другой. Быстрее, чем я; быстрее, чем другие короли. Скорость – главная сила Бёрст-линкера. Когда-нибудь ты станешь известен как самый быстрый Линкер во всем ускоренном мире. Ты одолеешь королей, пройдешь за горизонт и доберешься до истоков «Брэйн Бёрста». И я знаю. Именно ты достигнешь высшего уровня способностей, запрятанных в человеке… в нашем разуме и душе.

Черноснежка медленно кивнула.

– Я… когда я увидела, как ты играл в ту игру, я задрожала. Я никогда раньше так не дрожала; и я была тронута. Мне хотелось крикнуть: «Подумать только – чтобы человек мог быть так быстр. Эврика… наконец-то я нашла истинного короля, который как следует встряхнет этот застоявшийся мир».

Харуюки мог лишь ошеломленно слушать.

Я – быстрее любого?..

Он просто не мог взять и поверить. Но в том положении, в каком они оба находились, он не мог себе позволить усомниться хоть в одном слове, сказанном Черноснежкой. Это единственное, чего он ни за что, ни в коем случае не мог.

– Но, хотя ты обладаешь такой силой и потенциалом, настоящий ты очень уязвимый… это настолько больно, что просто сердце разрывается; оно у меня чуть из груди не выпрыгнуло. Я хотела встать на колени перед будущим королем. Но в то же самое время я хотела защитить тебя, обнять тебя. Эти противоречивые чувства во мне становились все сильнее и сильнее… и вдруг оказалось, что я вижу только тебя. Я влюбилась. Я лишь вчера это поняла.

– Вче… ра?

– Да. Когда ты говорил про Курасиму-кун. Как бы это сказать… я впервые в жизни почувствовала то, что называют ревностью, я перестала контролировать себя. Из-за этого я и вела себя так. И сегодня утром тоже. Я заметила слишком поздно… Нет – поздно, но не слишком. Ведь сейчас…

Ее руки надавили на плечи Харуюки чуть сильнее. Черноснежка придвинула лицо ближе и улыбнулась.

– …Сейчас я смогла тебе признаться. Если бы я могла загадать желание, я бы пожелала встать перед тобой в реальном мире и сказать тебе это как следует, но…

Бриллиантовые слезинки вдруг возникли в ее сверкающих

угольно-черных глазах и собрались в капли в уголках.

– Теперь… пора прощаться.

– Что… что ты собираешься сделать? Нет… прощаться – это просто –

У Харуюки перехватило дыхание, он не мог произнести больше ни слова и лишь замотал головой. Черноснежка оставила ему последние слова, как инструкцию:

– Пожалуйста. Стань сильнее… и стань быстрее. Победи остальных королей вместо меня, поднимись до самого верха и увидь то, что я хотела увидеть.

– Нет… нет!!! – выкрикнул – почти простонал – Харуюки. – Я не смогу!!! Это слишком… нельзя, чтобы ты одна ушла! Я защищу тебя… а если не смогу, я пойду с тобой!!! Пожалуйста, не уходи от меня… я, я ничего еще не сделал для тебя… совсем ничего…

Харуюки произносил все это рыдающим голосом, когда –

Губы Черноснежки беззвучно приблизились и легли на его губы.

Соприкоснулись губами всего лишь виртуальные аватары, но ощущение было неописуемо теплым, мягким и нежным.

После поцелуя, длившегося менее тысячной доли секунды в реальном мире, но показавшегося Харуюки бесконечным, их губы медленно разомкнулись, и Черноснежка прошептала:

– Когда-нибудь… мы обязательно встретимся вновь.

Она встала, и срывающиеся с глаз слезинки образовали в воздухе серебряную дорожку.

Потом Черноснежка повернулась к приближающейся машине и решительно встала на ее пути; от ее спины веяло неукротимой силой воли. Харуюки был не в состоянии не то что двигаться – даже говорить.

Она раскинула руки в стороны. Ее спина распрямилась, и –

Полным достоинства голосом Черноснежка отдала команду.

– Физикл фулл бёрст!!![16]

Пфф!..

Аватар Черноснежки окутался ослепительно-белым сиянием и исчез.

Что? Что произошло?

Чуть не разрываясь от замешательства, беспокойства и какого-то безымянного чувства, перекрывающего все остальные, Харуюки крикнул во весь голос:

– Семпай!!!

Его глаза вновь заволокло слезами; он потерял равновесие и, шатаясь, отступил на несколько шагов.

И тут он увидел нечто невероятное.

Черноснежка… тело настоящей Черноснежки, по-прежнему синее, двигалось.

Она должна была стоять за спиной реального Харуюки, который закрывал ее от приближающейся машины; но ее ноги двигались со скоростью процентов десять от реальной; отталкиваясь ногами от земли, Черноснежка шла вперед.

Этого – просто не может быть!!!

Программа «Brain Burst» разгоняет в тысячу раз посылаемый сердцем квантовый импульс и таким образом ускоряет сознание пользователя.

Этот эффект не распространяется на тело. Так что, даже если человек «ускорился», он и взгляд не может подвинуть, что уж говорить обо всем теле. Вот почему в момент ускорения программа отделяет сознание пользователя от тела, отправляет его в Полное погружение и подсоединяет к псевдореальности, созданной Общественными камерами.

И тем не менее прямо сейчас настоящая Черноснежка из плоти и крови двигалась настолько быстро, что ускоренный Харуюки ясно видел это. Ее тело цвета льда иногда как бы размывалось по краям, оно словно текло – видимо, потому что Черноснежка двигалась быстрее, чем успевали снимать Общественные камеры.

Иными словами – в реальном мире она мчалась раз в сто быстрее, чем обычный человек!

Вот, значит, какова она, последняя, величайшая способность Бёрст-линкеров. Ускорение не только сознания, но и всего тела – действительно запретная команда.

Тело просто не может сделать такого, не пострадав.

На лице мчащейся вперед Черноснежки, помимо упрямой решимости, было видно страдание – словно она собрала в кулак всю волю, чтобы терпеть.

Скорее всего, она испытывала ошеломляющую боль.

Все ее мышцы и суставы, которые она заставляла двигаться на невозможной скорости, сейчас вопили.

Но Черноснежка не останавливалась.

Шаг, второй, третий – и вот она уже совсем рядом, слева от реального Харуюки.

Между бампером машины Араи и Харуюки оставалось не больше 80 сантиметров.

Черноснежка подняла руки и мягко притянула тело Харуюки к себе, будто обнимая.

Потом, вложив больше силы, она принялась толкать его вбок.

В этот момент.

Харуюки ощутил мощнейший удар, от которого содрогнулось все его тело и почернело в глазах.

Черноснежка двигалась изящно, но в реальном мире это было эквивалентно силовому приему, проведенному на потрясающей скорости. От соударения сработал предохранитель нейролинкера, и Харуюки был автоматически выведен из Полного погружения.

Тут же из центра к периферии его потемневшего поля зрения разошлись естественные цвета.

Харуюки мгновенно вернулся из своего аватара в реальное тело – и тут же ударился спиной о тротуар, так что у него перебило дыхалку.

Не дыша, Харуюки смотрел во все глаза. Прямо перед ним –

Все еще протягивая обе руки вперед, Черноснежка улыбалась.

В следующее мгновение белая машина, летевшая по тротуару, врезалась в ее хрупкое тело.

Ноги Черноснежки поддело бампером, и она подлетела вверх, потом ударилась о ветровое стекло, и ее подбросило еще выше.

Черные волосы прочертили в воздухе дугу.

Поймав на лету свет закатного солнца, они вспыхнули оранжевым сиянием.

Рядом с ней в воздухе белоснежно танцевал выдернувшийся кабель Прямого соединения.

Глава 7

Что было дальше, Харуюки помнил обрывками – отдельными образами в трех цветах.

Хрупкая фигурка, в неестественной позе лежащая на тротуарной плитке, – черная.

Кровь, в пугающих количествах растекающаяся из-под тела, – красная.

Закрытые глаза и потерявшие упругость щеки – белые.

Галстук, которым Харуюки пытался остановить кровь, и его собственные руки тоже мгновенно стали красными.

На место происшествия ворвалась полицейская машина с красной мигалкой, и хохочущего Араю впихнули на заднее сиденье.

Сразу после этого приехала белая «скорая» с такой же красной мигалкой, из нее вышли люди в белом и положили Черноснежку на носилки. Харуюки упросил их взять его с собой, и машина понеслась на полной скорости –

И сейчас Харуюки сидел в уголке белого коридора, не отводя глаз от светящейся красным лампы с надписью «Идет операция».

До сих пор Харуюки был не в состоянии думать о том, что произошло.

В его памяти раз за разом проигрывались события последних четырех дней – с того момента, как он познакомился с Черноснежкой.

В тот раз – и в тот раз, и вон в тот – Харуюки мог сделать другой выбор.

Если бы он тогда сделал другой выбор, всего вот этого можно было бы избежать.

Почему он не пытался хоть чуть-чуть поверить в руку, протянутую ему навстречу Черноснежкой, в чувства, которые она выказывала? Если бы он послушно принял их, вместо того чтобы упрямо смотреть в землю, ссоры на дороге бы не было и они бы вовремя заметили приближающуюся машину.

…Я за свою жизнь совершил уйму ошибок, но эта – ошибка номер один, и ее не исправить.

Харуюки возвращался к каждой развилке в каждом фрагменте своей буксующей памяти и всякий раз пытался прочертить оттуда другое будущее; но даже «Brain Burst» неспособен изменить то, что уже случилось.

Этим он занимался бог знает сколько времени, не отводя глаз от лампы.

Лампа означала, что врачи все еще работают; но внезапно дверь скользнула в сторону, из операционной вышла медсестра в белом халате и направилась прямо к Харуюки. Тот лишь молча смотрел на нее.

Она была молодая – возможно, только что из школы медсестер. Глаза под красивой прической смотрели напряженно. При взгляде на женщину у Харуюки невольно вырвалось:

– Как… она?

– Доктор и ассистенты делают все возможное, – голос медсестры звучал немного хрипло и сдавленно. – Но… слишком много повреждений внутренних органов. Мы ввели ремонтные микромашины, и ухудшение ее состояния замедлилось. И… вот, насчет ее семьи… мы хотели бы с ними связаться, но в ее нейролинкере не указан адрес для экстренной связи.

– Э…

Сев напротив Харуюки, не знающего, что сказать, медсестра подалась к нему и продолжила:

– Я подумала, что ты можешь знать ее домашний номер. Ты… ее… ?..

В конце ее фразы была вопросительная нотка, но Харуюки ничего не ответил.

Что я для нее? Пешка. Подручный. Эти слова я не хочу больше использовать. Но говорить о нас как о друзьях или как о семпае и кохае я тоже не хочу.

Так и не решившись что-либо ответить, Харуюки услышал следующие слова медсестры, произнесенные после секундного колебания, и машинально поднял глаза.

– …Ее парень, да?

– Ээ… п-почему вы так решили?

Сколько ни гляди на Черноснежку, чья красота чудесным образом не пострадала, и на внешность Харуюки – ну просто неоткуда сделать такой вывод.

Харуюки машинально съежился, и тут медсестра протянула ему маленькую книжечку.

Синяя искусственная кожа переплета, на ней металлическая эмблема – это была ученическая книжка средней школы Умесато.

– Я нашла ее, когда искала номер телефона и другую личную информацию. Прости.

Лишь чуть-чуть улыбнувшись напряженными губами, медсестра открыла ученическую книжку на последней странице.

Слева был прозрачный кармашек, в нем школьное удостоверение с фотографией Черноснежки.

А справа было знакомое круглое лицо.

Взяв книжку трясущимися руками, Харуюки уставился на

собственную фотографию, на собственное идиотское выражение лица. Ну да, точно – это скриншот поля зрения, который Черноснежка сделала в рекреации, когда впервые «призналась» ему.

Капля влаги упала на фотографию.

Харуюки и не заметил, что уже некоторое время по его щекам текут слезы.

– Семпай… Черноснежка-семпай.

Его голос задрожал. И тут же Харуюки разревелся, как ребенок.

– Уу… аа… уаааааааа!!!

Прижав книжечку к груди и перегнувшись вперед, он плакал навзрыд.

Слезы лились сплошным потоком, они стекали по щекам и падали на пол. Ощущая резкую боль в груди, словно кто-то выдалбливал его внутренности, Харуюки впервые понял свои истинные чувства.

Операция шла без малого пять часов.

Когда индикатор в углу поля зрения сменился с «вечера» на «ночь», Харуюки просто послал текстовый мэйл «Мой друг попал в аварию, вернусь очень поздно или вообще не вернусь сегодня» и вновь устроился на своей скамье.

С родственниками Черноснежки, похоже, связались через школу, но, как ни странно, вместо них пришел лишь семейный адвокат – один.

Человек средних лет со здоровенным нейролинкером, сам смахивающий на машину, он с деловым видом выполнил все формальные процедуры и минут через пятнадцать ушел, не удостоив Харуюки даже взглядом.

Спустя долгое, долгое время красная надпись наконец погасла. На часах было около десяти вечера.

Молодой доктор, вышедший из операционной с усталым видом, вроде как удивился немного, увидев, что Харуюки тут один, но все же вежливым тоном объяснил состояние пациентки.

Кровотечение удалось остановить, но внутренние органы сильно повреждены; неудивительно, если она впадет в коматозное состояние.

Многочисленные синтетические белковые микромашины трудятся над регенерацией и восстановлением тканей, но в конечном итоге все будет зависеть от сил самой пациентки.

– …Если коротко – должен сказать, что ее состояние очень тяжелое. Все решат следующие двенадцать часов… пожалуйста, приготовься.

Закончив эту фразу с серьезным выражением лица, врач вместе с ассистентами удалился по коридору.

Осталась лишь медсестра – та же, что раньше.

Кинув короткий взгляд на ученическую книжечку, которую Харуюки по-прежнему крепко сжимал в руках, медсестра ласково сказала:

– Тебе тоже надо… вернуться домой и отдохнуть. Похоже, завтра придет кто-то из ее семьи.

– Завтра… будет уже поздно, – упрямо ответил Харуюки, ясно давая понять, что не сдвинется отсюда ни на шаг. – Доктор сказал, что следующие двенадцать часов будут самыми тяжелыми. Семпай старается изо всех сил, но, если сейчас рядом с ней совсем никого не будет, это будет слишком… жестоко.

– …Ясно… это верно. Ты уже связался со своей семьей?

– Да… Мама все равно вернется домой не раньше часа ночи.

– Понятно. Тогда я принесу одеяло, погоди немного.

Она быстро удалилась по коридору в служебное помещение медсестер и тут же вернулась. Протянув Харуюки тонкое одеяло, она уверенно кивнула.

– Не беспокойся. С этой девушкой все будет хорошо. Она такая красивая… и у нее такой замечательный парень. Все самое веселое еще впереди.

Да уж – «еще впереди» куда больше всего, чем она думает. Одолеть Сиан Пайла, победить легионы других королей и отправиться туда, куда стремится Черноснежка. И, конечно, я отправлюсь туда вместе с ней.

Эта мысль вспыхнула у Харуюки в голове, и он сказал:

– Спа… спасибо огромное. Эмм… когда я смогу пройти к семпаю?

– Сейчас это невозможно, поскольку комната управления микромашинами герметична. Но ты можешь увидеть ее через больничную сеть. Вообще-то это запрещено, но для тебя – особая привилегия.

Медсестра улыбнулась и поводила пальцем в воздухе. Кликнула – и перед Харуюки появилось сообщение об открытии доступа.

В первое мгновение он немного удивился, что медсестра смогла подключиться к его нейролинкеру, хотя они оба были отрезаны от Глобальной сети; но тут же понял, что они оба в локальной сети больницы.

Он кликнул на иконку, и открылось окно с видео. Картинка была тусклой и замыленной, но, вглядевшись изо всех сил, Харуюки увидел кровать и какой-то странный контур на ней.

Это было нечто вроде капсулы с прозрачной верхней

половиной. Капсулу заполняла полупрозрачная жидкость, в которой плавало белое тело – Харуюки видел его от плеч и выше.

На трубки, идущие к рукам и рту, было больно смотреть; глаза оставались закрытыми, ресницы даже не вздрагивали.

– Семпай…

Прямо сейчас внутри хрупкого тела Черноснежки множество микромашин в союзе с ее собственной волей к жизни сражались с колоссальными повреждениями. Харуюки ничего не мог сделать, чтобы помочь ей в этой битве. Абсолютно ничего – разве что молиться.

– Не волнуйся. Она непременно выкарабкается, – снова повторила медсестра и, мягко похлопав Харуюки по спине, встала. – Мы постоянно следим за ее состоянием и, если что-нибудь случится, сразу же придем. Ты тоже должен немного отдохнуть.

– Да. А… эмм, большое вам спасибо.

Харуюки поблагодарил медсестру, уже двинувшуюся прочь, и опустил глаза –

Кинув взгляд на окно с видео в правой половине поля зрения, он вдруг почувствовал, что что-то там не в порядке. Его интуиция, отполированная колоссальным опытом виртуальных игр, шептала ему, что что-то он должен здесь видеть, о чем-то должен думать.

Что – что я сейчас увидел?

Тело Черноснежки на уровне плеч и выше было обнажено. Однако кое-что на ней все же было.

Она плавала в полупрозрачной жидкости, поэтому четко разглядеть Харуюки не мог, но – вон та черная штуковина сзади шеи, несомненно, была нейролинкером. И к нему был подсоединен тонкий кабель. Он шел вдоль кровати рядом с кислородной трубкой и другим концом был подключен к большому аппарату, стоящему рядом.

– П-пожалуйста, подождите.

Медсестра тут же остановилась и, склонив голову набок, вопросительно посмотрела на него.

– Что такое?

– Нет, эмм… нейролинкер Черно-… эээ, то есть семпая, он еще подключен, да?

– Да. Ведь мы следим за ее мозговой активностью.

– Значит, эээ… тот аппарат, к которому он подключен по кабелю, – не изолированный?

– Конечно, нет, он подключен к больничной сети.

…ЧТО?!

Озадаченно глядя на Харуюки, у которого перехватило дыхание, медсестра улыбнулась, словно пытаясь успокоить его.

– Что, ты беспокоишься о безопасности? Не волнуйся, та часть больничной сети, которая относится непосредственно к лечению, снабжена потрясающе крепким брандмауэром. Ни один хакер ничего плохого этой девушке не сделает.

Медсестра помахала рукой и со словами «ну, пока» удалилась в служебное помещение. Глядя ей в спину, Харуюки мысленно ответил, будто простонал:

…В норме так бы оно и было. Но «это» – не нормальное. «Это» способно внедриться в сеть Общественных камер, обладающую мощнейшим брандмауэром в стране, и брать из нее видео в реальном времени…

«Это» – программа «Brain Burst».

Оставшись в коридоре один, Харуюки с одеялом в левой руке хлопнулся на скамью.

Нейролинкер Черноснежки полностью изолирован от Глобальной сети. Однако в целях лечения ее подсоединили к машине, подключенной к больничной сети. …Это значит…

Дрожащим голосом Харуюки пробормотал:

– Бёрст линк.

Мир мгновенно замер, звуки пропали.

Встав в своем поросячьем аватаре и молясь в душе, Харуюки кликнул на иконку в виде горящей буквы «B» на левом краю поля зрения.

Активировалась консоль «Brain Burst», открылся дуэльный список.

Сперва там была лишь надпись «Поиск», потом наверху списка появилось имя «Сильвер Кроу».

А строкой ниже – имя «Блэк Лотус».

– Нет… – простонал Харуюки.

Он-то, если отключит свой нейролинкер от больничной сети, исчезнет из дуэльного списка. Но Черноснежка, за мозговыми волнами которой постоянно следили, сделать этого была не в состоянии.

Конечно, к Глобальной сети они оба были не подсоединены, так что извне напасть никто не сможет. Но если Бёрст-линкер есть здесь, в больнице – если он включит «Brain Burst», увидит в списке Блэк Лотус и вызовет ее –

Лежащая без сознания Черноснежка, вне всяких сомнений, проиграет.

Нет, такого совпадения не будет; с чего это вдруг еще одному Бёрст-линкеру оказаться в той же больнице? В это время суток в больницу и из больницы уже никто не ходит, а если бы сейчас в здешней сети был кто-то, помимо Харуюки и Черноснежки, его имя уже было бы в дуэльном списке.

Так что тревожиться нет нужды.

Харуюки пытался успокоить себя этими словами. Однако потное ощущение, бегущее по круглым рукам его аватара, совершенно не желало уходить.

Нет… еще не все. Что-то я проглядел.

Что если… что если какой-нибудь Бёрст-линкер узнает, что Блэк Лотус, человек, за голову которого назначена самая большая награда в ускоренном мире, получил серьезные травмы и лежит в больнице, и даже узнает, в какой именно?

Харуюки усиленно пытался думать, что «такого человека просто не может быть», а потом внезапно содрогнулся и распахнул глаза.

Есть такой человек. Всего один человек, враг. Сиан Пайл.

Таинственный враг, истинное лицо которого можно узнать, только проследив за вирусом в нейролинкере Тиюри. Сейчас единственное, что можно сказать, – это что он из средней школы Умесато.

А об аварии, в которую попала Черноснежка, в школе уже знают. То, что Арая, как только его выпустили под залог, тут же сбил Черноснежку машиной, которой управлял без прав, – это же просто бомба, а не новость. Сейчас это наверняка главная тема сплетен учеников школы Умесато.

Название больницы, в которую ее положили, наверняка им еще не известно. Если бы ее фан-клуб и почитательницы из числа первоклашек узнали, где она лежит, давно бы уже набежали сюда толпой.

Но – учителя уже должны знать. А значит, и ученики узнают, это лишь вопрос времени. Если сюда с самыми добрыми намерениями явится орава учеников, то Сиан Пайл с легкостью может там затесаться, и найти его будет очень трудно.

Это было… неизбежно.

Харуюки уныло опустил плечи и сел рядом с синим застывшим собой.

Прямо сейчас Черноснежка отчаянно сражается за свою жизнь. Совершенно очевидно, что сражаться еще и в дуэли она просто не сможет.

Хорошо, что вызвать на дуэль одного и того же противника можно только раз в день. Пока Черноснежка не восстановится, она может позволить себе проиграть раз-другой и потерять немного очков…

Нет – я идиот!!! Что тогда сказала Черноснежка?!

Харуюки сжал кулаки и вскочил.

Последняя команда, которую она использовала, чтобы спасти Харуюки, «Физикл фулл бёрст».

Платой за пользование этой немыслимой способностью, ускоряющей не только мысли, но и само тело, была потеря 99% Бёрст-пойнтов.

Скорее всего, если Черноснежка, у которой Бёрст-пойнтов сейчас очень мало, хоть раз проиграет низкоуровневому Сиан Пайлу, ее очки сразу упадут в ноль.

И тут же ее «Brain Burst» принудительно деинсталлируется.

Для нее… для Черноснежки, отчаянно стремящейся к десятому уровню, это будет почти равносильно смерти.

Не могу позволить, чтобы это случилось. Ни за что не допущу, чтобы это случилось. Я не могу допустить, чтобы Сиан Пайл даже один раз сразился с Черноснежкой.

Черноснежка рисковала жизнью, чтобы меня спасти.

И на этот раз я спасу ее. Ее вторую половину.

С этого момента я буду следить за входом в больницу, ни на секундочку не засну. Я буду ускоряться всякий раз, когда здесь появится ученик из Умесато, даже если это будет стоить мне всех моих очков; и когда я найду Сиан Пайла, я его вызову на дуэль.

А потом – я его сделаю. Я измолочу этого типа, у которого тоже мало Бёрст-пойнтов, и вышвырну его из ускоренного мира навсегда.

– Я защищу тебя. Я обязательно защищу тебя, – громко заявил Харуюки, стоя в одиночестве в синем мире.

– Потому что… я… я должен тебе сказать кое-что. Когда мы снова встретимся. Поэтому на этот раз я буду сражаться.

Повернув голову в сторону Черноснежки, от которой его отделяла синяя стена, Харуюки твердым голосом произнес эти слова.

Отдав команду «Бёрст аут!» и вернувшись в реальность, Харуюки обхватил руками колени и уселся на скамью боком. Завернувшись в одеяло, он сосредоточенно уставился на больничный вход, который был слева по коридору.

В больницу вели и другие входы, но зарегистрировать свой нейролинкер, чтобы подсоединиться к больничной сети, можно было только здесь. Так что Сиан Пайл придет сюда, никуда не денется.

Было уже пол-одиннадцатого.

Шансов, что враг появится именно сейчас, когда время для посещений давно прошло, был мал, но не следовало забывать, что враг тоже загнан в угол. Если он хочет атаковать Черноснежку, пока она без сознания, он наверняка нападет сразу же, как только узнает, в какой она больнице.

Харуюки выставил в настройках нейролинкера самую

высокую громкость будильника. Теперь, если он начнет засыпать, будильник заорет так, что и мертвого разбудит.

Никогда раньше Харуюки не оставался на ногах в столь поздний час.

Однако его вовсе не одолевала скука, тем более сонливость. Большую часть времени он смотрел на тускло освещенный больничный вход и время от времени кидал взгляд на уменьшенное окно с видео из реанимации.

Белая фигурка Черноснежки в капсуле на кровати лежала абсолютно неподвижно, но Харуюки чувствовал, что там идет жестокая битва.

Старайся. Изо всех сил старайся.

Всякий раз, кидая взгляд на окно с видео, он безмолвно молил Черноснежку. Их двоих связывали нейролинкеры, больничная сеть – и еще программа «Brain Burst». Вот почему его мольбы обязательно будут услышаны. В это Харуюки верил абсолютно твердо.

Около двух ночи обеспокоенная медсестра пришла посмотреть, как у Харуюки дела, и принесла кофе в бумажном стаканчике. От молока и сахара он отказался; черный кофе, который он пил впервые в жизни, был таким горьким, что язык защипало.

В пять утра снаружи начало светлеть. Чуть поколебавшись, Харуюки быстренько сбегал в туалет и тут же вернулся обратно; никогда он еще не проводил в туалете так мало времени.

Шесть утра. По коридору ходило все больше сотрудников больницы. Харуюки сосредоточился еще сильнее.

Семь утра. Ночная смена, закончив работу, начала расходиться по домам. Та же медсестра принесла еще один стаканчик кофе и сэндвич, после чего ушла, сказав на прощание теплые слова.

8.30 –

В регистратуре прошла пересменка, и автоматическая дверь главного входа больницы открылась.

Словно дожидаясь этого момента, вошло сразу несколько человек – в основном пожилые пациенты.

Чувствуя прилив бодрости, Харуюки раскрыл глаза на всю ширину и уставился на входящих пациентов.

Можно говорить, что он уже полгода как поступил в среднюю школу Умесато, что школа маленькая, всего по три параллели на класс, – все равно он, естественно, не помнил лица всех учеников. Поэтому всякий раз, когда он видел молодое лицо, в котором сомневался, он без колебаний ускорялся и проверял дуэльный

список.

Харуюки продолжал наблюдать с полной сосредоточенностью, а цифры на часах в углу его поля зрения сменялись медленно-медленно, будто издеваясь.

35 минут. 40 минут.

Черноснежка еще не выбралась из своего тяжелого состояния. Из двенадцати часов, про которые говорил врач, прошло уже больше десяти.

Пожалуйста, приди в себя скорее. И отключи монитор мозговой активности, отчаянно молил Харуюки. *Еще раз – еще раз бы побыть с ней наедине в ускоренном мире, только я и она.*

И тогда я скажу. Выскажу свои чувства. Буду говорить честно, от всего сердца.

8.45.

Наконец Харуюки увидел знакомое лицо – впервые за все то время, что он напряженно наблюдал за входом.

На мгновение у него перехватило дыхание – а потом он облегченно выдохнул.

Это было не просто знакомое лицо. Это было одно из двух лиц, которые он видел дольше всех в этом мире.

Высокий, стройный парень с хорошей осанкой, во взрослой велюровой курточке и твиловых брюках. Его волосы в утреннем свете сияли прозрачно-коричнево.

Значит, он пришел…

Харуюки чуть расслабил напряженные плечи и улыбнулся.

– Эй, Таку! Я здесь!

Слишком громкий выкрик Харуюки разнесся по коридору, и Такуму – Такуму Маюдзуми – резко остановился на полушаге.

Похоже, Харуюки он еще не заметил. Он повернул голову сперва в сторону входа, потом в коридор, ведущий к палате реанимации.

Такуму встретился глазами с Харуюки, вставшим со скамьи и машущим рукой, и –

Чуть наклонил голову и несколько раз моргнул.

А потом улыбнулся своей обычной жизнерадостной улыбкой.

Быстро поднял правую руку в темно-синем рукаве куртки и постучал пальцем по синему нейролинкеру.

«Погоди, пока я не зарегистрировался в больничной сети» – так Харуюки понял его жест и улыбнулся.

Что за педантичный парень. Как всегда.

Независимо от того, зачем человек приходит в больницу – для обследования или навестить пациента, – согласно национальному законодательству он должен зарегистрировать свой нейролинкер в больничной сети, когда входит в здание, а

потом показать документы в регистратуре и получить бейджик посетителя.

Однако регистрация в сети длится полминуты, и в течение этого времени не обязательно стоять на месте – можно уже идти дальше. Вообще-то сам Харуюки вчера вечером ни на секунду не остановился, пока не добрался до входа в операционную, так что его регистрация завершилась уже после того, как Черноснежка скрылась за дверью.

Но Такуму, судя по всему, не собирался нарушать правила даже в такой мелочи. Он глядел на раздосадованного Харуюки и, стоя у входа, дожидался сообщения о завершении процедуры регистрации.

Потом, как будто вдруг заметив что-то, Такуму повернулся вбок.

Устремив взгляд в сторону автоматической двери, он поднес ко рту левую руку, словно громко зовя кого-то.

Харуюки подумал что, может, Тиюри тоже пришла, и попытался разобрать, что происходит по ту сторону входной двери.

За мгновение до того, как его взгляд ушел с фигуры Такуму, его охватило едва заметное беспокойство.

Такуму, такой весь из себя примерный (в отличие от Харуюки), кричит в помещении больницы?

Он руку не в качестве рупора использует, а как будто… да, рот. И слова, которые он произносит.

Выглядело так, будто он пытается эти слова скрыть.

Беспокойство усилилось, вызвав дрожь. Ледяная игла вонзилась Харуюки в спинной мозг.

Он стоял прямо, выпучив глаза, и несколько мыслей одновременно проносились у него в голове.

Я… почему я вообще решил, что этот тип, Сиан Пайл, учится в школе Умесато?

Разумеется, потому что он поместил вирус в нейролинкер Тиюри. Используя Тиюри как ступеньку, он атакует Черноснежку, как призрак, откуда-то из школьной сети.

Но. Что если он поместил этот бэкдор, чтобы добираться до нейролинкера из Глобальной сети? В таком случае под подозрением окажутся не только ученики средней школы Умесато, но вообще вся страна.

Однако при этом появляется новый фильтр, позволяющий сузить круг подозреваемых.

Почему Тиюри? Разумеется, потому что она была для него легкой мишенью.

Кто-то вне школы, кто очень близок к Тиюри. Настолько

близок, что может входить с ней в Прямое соединение. Есть лишь один человек, который подходит. И этот человек прямо сейчас стоит в двадцати метрах от меня –

Когда мысли Харуюки дошли до этого места, его губы двинулись автоматически.

– Бёрст линк!!!

…Этот человек – старый друг Тиюри и ее парень. Такуму.

БАММ!!!

Мир холодно замер.

Стоящий впереди с рукой возле рта Такуму тоже застыл и стал весь синий.

Но на самом-то деле он не застыл. Там, за ладонью, Такуму произносил ту же команду. Его сознание тоже ускорилось в том застывшем уголке пространства.

Ты? Это был ты? Нет. Не может быть. Почему. Почему?

Такие беспорядочные мысли метались в голове Харуюки, но это не помешало правой руке его аватара с быстротой молнии метнуться наверх его виртуального рабочего стола.

Прямо сейчас Такуму делает то же самое. Активирует консоль «Brain Burst», ждет, пока обновится дуэльный список. А потом, словно трогая упавший плод, он прикоснется к имени «Блэк Лотус» и вызовет Черноснежку на дуэль.

Харуюки должен вызвать Сиан Пайла до того, как это произойдет.

Стиснув зубы, Харуюки во все глаза смотрел на индикатор поиска поверх дуэльного списка.

С тихим бипом на самом верху появилось его собственное имя. «Сильвер Кроу».

Затем – имя любимой, которую он обязан защищать. «Блэк Лотус».

И наконец – впервые за все время перед глазами Харуюки цепочкой красных букв появилось имя врага, которого он во что бы то ни стало должен победить. «Сиан Пайл».

Успеееееть!!!

Всем телом и душой посылая этот вопль, Харуюки на сверхзвуковой скорости кликнул по имени, а потом по команде «Дуэль» в появившемся окне.

Глава 8

Хрусь-хрусь-хрусь-хрусь!!!

Странная дрожь прошла по миру – будто множество кусочков железа терлись друг о друга.

Свежий утренний свет, вливающийся через вход, сменился устрашающе желтым.

Пол и стены покрылись какой-то *животной* слизью, под которой виднелся мятый, ржавый металл. Колонны, поддерживающие потолок, изогнулись, на них появились сочленения, как на брюшке насекомого; на потолке возникло множество выпуклостей, напоминающих глаза.

Всего несколько секунд потребовалось, чтобы чистая современная больница вся покрылась органическо-металлической грязью, точно в ночном кошмаре автора, пишущего в жанре киберпанк.

Харуюки стоял не дыша; его тело от кончиков конечностей к туловищу начало покрываться серебряной броней, одновременно руки-ноги стали вытягиваться и утончаться.

Ягодицы, живот, грудь – в общем, все туловище тоже стало серебряным; наконец и вокруг головы сформировался круглый шлем.

Одновременно с тем, как аватар Харуюки превращался из поросенка в Сильвер Кроу, вверху его поля зрения со скрипом развернулись две полосы хит-пойнтов.

Между ними появилось число 1800.

И наконец посреди поля зрения вспыхнуло ревущее пламя. В огне возникли багровые буквы надписи «В БОЙ!!!» и тут же с грохотом рассыпались.

Кинув быстрый взгляд на начавшийся обратный отсчет и облегченно выдохнув с мыслью «ффуф, успел», Харуюки посмотрел затем в конец коридора – туда, где был Такуму.

Точно в том самом месте стоял, повернувшись боком, дуэльный аватар неожиданной внешности.

Это… и есть Такуму?! Сиан Пайл?!

Ошеломленный Харуюки машинально сделал полшага назад.

Громадный… нет, он был не такой уж высокий. Он был всего на пять сантиметров выше Такуму, рост которого в первом классе средней школы составлял 175 сантиметров; но все равно Сильвер Кроу, в котором было всего-то 155, не больше, вынужден был смотреть на него снизу вверх.

Однако тело Сиан Пайла оказалось невероятно широким –

вот что потрясало.

Не толстым, нет. Конечности и торс бугрились мышцами, как у профессионального рестлера. И все это было обтянуто металлически-синим доспехом.

Здоровенные темно-синие ботинки, такого же цвета громадная перчатка на левой руке.

Вообще он смахивал на мачо из каких-нибудь американских комиксов. Полная противоположность стройного, даже худого Такуму.

Пока Харуюки неподвижно стоял, пытаясь избавиться от шока –

Сиан Пайл медленно повернулся влево и уставился на него.

Голова Сиан Пайла была скрыта стильным каплевидным шлемом. На забрале виднелось несколько длинных и узких щелей, средняя часть которых была обращена вниз. Внешне все это напоминало маску для кендо.

В одной из щелей вдруг ярко вспыхнули два синевато-белых глаза. Аватар медленно поднял левую ногу и тяжело топнул. С чавкающим звуком устилающая пол слизь расплескалась во все стороны.

Еще раз Сиан Пайл топнул левой ногой, и лишь тут взгляд Харуюки прилип к правой руке Сиан Пайла. *Что… что это?!*

На правой руке была вовсе не перчатка. От локтя и ниже вместо руки шла здоровенная трубка.

Толщиной трубка была сантиметров пятнадцать, длиной около метра. На конце ее было отверстие, из которого высовывался острый стержень, испускающий опасный блеск.

Судя по цвету брони, обволакивающей все тело Сиан Пайла,

его специализация – «синий, ближний бой». Более того – по словам Черноснежки, он был чертовски близок к идеальному синему. Стало быть, этот острый стержень не может быть метательным оружием.

Но, хоть Харуюки и пришел к такому выводу, он не смог удержаться и сделал шаг назад.

Словно пытая стоящего столбом худощавого Сильвер Кроу, Сиан Пайл медленно шагнул по органическому коридору раз, потом еще. И вдруг остановился.

Маска с параллельными щелями повернулась, оглядывая окружение.

Потом из-под нее донесся голос – мрачно-искаженный, но все равно узнаваемый, столько лет слышимый голос Такуму, лучшего друга Харуюки.

– Хмм, арена «Чистилище». Давненько я ее не видел. Какие там у нее свойства?

Услышав эту беззаботную речь, Харуюки невольно раскрыл рот.

– Та… Таку…

СУГЯАААА!!!

Резкий взмах правой руки – и стальной стержень Сиан Пайла впился в металлическую стену коридора, проделав уродливую брешь. На пол посыпались и потекли обрывки металла, слизь и какие-то непонятные раздавленные жуки.

Харуюки проглотил слова и лишь икнул, съежившись в страхе.

Кинув быстрый взгляд на его реакцию, Сиан Пайл продолжил тем же непринужденным тоном:

– Твердая, как я и думал. Разрушать эту арену будет трудновато.

Бумм. Он снова зашагал вперед, его здоровенная синяя фигура росла перед глазами Харуюки, словно нависая над ним.

– Хару… Хару. Как всегда, ты потрясающе быстро управляешься с виртуальным рабочим столом. Мне оставалось всего лишь нажать кнопку «Дуэль», но ты успел-таки влезть.

– Та… куму…

…Значит, это правда ты. Почему? Когда?

Когда, черт побери, ты успел стать Бёрст-линкером?

Прежде чем Харуюки успел озвучить вопросы, переполняющие ему грудь, Сиан Пайл произнес:

– Подумать только, ты стал Бёрст-линкером… я просто в шоке. Вчера я не смог полностью сохранить спокойствие, как рассчитывал. Никогда бы не подумал, что мой лучший друг меня предаст, а, Хару?

– Та… куму… н… нет, все не так. Это…

Слова, хрипло выдавливаемые Харуюки, потонули в грохоте стального стержня, вновь ударившегося о стену.

– …Тебе понравилось, Хару? Тебе понравилось подсоединяться к Ти-тян у нее на кровати? Понравилось обниматься с ней? Понравилось прикасаться к телу Ти-тян, думая при этом обо мне?

Это не Такуму! – лишь мысленно выкрикнул Харуюки.

Это не тот Таку, которого я знаю. Таку не стал бы говорить таких вещей. Он всегда бодрый и веселый, он никогда не выказывает раздражения – вот настоящий Такуму.

Сиан Пайл – кто-то другой. Ну конечно – он заразил бэкдором и нейролинкер Такуму тоже и подсоединяется откуда-то издалека.

Харуюки отчаянно пытался убедить себя в этом.

Но в то же время он вспомнил то присутствие, которое тогда ощутил…

Харуюки был уверен, что чужое присутствие, которое он ощутил там, в Прямом соединении с Тиюри, когда обнаружил вирус в ее нейролинкере, – присутствие кого-то, кто затаился в глубине, всматриваясь и вслушиваясь, – было точно таким же, как то, что сейчас исходило от синего дуэльного аватара, стоящего перед ним.

И, быть может, оно же было в беглых взглядах, которые Такуму кидал на играющих Харуюки и Тиюри уже давно – с тех самых времен, когда все трое были еще совсем детьми.

– Таку… значит, это ты.

Слова, вырвавшиеся из-под серебряного шлема Харуюки, прозвучали так сильно и остро, что он сам удивился.

– Это ты заразил вирусом нейролинкер Тию. Ты втихаря подключался к Тию, заглядывал в ее память, подглядывал и подслушивал в свое удовольствие!

– Только не надо называть это вирусом.

Остановившись в пяти метрах от Харуюки, громадный аватар изящно взмахнул левой рукой – это изящество было единственным, что выдавало в нем Такуму.

– Ти-тян – моя девушка. Так что наши с ней Прямые соединения – это вполне естественно. А согласиться на Прямое соединение – то же самое, что отдать свой нейролинкер партнеру. Обходить парольную защиту, заглядывать в глубочайшие уголки памяти, просматривать любые файлы, устанавливать любые программы – это все можно. Или я неправ? Хару, ведь ты тоже…

Харуюки почувствовал, хоть и не видел этого, что лицо под щелями, пересекающими маску Сиан Пайла, искажено злобной усмешкой.

– Ведь ты тоже подсоединился к Ти-тян и заглядывал в ее память, да? А ты ведь даже не ее парень. Это ты воспользовался добротой Ти-тян и притворился, что тебя надо жалеть, не так ли?

– Это… это…

– Ты всегда такой был, Хару.

Сиан Пайл продолжал говорить спокойным голосом, когда большой металлический жук необычной формы попытался проскочить мимо него по стене.

Сиан Пайл небрежным движением поднял правую руку и гигантской иглой проткнул панцирь насекомого. Отчаянно пища, жук замахал своими многочисленными ногами в попытке высвободиться.

– Всегда, всегда, уже много лет ты говоришь Ти-тян: «Разве я не жалкий? Разве я не никчемный? Так что будь добра со мной. Заботься обо мне больше». Даже если ты не говоришь это словами – твое поведение, твои глаза… нет, правильнее сказать – само твое существование.

С мокрым хлюпающим звуком игла погрузилась в жука глубже. Разлетелись зеленые брызги; виртуальное насекомое забилось еще отчаяннее.

– Девушки – непонятные существа. Ти-тян, похоже, приятнее не держаться за руки со мной, а тащить за руку тебя и при этом ворчать и жаловаться. Всегда, все эти годы она куда веселее, когда приглядывает за тобой и сует нос в твои дела… Скажи, ты знал? Что всякий раз, когда она куда-то идет, она таскает с собой громадный платок. Чтобы тебе пот утирать.

ХРЯССЬ!!!

С кошмарным треском жук лопнул; темно-зеленые обломки его панциря, ноги и слизь разлетелись во все стороны.

Глядя, как с иглы стекают жучиные внутренности, ошеломленный Харуюки спросил Сиан Пайла:

– Так ты поэтому?.. Ты поэтому признался Тию два года назад? Как будто торопился?..

– Не «как будто». Я действительно торопился. Если бы все так и продолжалось, Ти-тян до конца своих дней пыталась бы за тобой присматривать, ты в курсе? Как в какой-нибудь древней манге, которой у тебя тонна. «Раз без меня ты ни на что не годен, я выйду за тебя». …О, или ты так и планировал насчет Ти-тян? Ха-ха-ха-ха!

Смех Сиан Пайла звучал приятно, но был в нем какой-то искаженный отзвук, заставляющий содрогнуться.

Нет. Не так все –

Такуму, ты ошибаешься. Тиюри вовсе не получала удовольствие, присматривая за никчемным мной. Она

действительно беспокоилась и страдала.

Но Харуюки не знал, как облечь эти мысли в слова, как донести их до Такуму. Потому что, если смотреть поверхностно, то, что сказал Такуму, было истинно в какой-то степени.

Сиан Пайл сделал еще шаг навстречу стоящему столбом Харуюки.

– Два года назад, когда Ти-тян выбрала меня, я был так рад. Я подумал, что Ти-тян тоже наконец поняла. Что куда лучше радоваться жизни рядом со мной, чем вечно страдать, приглядывая за Хару. В конце концов… это было прагматичное решение.

– Прагма… тичное?

– «Мы же не можем всю жизнь оставаться, как в начальной школе», да?

Эти слова Харуюки сказал Тиюри совсем недавно. Сиан Пайл приподнял измазанный зеленью кончик металлического стержня, будто спрашивая, согласен ли Харуюки.

– Ти-тян тоже девочка… нет, женщина. В конце концов она поняла: встречаться с парнем, которым можно хвастаться перед подружками, счастливо выйти замуж, потом достойно жить – вот в чем настоящее «счастье». Поэтому и я старался изо всех сил. Я много учился, чтобы попасть в мою нынешнюю школу, я бегал каждый день, чтобы тренировать тело. А ты в это время играл в бесполезные игры и дрых, Хару.

– Ты… ты это серьезно?

Это вырвалось у Харуюки почти рефлекторно; он по-прежнему не мог собрать вместе свои мысли.

– Ты серьезно веришь, что Тиюри выбрала тебя из такого вот расчета?!

– Мне не нравится, когда ты называешь это «расчетом». Это объективный взгляд на вещи. Ху-ху-ху, – вновь рассмеялся Сиан Пайл. – Ти-тян имеет право быть счастливой. Она имеет право встречаться со мной, лучшим среди всех первоклассников в школе и победителем чемпионата города по кендо.

– …

Харуюки резко втянул воздух.

Я так и думал – это не Такуму.

Я не верю, я не хочу верить, что это и есть истинная натура Такуму. Что-то извратило его.

Конечно, и на Харуюки, и на Тиюри лежала часть вины. Тиюри, встречаясь с Такуму, продолжала хранить чувства к Харуюки. Это тоже помогло загнать Такуму в угол.

Но – куда сильнее, скорее всего, изменило Такуму другое.

– …Ты ошибаешься, Таку.

Харуюки поднял серебряную маску и уставился прямо в горящие глаза Сиан Пайла.

– Первое место, чемпионат – все это не твоя сила. Это сила «Брэйн Бёрста»… сила «ускорения». Когда? Когда ты стал Бёрст-линкером?

Молчание залило арену «Чистилище».

Стайка жуков проползла у них под ногами; время от времени в стенах открывались отверстия, будто ноздри живого существа, и из них выходили струйки пара.

Начавшись с 1800, счетчик времени отмерил уже 200 секунд. Когда цифра сотен сменилась на «5», Сиан Пайл наконец ответил.

– Это моя сила.

Он указал иглой правой руки на Харуюки.

– «Ускорение» – моя сила. Это моя сила, я создал ее, с детства тренируя свой ум интеллектуальными программами в нейролинкере до такой степени, что почти ненавидел их! Я стал Бёрст-линкером всего год назад. Капитан моего клуба кендо – мой Родитель… и он близок к Синему королю. Он многого ожидал от меня. Я стал кандидатом в элитные бойцы, но…

ГАГЯАААААН!!!

Он махнул правой рукой, оставив шрам на стене.

– Слишком поздно!!! Ты ведь только недавно стал Бёрст-линкером, да? И ты сразу считаешь, что ты со мной на равных, да, Хару?! Теперь ты уверен в силе своего «ускорения» и думаешь, что сможешь снова забрать себе Ти-тян?! Ничего не выйдет, Хару. Тебе не победить меня. В учебе, в спорте, в чувствах Ти-тян… и, уж конечно, здесь, в ускоренном мире. Я заставлю тебя понять. Ты поймешь мою силу… против твоего чахлого дуэльного аватара.

Глаза Сиан Пайла вспыхнули убийственным огнем.

Он серьезен. Такуму серьезно настроен драться.

Внутри Харуюки все еще теплилась надежда: «Если я выплесну на него все слова, он поймет. Я хочу объяснить чувства Тиюри и мои тоже. Я не хочу сражаться с ним».

Но если Харуюки сейчас проиграет –

Сиан Пайл вызовет на дуэль Блэк Лотус. И нападет, пока она без сознания. Черноснежка тут же потеряет все очки и лишится способности к ускорению.

Только не это. Что бы ни случилось, он должен это предотвратить.

– …Таку. Ты правда классный. Ты можешь учиться, заниматься спортом, ты такой клевый. У тебя есть все, чего нет у меня, – промямлил Харуюки, глядя в пол.

Но тут же он поднял голову и, глядя Сиан Пайлу в глаза, выкрикнул:

– Но ты идиот. Самый большой в мире идиот!

– …Что? Это я идиот?

– Да, ты – потому что ты не можешь меня победить! Или ты забыл? За все это время – сколько было игр, в которые ты у меня выигрывал?

– …Хару, Хару, – в голосе врага прозвучал смешок, но тут же Сиан Пайл яростно воскликнул: – Ну, значит, здесь и сейчас… ты лишишься остатков своей гордости!!!

Бумм!!! Сиан Пайл оттолкнулся от пола и прыгнул вперед.

Оставшиеся между ними два метра он покрыл со скоростью, какой трудно было бы ожидать от такого здоровенного тела.

Но, как Харуюки и думал, по сравнению с мотоциклом Эш Роллера это было медленно.

Я проскочу мимо него. А потом побегу куда-нибудь, где места больше. В холл… нет, на крышу.

Харуюки сосредоточил все внимание на правой руке Сиан Пайла. Враг специализируется в ближнем бою, значит, пока Харуюки вне досягаемости этой иглы, урона он не получит.

Сиан Пайл отвел руку, готовясь нанести удар; увидев это, Харуюки тоже побежал, стремясь обогнуть его с другой стороны.

Скорость Сильвер Кроу, практически единственная его сильная сторона, похоже, стала для противника неожиданностью. С намеком на удивление правая рука прочертила дугу и нацелилась в Харуюки.

…Я увернусь!!!

Предугадав траекторию атаки, он чуть подсел и метнулся вперед, пытаясь прорваться мимо левой ноги Сиан Пайла.

ГШШШ!!!

В это самое мгновение раздался неожиданный звук.

Уголком глаза Харуюки увидел, как струя пламени вырвалась из заднего конца широкой трубки, прикрепленной к правому локтю Сиан Пайла.

Из переднего края вперед метнулась толстая блестящая игла – с такой скоростью, за которой он никак не мог уследить.

Это было не огнестрельное оружие, а, похоже, просто штуковина, которая могла удваивать свою длину, но и этого хватило, чтобы достать Сильвер Кроу.

ДЗЯК!!! Неприятный звук чего-то ломающегося распространился по всему телу Харуюки.

В то же мгновение – удар. И тупая, ноющая боль.

Харуюки увидел, как кончик стальной иглы проткнул его левый локоть и оторвал руку.

Харуюки запоздало вспомнил, что «пайл» может означать и «пику».

Рука упала на пол, испуская искры в месте отлома, после чего рассыпалась на тысячи мелких фрагментов и исчезла.

Полоса хит-пойнтов в верхнем левом углу поля зрения резко просела, сразу на 30% – от одной-единственной атаки.

Однако Харуюки было некогда сожалеть, что в самом начале боя он получил такой удар. Потеряв равновесие, громко ударившись спиной о стену коридора и упав, он увидел, что вытянувшаяся вперед брутальная стальная игла – нет, стальная пика – уходит обратно в правую руку Сиан Пайла.

Очевидно было, что, как только пика зарядится в трубку, она выстрелится вновь.

Атака эта, скорее всего, наносит «колющий урон».

Будучи металликом, Сильвер Кроу должен иметь хорошую сопротивляемость колющему урону. Почему же, несмотря на это, он от одного удара лишился руки – из-за неудачного места попадания, из-за разницы в три уровня, или же просто такова была сила Сиан Пайла?

Пока эти мысли мелькали у него в голове, Харуюки вскочил на ноги и отпрыгнул, чтобы создать дистанцию.

Потом, не оглядываясь, он на полной скорости помчался в холл.

– Ха-ха-ха! Что, собираешься сбежать, Хару?!

Влетев в холл, будто подгоняемый искаженным хохотом, доносящимся сзади, Харуюки быстро огляделся.

Длинные скамьи для ожидающих, выстроившиеся рядами, превратились в нечто железное с торчащими во все стороны шипами – просто какие-то средневековые пыточные орудия; вокруг стойки регистратуры справа обвилась ржавая колючая проволока. Людей, естественно, не было.

А позади стойки Харуюки увидел то, что искал. Двери лифтов.

На арене «Конец века» входить в здания запрещено, так что, естественно, и работающих лифтов там нет, но, раз на арене «Чистилище» интерьеры зданий воссозданы с такой детализацией, лифты вполне могут функционировать.

Подбежав к лифту и молясь в душе, Харуюки нажал кнопку в форме черепа рядом с дверью, ставшей железной и очень злобной на вид. И вот – с веским металлическим стуком и лязгом створки раздвинулись в стороны. *Отлично!* Он сжал правую руку в кулак.

Сзади приближался тяжелый топот Сиан Пайла.

Нырнув в кабину лифта, смахивающую больше на тюремную камеру, Харуюки стукнул кулаком по кнопке «К». *Быстрее, давай быстрее.*

В то же мгновение, когда двери убийственно медленно

наконец-то закрылись, что-то с грохотом врезалось в них снаружи. Через оставшийся между створками пятисантиметровый промежуток просунулся сверкающий кончик иглы.

– !!!

С трудом удержавшись от вскрика, Харуюки отпрыгнул назад и прижался спиной к стене.

ГШШШ!!!

Стальная пика, слегка погнув створки, метнулась вперед и остановилась в считанных сантиметрах от тощего живота Харуюки.

Потом жестоко сверкающая штуковина оттянулась назад – и тут же кабина лифта содрогнулась и с лязгом поползла вверх.

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!

Этот воющий смех продолжал липнуть к ногам; Харуюки топнул правой ногой и оторвал его.

Выбравшись на крышу, Харуюки судорожно вздохнул и огляделся.

– …

Его глаза округлились.

Небо арены «Чистилище» было залито гнетущим желтоватым светом, плывущие в нем темные облака напоминали каких-то живых тварей. Окружающие улицы, прототипы которых составляли центр Сугинами-ку, все отблескивали влажным темно-ржавым цветом, словно кровеносные сосуды громадного монстра.

Вдали виднелась группа башен, торчащих вверх, как копья, – похоже, здание правительства Токио и окружающие его небоскребы.

Какие же размеры у этой арены? Едва Харуюки так подумал, как у него перехватило дыхание.

Здесь были люди.

Нет, эти силуэты слишком странные, чтобы их можно было назвать людьми. Собравшись небольшими компаниями на крышах окрестных домов, более высоких, чем больница, они смотрели на Харуюки сверху вниз. Незнакомые Бёрст-линкеры – зрители.

Откуда?! Но после кратковременного замешательства Харуюки понял.

Сам Харуюки сейчас не был подключен к Глобальной сети, но другой участник дуэли, Такуму, видимо, был. Непонятно, почему он пошел на риск возможного вмешательства со стороны, но, как бы там ни было, арена оказалась открыта, и в результате здесь появились все Бёрст-линкеры, зарегистрировавшие Сиан Пайла и Сильвер Кроу в своих «зрительских списках».

Впрочем, наличие зрителей не очень-то меняло ситуацию.

Голубой треугольник курсора, слегка подрагивая, начал медленно менять направление; это означало, что Сиан Пайл тоже вошел в лифт и поднимается на крышу.

Отойдя по просторной крыше в сторону метров на десять, Харуюки повернулся к лифту лицом. Здесь, в отличие от коридора, можно было уворачиваться сколько душе угодно.

Я уже собственным телом определил пределы досягаемости пики Сиан Пайла. Если я буду осторожен, если буду следить за его правой рукой, я смогу каждый раз уклоняться. Только не бояться. Я должен справиться.

Харуюки продолжал говорить себе это, когда кабина лифта с лязгом остановилась и створки медленно раздвинулись.

Здоровенная туша Сиан Пайла, с трудом умещавшаяся в тесной коробочке, выбралась на крышу, и глаза в щели тускло блеснули.

– …Понятно. Здесь ты сможешь носиться взад-вперед, бить и отскакивать, Хару… нет, Сильвер Кроу.

– Ага, и тебе с твоим телосложением внизу наверняка слишком жарко.

– А-ха-ха, подумать только, что это я услышу именно от тебя.

Рассмеявшись горловым смехом, Сиан Пайл медленно двинулся вперед.

Харуюки чуть подсел, оценивая глазами расстояние между ними.

Сиан Пайл еще не видел истинную скорость Сильвер Кроу. В этом был единственный шанс на победу. Прежде чем Сиан Пайл приспособится, надо вырвать у него эту победу – любой ценой.

Тяжелый ботинок сделал четвертый шаг и уже готов был опуститься на землю, когда Харуюки со всех ног понесся вперед.

Воздух свистел у него в ушах; синяя громадина оказалась рядом мгновенно.

Правая рука Сиан Пайла неотрывно следила за приближающимся по прямой Харуюки.

…Сейчас!!!

Внезапно Харуюки с силой толкнулся левой ногой и прыгнул вправо. И тут же стальная пика с воем рванулась вперед на сверхскорости. Среагировать на нее, увидев, как она вылетает, практически невозможно, но если предсказать ее траекторию заранее – другое дело!

Наконечник пики остановился, чуть-чуть не достав до левой щеки Харуюки, метнувшегося по дуге к левому боку Сиан Пайла. Чувствуя жар на щеке, Харуюки что было силы оттолкнулся от крыши правой ногой и –

– Уу… раааааа!!!

Правый кулак Харуюки воткнулся в беззащитный бок Сиан Пайла. Мощная отдача. Громадное тело содрогнулось.

Еще – не останавливаться!

Сиан Пайл крутанулся на месте, но Харуюки успел забежать ему за спину; на этот раз он нанес боковой удар правой ногой по левой икре врага. Сиан Пайл потерял равновесие, и Харуюки добавил левым коленом в спину.

БАММ!!! Тяжелый грохот удара – и враг согнулся буквой «Г».

Шатаясь, Сиан Пайл чуть отошел и простонал с ненавистью в голосе:

– Гха… этого… можно было ожидать, ты правда крут в играх, Хару. Но… такие слабые атаки мне… пофиг!!!

Левый кулак Сиан Пайла со свистом рассек воздух; едва увернувшись, Харуюки крутанулся всем телом и использовал инерцию этого движения, чтобы ударить правой пяткой Сиан Пайла в незащищенную шею.

– Гуууу!!!

Не слушая вопли Такуму, Харуюки продолжил развивать атаку.

Он наносил удар за ударом без перерыва; он бил не только ногами и правой рукой, но даже обрубком левой.

Он и не заметил, как сам принялся орать тоже.

– Ты… идиот!!! Большой, здоровенный кретин!!! Тию!!! Тию вовсе не хотела, чтобы ты был лучшим среди первоклашек, чемпионом города и всем таким прочим!!!

Нанеся в прыжке удар ногой, Харуюки тут же схватил Сиан Пайла за шлем и со всей силы боднул серебряной головой в маску.

Раздался хруст, и кусочек синей маски отвалился.

Сиан Пайл потерял равновесие и опрокинулся на спину; Харуюки уселся на него сверху и принялся методично молотить правым кулаком.

– Тию всего лишь хотела, чтобы ты оставался таким же, каким был!!! Кто, ты думаешь, заставляет ее видеть только прошлое, кто заставляет ее думать, что она хочет вернуться в добрые старый дни, – это ты, Такуму!!! Из нас всех изменился только ты!!!

Ни о чем не думая, он изрыгал эти слова с жестокой яростью.

Но, пока он кричал, глаза Сиан Пайла в похожих на расселины щелях маски горели ледяным огнем.

– А ну… не…

Внезапно Сиан Пайл рывком скрестил свои толстые руки на груди, будто защищаясь.

Харуюки не сразу сообразил, что это было вовсе не защитное

движение.

– Не зазнавайсяаааа!!!

С этим выкриком Сиан Пайл раскинул руки в стороны, и острые концы более чем десятка стержней со стуком появились на поверхности бронированных живота и груди.

Что?! Плохо – уклон –

Но ровно в тот миг, когда Харуюки собрался оттолкнуться обеими ногами и отскочить –

– «Сплэш стингееееееееер»!!![17]

До-до-до-до-до-до!!!

Раздался звук, напоминающий очередь из крупнокалиберного пулемета, и множество стержней полетело в Харуюки – в упор.

– Ккуооо!!!

Каким-то чудом ему удалось увернуться от игл, летящих в голову и середину груди. Но тут же Харуюки ощутил мощные удары в левое плечо, левый бок и правое колено; его подбросило в воздух, как кучу хлама, и он грохнулся на спину.

– Ггух… ххааа!.. – вырвался у него то ли вздох, то ли стон. Перед глазами замелькало, по всему телу разошлась тупая, тяжелая боль. Просто невероятно, что это – виртуальный урон, передающийся ему в мозг через нейролинкер.

Что, черт побери – что это сейчас было?!

Опершись о крышу правой рукой и кое-как приподнявшись, он увидел, что Сиан Пайл уже встал.

– Ку… ху, ху-ху-ху-ху-ху.

Словно какие-то винтики в нем разболтались; из-под синей маски Сиан Пайла медленно вытекали смешки.

– Ку-ху-ху-ху. Ты… довольно активно меня молотил, не так ли? Я даже был немного удивлен. Но… в конце концов, ты всего лишь мелкая надоедливая таракашка. Можно даже подумать, что ты нарочно заполнил мою полосу спецатаки.

– Спец… атаки…

Пробормотав это, Харуюки еще раз оглядел полоски в верхней части поля зрения.

Влево и вправо протянулись толстые полосы хит-пойнтов. У Сиан Пайла осталось 60%. От яростной атаки Харуюки он понес невероятный урон. Но у Харуюки, только что получившего в упор залп металлических стержней, оставалось всего 30%.

Под каждой полосой хит-пойнтов была еще одна, светло-зеленая.

У Сиан Пайла она была заполнена процентов на 70. У Харуюки – практически до краев.

– Э, э, только не говори мне, что впервые слышишь об этом, Сильвер Кроу.

Испустив очередное «ку-ку-ку», Сиан Пайл медленно двинулся вперед.

– Обмен спецатаками – это же суть дуэлей. «Сплэш стингер», с которым ты только что познакомился, – моя спецатака второго уровня. Идеальный вариант против маленьких надоедливых тараканов, правда? О, кстати говоря, твоя полоса тоже заполнилась. Пожалуйста, не стесняйся, используй ее сколько твоей душе угодно.

Харуюки заскрипел зубами.

Единственная спецатака, доступная Сильвер Кроу, удар головой, никак не может тягаться с атакой Сиан Пайла, обладающей куда большей досягаемостью. Более того, начальное движение этой атаки долгое и очевидное – все равно что самому предупредить противника «сейчас атакую».

…К черту – не нужны мне никакие спецатаки. У меня есть кулак, ноги и скорость.

Когда у него наконец перестало кружиться перед глазами, Харуюки вложил силу в правую ногу, чтобы быстро вскочить.

Но.

Он услышал страшный треск.

И звук чего-то металлического, упавшего на твердую поверхность.

В замешательстве глянув вниз, он обнаружил перед собой тонкую серебряную ногу, пробитую колом и переломившуюся в колене…

– Ах-ха, а-ха-ха-ха-ха-ха!!! – пронзительно заржал Сиан Пайл. – Нога отвалилась!!! Надо же, какая хлипкая ножка!!! И это называется металликом?!

Но его голос не достигал сознания Харуюки.

Черт. Черт!!!

Без ноги я не могу бегать. Не то что уворачиваться и бегать – я и ходить-то смогу с трудом.

Холод страха быстро расползался по животу.

Как паршиво. Я не могу проиграть. Я должен защитить семпая любой ценой.

БУМ.

Тяжелый ботинок опустился на оторванную ногу Харуюки и разбил ее, как стеклянную.

Харуюки поднял голову. Сверху вниз на него тихо смотрели два сине-белых глаза.

– …В итоге вот ты какой, Хару.

Тихий голос, почти шепот.

– И это тебе в самый раз. Однако ты ведь только что говорил мне все, что тебе хотелось? Как будто ты один понимаешь Ти-тян?

– …Уж по крайней мере я ее понимаю лучше, чем ты.

– А меня? Ты хоть когда-нибудь думал обо мне? Когда мы с Ти-тян наедине, она иногда вдруг делает такое грустное лицо… и я знаю – это из-за того, что она думает о тебе… ты думал, что я тогда чувствую, Хару?

Сделав короткую паузу и придвинув лицо ближе, Сиан Пайл – Такуму – произнес решающие слова.

– Из-за того, что ты такой.

Его тон звучал даже мягко в каком-то смысле, но эти слова пронзили грудь Харуюки, войдя куда глубже, чем стальные колья.

– Из-за того, что ты такой, мы с Ти-тян не можем идти вперед; мы как будто барахтаемся в болоте и не можем выбраться. Пропади пропадом, Хару. И освободи нас с Ти-тян.

БУМ.

На этот раз он наступил подошвой ботинка на здоровую ногу Харуюки.

Картинно выпрямившись и взметнув вверх правую руку с трубкой-пикометом, Сиан Пайл прочертил кончиком пики какую-то замысловатую фигуру. И тут же вся рука, от трубы до плеча, окуталась ярко-синим светом.

Внезапно труба загудела и стала втрое толще, чем была.

Торчащий из нее наконечник был уже не заостренным, а плоским, словно гигантский молот.

И этот молот вдруг нацелился на Харуюки, который даже помыслить не думал о том, чтобы двигаться.

– А теперь – давай закончим, Хару. Закончим все.

«Эту дуэль, нашу притворную дружбу». Глаза Сиан Пайла сказали это без слов.

И тут же конец молота засиял кошмарным светом.

– «Спирал гравити драйвер»!!![18]

ГЯАААА!!!

Молот выстрелился вперед, крутясь вокруг оси и издавая механический звук, как от вращения множества шестеренок. Харуюки отчаянно попытался уклониться, но его ногу прижимал к крыше тяжелый ботинок, и деваться ему было некуда. В следующее мгновение на него обрушилась стальная громада.

Инструментальный дуэт – высокий скрежет сминаемой серебряной брони и тяжелый бас разламываемой под ним крыши.

Не в силах даже кричать, Харуюки рухнул сквозь крышу на пол последнего этажа больницы.

Но молот не остановился, он продолжал давить на Харуюки и на пол под ним, и –

БАМ! БАМ! БАААММ!!!

Раз за разом издавая треск ломаемых перекрытий, молот

остановился наконец, когда прошил насквозь все пять этажей больницы и вмял Харуюки в пол первого этажа.

Пик. Пик.

Что-то красное мерцало в темноте в левом верхнем углу поля зрения Харуюки.

Несколько секунд ему потребовалось, чтобы осознать, что это его полоса хит-пойнтов, от которой осталось меньше 10%.

Будто сожалея, что не смог снести все хит-пойнты без остатка, наконечник молота Сиан Пайла еще какое-то время продолжал вгрызаться в грудь Харуюки, но вскоре принялся вращаться в обратную сторону и ушел вверх.

Когда молот покинул заваленную обломками комнату, перед глазами Харуюки осталась лишь небольшая дыра в потолке. Где-то там вдали была крыша, и оттуда слабо доносился голос Сиан Пайла.

– Аа, еще не все срубил. Ну и ладно, все равно осталось минут пять-шесть, время выйдет раньше, чем я его найду и добью. И потом, мне же еще надо будет вызвать и победить «финального босса». А теперь!

Тон его голоса изменился. Он звучал хвастливо – и как-то даже ласково.

– Вы это видели, уважаемые зрители?! Особенно из Синего легиона!!! От меня еще есть польза! Я еще могу нормально сражаться, даже в «Безграничном поле»! Бессмысленно отбрасывать меня всего лишь из-за того, что я слегка перерасходовал очки, не так ли?!

Таку… Такуму… ты…

Перекатываясь под дырой в потолке, как сломанная кукла, Харуюки ощутил горячую влагу на своих щеках. Это были слезы. Впрочем, он сам не очень понимал, чтО оплакивает.

Возможно, он плакал потому, что нечто бесценное сломалось и не подлежало починке, а он и не заметил.

Несмотря на то, что этот бой он не мог проиграть. Несмотря на то, что он обязан был выиграть этот бой ради себя самого, ради Тиюри, ради Такуму – и ради Черноснежки.

Сдерживая боль колоссального раскаяния, Харуюки медленно сел. Со всего тела тут же стали дождем осыпаться на пол осколки брони.

Вставать смысла не было. Готовясь принять свое полное поражение и вернуться к прежнему себе, ничего не знающему про «Brain Burst», Харуюки обхватил колени руками и приготовился ждать, когда выйдет время.

Он начал закрывать глаза – но как раз перед тем, как они закрылись.

В углу полутемной комнаты.

Словно иллюзия, появилась *она*.

Там стояла кровать, по периметру которой торчало множество шипов.

На кровати, окруженное чернильно-черными цветочными лепестками, лежало хрупкое тело.

Платье чернее самой тьмы. Серебряные кружева. Лежащий рядом зонт. И – рассыпавшиеся прекрасные черные волосы, и – кожа белее снега, сияющая в полумраке. И тихо опущенные длинные ресницы.

У меня галлюцинации?

С этой мыслью Харуюки, волоча за собой обломанную ногу, медленно двинулся к шипастой кровати. Но вот он был все ближе, а аватар Черноснежки по-прежнему не исчезал.

Бросив правую руку на край кровати, словно падая туда, Харуюки наконец понял.

Эта комната – палата с микромашинами, где лежит Черноснежка.

И Черноснежка подключена к больничной сети. Поэтому, как только Харуюки начал дуэль, включился режим автоприглашения зрителей и Черноснежка появилась на арене.

– …Семпай.

Пробормотав это слово хриплым голосом, Харуюки протянул свою потрепанную правую руку и осторожно прикоснулся к щеке Черноснежки.

Слова потекли изо рта, будто прорвало плотину. И слезы вновь навернулись на глаза.

– Я… я не смог тебя защитить. Я не смог защитить твою мечту, твое желание. Я не смог сделать то, чего ты от меня ждала.

Слеза, выкатившись сквозь щель в полуразбитом шлеме, упала на щеку Черноснежки, превратилась в крохотную искорку и исчезла.

– «Я смогу измениться»… так я думал. Я смогу измениться с помощью твоих слов, твоей доброты, твоих чувств… Но все напрасно. Это не вина моего аватара… Наверно, он заключает в себя все мое бессилие. И Сильвер Кроу получился таким из-за меня. Потому что я не смотрю на небо, смотрю только под ноги, живу на коленях.

Харуюки осторожно перекатился всем телом и прижался к плечу Черноснежки.

– Я хотел отправиться туда. Туда, где ты… Высоко в небо, где ты так легко машешь крыльями. Выше… быстрее… куда подальше от этого болота, от этой реальности… вдвоем с тобой…

Всхлипнув, Харуюки выдавил последние слова.

– Я хотел… лететь.

…ТУК.

Будто отвечая его голосу, раздался еле слышный звук.

ТУК. ТУК.

Звук доносился из груди Черноснежки, к которой Харуюки припал щекой. Тихий, еле уловимый – но все же этот ритм звучал у нее в груди. Биение сердца.

Сейчас, в ускоренном состоянии, невозможно услышать биение реального сердца. Но это просто не могла быть слуховая галлюцинация. Отчаянно напрягая слух, Харуюки наконец понял.

Это – биение воли Черноснежки. Прямо сейчас она отчаянно сражается. Находясь на грани жизни и смерти, она держится изо всех сил. Эта воля к жизни и превратилась в сердцебиение, доносящееся до Харуюки на виртуальном поле боя.

– …Да, верно… – пробормотал Харуюки. И новые горячие слезинки потекли по его щекам. В голове его эхом прозвучали слова, которые Черноснежка когда-то ему сказала.

«Сила – не просто слово, обозначающее достижение победы».

Я совсем не понимал, что значит быть сильным. Ничегошеньки не зная, я лишь завидовал другим, а сам сдавался.

– «Сила» не в том, чтобы непременно выиграть…

Даже если я уродлив. Даже если я нелеп. Даже если в итоге я проиграю, шлепнусь на землю, в грязь.

Черноснежка, Блэк Лотус, выжила в смертельной схватке с другими королями и, затаив дыхание, укрылась в маленькой сети. Но не из трусости, не потому что она боялась. А потому что она не сдалась. Потому что она никогда не опускала головы.

– …Просто «сопротивляться». Смотреть в небо даже после того, как упадешь на землю… вот единственное доказательство того, что ты сильный. Правильно… семпай?

Ответа не было.

Но Харуюки явственно ощутил сильное биение и в своей собственной груди.

Пульсация его сердца сигналом отправилась в мозг.

И вновь его душа и его воля, готовые противостоять бедам, ускорились.

Пока в его груди остается это биение –

– Я еще могу стоять… я еще могу сражаться!

Эти слова Харуюки выкрикнул, обращаясь и к себе, и к Черноснежке.

Вцепившись правой рукой в край кровати, он вложил все

силы в левую ногу и встал, шатаясь.

Мелкие блестящие кусочки брони снова посыпались с тела. Но пульсация, родившаяся в груди, жарко разошлась по израненным рукам-ногам, заставив их дрожать.

Внезапно –

Множество лучей ослепительно-белого света вырвалось из трещин в броне.

Одновременно с этим броня на спине разом осыпалась; ощущение было такое, будто ее сдуло. Харуюки распахнул глаза и, откинув голову, изогнулся назад.

На ближайшей к нему стене висело большое зеркало. Может, это было волшебное зеркало, которое соединяло эту комнату с соседней – комнатой наблюдения в реальном мире. Сейчас, как и кровать, оно изменилось, обросло со всех сторон черными железными шипами.

В середке зеркала отражалась Черноснежка на окантованной шипами кровати, а рядом – сам Харуюки.

Все его тело было в ужасном состоянии. Левая рука и правая нога отломаны посередине, поперек груди – широкие трещины. Трещины, похоже, были и на спине, и оттуда доносился какой-то хруст. С каждым хрустящим звуком вылетали искры и отваливались крохотные кусочки брони, и –

– ?!

В полном обалдении Харуюки смотрел, как какие-то белые сверкающие штуки медленно-медленно выдвигаются из его спины и справа, и слева.

Это были как будто две тонких, длинных металлических пластины. *Мечи?..*

Едва Харуюки успел так подумать, как две торчащих в стороны металлических штуковины, с шумом вспоров воздух, развернулись, описали полукруг. Десяток тонких металлических игл отделился от основания каждого мечеподобного протуберанца.

Это… это не оружие, а…

…крылья.

Почти секунду Харуюки стоял, застыв на месте.

Горячо!!!

Ощущая страшный жар, расходящийся по всей спине, Харуюки распрямился, будто пытаясь его оттолкнуть.

Стоя на коленях, корчась, он отступил на несколько шагов и съежился, обхватив плечи единственной рукой.

Пожалуй, ощущение было не как от высокой температуры; словно сгусток чистой энергии, запечатанный внутри его спины, извивался, пытаясь вырваться.

– !!!

Плохо. Не могу больше терпеть.

Изогнувшись всем телом, точно натянутый лук, Харуюки задрал голову. Перед его глазами…

…была дыра сквозь все здание, пробитая его телом всего

лишь несколько минут назад. Черная, глубокая дыра, на другом конце которой виднелось маленькое, одинокое желтое пятнышко. Коридор, ведущий в далекое небо.

Оно зовет меня.

Не осознавая, что делает, Харуюки поднял искалеченную левую руку вверх, а правую прижал к телу. Он ощутил, как энергия, бурлящая между лопаток, вдруг резко уплотнилась и сжалась.

На мгновение вернув взгляд к вытянувшейся на кровати любимой…

…Харуюки вновь уставился в небо.

– …Пошёоооооооооол!!!

С этим воплем он выбросил вверх правую руку.

ДОООО!!!

Раздался взрывоподобный звук, и серебряная молния прошила черноту.

Тело Харуюки взмыло вверх, точно выпущенная из лука стрела.

Ффу, фуфуфу…

Каждый раз, когда он пролетал сквозь больничный этаж, воздух со свистом врывался в уши.

Всего за несколько секунд преодолев темный коридор, серебряный аватар вылетел на крышу, но не остановился, а продолжал подниматься вверх. Металлические иглы на спине громко жужжали, и их энергия разгоняла маленькое тело Харуюки, с легкостью преодолевая виртуальную гравитацию и настойчиво толкая его вверх.

Внезапно перед самыми глазами Харуюки возникло черное клубящееся облако.

Но стоило ему прикоснуться к густой черноте поднятым правым кулаком, как облако отпрянуло в стороны, точно монетки, сдутые ветром.

Когда Харуюки поднялся по черному облачному тоннелю, ослепительный бледно-желтый свет ударил его по глазам.

Вынырнув из облачного моря, Харуюки расставил руки-ноги, гася ускорение. Жужжание из высокого стало низким, и Харуюки охватило мягкое ощущение парения, как в самолете, когда он заканчивает взлет.

Медленно паря, Харуюки развернулся на месте.

– …Аах… – вырвалось у него вместе с выдохом.

Его глазам открылась неописуемая картина. Сквозь разрывы в клубящемся море облаков Харуюки видел окрашенный в неяркие цвета гигантский город, тянущийся, насколько хватало взгляда. Вон там Синдзюку, превратившийся в скопление башен-копий,

там густой лес, а вон возвышается здание, похожее на магическую крепость, – видимо, Императорский дворец.

Он посмотрел в другую сторону – там была бескрайняя паутина улиц, покрывающая Сугинами, Митаку и Хатиодзи; а вдалеке – холмы Окутама, а рядом громадная гора, вершина которой тонула в облаках, – скорее всего, Фудзияма.

Наконец Харуюки посмотрел на юг – там ярко сияла сплошная серая поверхность.

Море. Токийский залив. И – бескрайний Тихий океан.

Бесконечность.

– Мир… бесконечен…

Пробормотав эти слова, Харуюки начал медленно снижаться.

Снова опустился в облако, прошил его насквозь и, вылетев снизу, увидел под собой землю.

Спустившись достаточно низко, чтобы видеть детали на улицах под собой, он вновь заставил иглы завибрировать и перестал снижаться.

Всего в тридцати метрах под Харуюки была крыша больницы.

Поле боя, которое он совсем недавно считал большим и широким, отсюда казалось совсем маленьким – хоть в руку бери. И синий великан тоже там был – стоял на краю дыры в крыше, задрав голову и глядя в небо.

Полновесные три секунды Сиан Пайл безмолвно смотрел на Харуюки, словно из него душа выпала.

Потом вяло поднял левую руку и хрипло выдавил:

– Ха… Хару…

Но его слова потонули во внезапно поднявшемся гвалте.

Голоса. Зрители, собравшиеся на крышах зданий, окружающих больницу, и наблюдающие за дуэлью между Сильвер Кроу и Сиан Пайлом, заговорили все разом.

– Он что… он не падает?! Да, он абсолютно парит!!!

– Это не прыжок… он летит?! Не может быть!!!

– Способность к полету… наконец-то она появилась. Гляньте на его крылья!!! Это же «аватар летающего типа»!!!

Харуюки не понимал причину такого переполоха среди зрителей. Он обалдело смотрел сверху вниз. Некоторые из нескольких десятков собравшихся аватаров поднялись повыше, другие потянулись к клавиатурам.

– О нем ничего не известно! Откуда он вообще?! Из какого легиона… кто его Родитель?!

– Б-быстрее свяжись со штаб-квартирой! Ты, разлогинься и все сообщи!!!

– Ты что, шутишь? Черта с два я пропущу то, что сейчас тут будет!!!

Все это напоминало растревоженный улей; а успокоил его внезапно раздавшийся дикий вопль.

– Оо… ооооооо!!!

Раскинув в стороны руки-ноги, ревел Сиан Пайл. От этого крика вздрогнул окружающий воздух – это докатилось даже до Харуюки, парящего высоко в небе.

– Неет!!! Нееееееееет!!!

С металлическим лязгом он навел свой пикомет в правой руке на Харуюки.

– Не смей! Слышишь, не смей!!! Не смей смотреть на меня сверху вниииииииииииииз!!!

Он вопил так, словно собственную кровь выплевывал.

Одновременно раздался еще более громкий лязг, и от заряженной пики во все стороны стали расходиться белые электрические ниточки.

Сиан Пайл стоял, раздвинув ноги, приопустив поясницу и поддерживая пикомет левой рукой, и оставшиеся 40% его шкалы спецатаки разом исчезли.

Понимая, что Сиан Пайл нацелил на него, вероятно, свою последнюю, самую мощную атаку, Харуюки молча поднял правую руку и изо всех сил сжал кулак.

Лишь сейчас он понял, какие «спецатаки» даны ему на самом деле.

«Удар». И «Пинок».

Это его обычные атаки, но в то же время это и суперспецатаки.

С силой отведя сжатый кулак назад, Харуюки раскрыл все иглы и развернулся. Нацелившись на Сиан Пайла, стоящего прямо под ним.

– Па-аааадаааааай!!! «Лайтнинг Сиан Спайк»!!![19]

И как только Сиан Пайл выкрикнул название приема, стальная игла, превратившись в луч света, выстрелилась из его правой руки.

Летя прямо ей навстречу, Харуюки вложил всю силу в крылья; он готовил всего-навсего удар кулаком.

– Уу… ооооооооо!!!

БУММММ!!!

Словно включив ракетный двигатель, Сильвер Кроу понесся вперед, точно световая пуля.

В левом верхнем углу поля зрения зеленая полоска спецатаки начала быстро сокращаться. И в то же время начало разгораться белое сияние вокруг правого кулака.

– ХАРУУУУУУУУ!!! – взревел Такуму.

– ТАКУУУУУУ!!! – точно так же взревел Харуюки.

КИИИИИН!

Харуюки запеленало вырвавшееся из его спины «сверхускорение» – большее, чем обычное ускорение, которое давал «Brain Burst».

Мир изменил цвет.

Харуюки отчетливо видел синее копье Сиан Пайла, летящее снизу ему навстречу, видел сияющее острие копья. Его траектория высветилась перед глазами, как какая-то иллюзия.

Скорость сознания Харуюки превысила скорость вражеской атаки – а эта атака ведь не случайно содержала слово «молния» в названии. Вот какова сила истинного «ускоренного», которого нашла и в которого верила Черноснежка.

Я вижу… я вижу, семпай!!!

Так всей душой молча выкрикнул Харуюки.

Копье ползло медленно.

А Сильвер Кроу летел все быстрее, словно полностью превратился в свет.

Они сблизились, слились – в это мгновение Харуюки чуть-чуть довернул вправо.

Дзыннь!

Царапнув по левому краешку шлема и рассыпав пучок ярких искр, копье пролетело мимо.

В следующий миг.

«Удар» Харуюки вошел глубоко-глубоко в грудь Сиан Пайла.

Потом раздался грохот, и их сцепившиеся тела отнесло назад; в крыше больницы осталась глубокая борозда.

Вмазавшись в стальное ограждение крыши, они разнесли его в клочья и вылетели на воздух.

– Ооооо!!! – взвыл Харуюки и заставил металлические иглы биться.

Могучая подъемная сила подхватила его. Погрузив правую руку в тело Сиан Пайла на всю длину, Харуюки развернулся и понесся вверх – все выше, выше.

За считанные секунды он пробил море облаков и взмыл в желтое небо.

Он снизил разгон, а потом перешел на парение; лишь тогда из-под лежащей у Харуюки на плече маски Сиан Пайла, который, похоже, потерял сознание при ударе, раздался кашель.

– Кха… ффу…

Его громадная фигура вздрогнула, он поднял голову.

И тут же он испустил тоненький вопль – как будто предыдущий яростный рев вовсе не ему принадлежал.

– У… уааа?!. Я… ле… чу?!.

Тряся маской, он принялся орать не переставая:

– Стой, Хару!.. Не… не бросай меня!!! Если я сейчас упаду… я же проиграю…

Полосы хит-пойнтов у них обоих были теперь багровыми, и от них остались лишь поперечные ниточки. Сиан Пайл не дергался – его тело застыло от страха падения; его тон сменился на умоляющий.

– Если… если я проиграю… если я проиграю первому уровню, я потеряю все очки… а тебе можно, ты всего четыре или пять потеряешь! Пожалуйста, пожалуйста, сдайся, Хару! Мне никак нельзя терять «Brain Burst»!!!

– Таку… Такуму…

Прошептав, почти простонав это имя, Харуюки с силой сжал правый кулак, по-прежнему вонзенный в Сиан Пайла.

Что – что ты говоришь после всего, что было!!! Ты пытался забрать все очки Черноснежки… ты пытался стереть ее «Brain Burst» и ее единственное желание в жизни!

Сейчас ему стоит чуть-чуть изменить положение руки – и туша Сиан Пайла, лишившись поддержки, рухнет на землю с высоты. Такуму потеряет около сорока очков, и его «Brain Burst» автоматически деинсталлируется. И – он никогда уже не сможет атаковать Черноснежку из локальной сети.

Харуюки заскрипел зубами, так что они едва не раскрошились.

Все его тело задрожало; а потом кратковременная жажда крови пронзила его от головы до пальцев ноги и ушла.

Голос, выдавленный им сквозь стиснутые зубы, звучал надтреснуто, по-чужому.

– …Ты признаешь, Таку?

– …Ч-что?..

– Тебе никогда не победить меня в ускоренном мире. Ты признаешь это, Таку!!!

Секунда тишины.

Слова, вернувшиеся к Харуюки сквозь сцепившиеся тела, прозвучали тихо, словно что-то рухнуло.

– …Да. Ты прав… Как и ожидалось, я не могу тебя победить. Как во всех остальных играх, в которые мы играли когда-то…

Харуюки сделал глубокий вдох, потом выдох. И таким же тихим голосом произнес:

– Значит… мы с тобой одинаковые.

– ?!. Ч-что?..

– В реальном мире я не могу выиграть у тебя. Но здесь, в этом мире, ты не можешь выиграть у меня. Мы одинаковые. Вот почему… вот почему.

Замолчав, Харуюки в упор посмотрел в бело-синие глаза под

маской Сиан Пайла, потом продолжил:

– Вот почему… я хочу, чтобы ты стал моим союзником… моим товарищем. Таку. С сегодняшнего дня, как и я, подчиняйся *ей*, сражайся вместе с нами.

Такуму ничего не ответил, лишь резко втянул воздух. После короткой паузы хриплый стонущий голос прозвучал из щелей маски.

– …Не валяй дурака, Хару, ты ведь сам знаешь. Твой Родитель… Блэк Лотус, которая пытается прятаться и на которую охотится мой легион, – главная предательница ускоренного мира! То есть… сражаться вместе с ней – это значит…

– Вот именно. Нам придется победить «шестерых королей чистых цветов». И этого нечего бояться. Знаешь, я тебе скажу кое-что хорошее… Такие вещи – самое важное, что есть в играх.

После этого заявления Такуму замолчал надолго.

В словах, произнесенных им несколько секунд спустя, звучал оттенок насмешливого презрения к самому себе.

– …Хару, неужели ты до сих пор мне веришь? Даже если я сейчас скажу «да» – ты собираешься поверить моим словам, вот так, безо всяких оснований? Словам человека, который нарушил закон своего легиона, нарушил правила «Брэйн Бёрста» и предал обоих своих друзей?

– Когда это кончится, мы расскажем Тию все.

После мгновенного ответа Харуюки Такуму в который уже раз за сегодня потрясенно ахнул.

– Э?!.

– Про «Брэйн Бёрст», про нашу дуэль, и… про чувства, которые мы оба прятали. Мы расскажем ей все.

Подняв глаза к простирающемуся в бесконечность небу, Харуюки медленно продолжил:

– Скорее всего, с этого нам и надо будет начать. До сих пор мы все трое прятали друг от друга то, что не должны были прятать. Мы сомневались в том, в чем не должны были сомневаться. Мы должны начать заново… с какого-то места.

– …Начать заново… Хару, ты серьезно думаешь, что это возможно? Ведь я… я в нейролинкер Тию… – дрожащим голосом проговорил Такуму. Харуюки легонько обнял его культей левой руки.

– Она до смерти разозлится, да. Она будет на нас орать, будет бушевать… но в конце концов она нас простит. Она же Тию.

Произнеся эти слова со смешинкой в голосе, Харуюки начал медленно снижаться.

Вернувшись на крышу и освободившись от правой руки

Сильвер Кроу, Сиан Пайл с трудом отошел на несколько шагов и со стуком уселся.

Харуюки кинул быстрый взгляд на счетчик времени. Через две минуты с небольшим эта долгая дуэль наконец завершится.

На всякий случай он кликнул по полоскам хит-пойнтов – там оставалось абсолютно одинаковое количество. Если до конца дуэли ничего не изменится, она завершится вничью, и оба останутся при своих очках.

Снова взглянув на Сиан Пайла, который неподвижно сидел, повесив голову, Харуюки подумал:

Может, я… ошибся?

Может, мне надо было безжалостно бросить Такуму на землю, чтобы не оставить ни малейшего шанса, что он нарушит обещание и нападет на Черноснежку?

Нет – неверно. Сомневаться в других или верить в других – это то же самое, что сомневаться в себе или верить в себя.

Я верю в себя, решившего поверить в Такуму.

Это ведь правильно, да?..

Так спрашивал голос его сердца. И вдруг –

С тяжелым металлическим лязгом за его спиной раскрылись двери лифта.

Харуюки сжался всем телом; но, еще оглядываясь, он уже знал, кого там увидит; он верил.

Это не мог быть новый враг. Поскольку сражаться на этой арене могли лишь Харуюки и Такуму.

И это не мог быть какой-то незнакомый дуэльный аватар. Просто незачем было постороннему зрителю выходить на крышу из больницы.

Но когда Харуюки убедился, что угадал, собственными глазами, у него перехватило дыхание, грудь наполнилась чем-то горячим и из глаз потекли слезы.

Идеальная чернота, словно сама суть тьмы. Ослепительная серебряная белизна по краям.

Чересчур сильный холодный ветер трепал длинные волосы и подол юбки, перебирал бубенчики, украшающие зонт.

– Сем… па…

Его сдавленный голос дрожал, как у маленького ребенка.

Глядя на Харуюки, который, волоча сломанную ногу, сделал ей навстречу шаг, потом еще –

Черноснежка склонила голову набок и улыбнулась.

– Семпай!!!

Наконец-то позвав ее нормальным голосом, Харуюки с рваным звяканьем побежал, насколько вообще был способен бежать.

Черноснежка тоже побежала ему навстречу, цокая каблучками.

Без страха, без колебаний Харуюки раскинул руки – и они с Черноснежкой очутились в объятиях друг друга.

Изо всех сил обнимая ее мягкое, сладко пахнущее тело, Харуюки прорыдал:

– Ты… ты пришла в себя… Слава богу… я верил… я верил, что ты непременно вырвешься… я так рад… правда…

Держа Харуюки в объятиях, словно обволакивая, Черноснежка прижалась к нему щекой; она не произносила ни слова.

Наконец в ушах Харуюки раздался ее шепот – такой же влажный, как его.

– …Я была в темноте – ни на земле, ни на небе… и слышала только твой голос. Ты… защищал меня, да? Так изранился…

Ее правая рука ласково погладила изборожденное тело Сильвер Кроу.

– Так изранился… спасибо… спасибо тебе, Харуюки-кун.

– Нет… это семпай меня защитила. Потому что я услышал твои слова… что ты веришь в меня… именно поэтому… я смог взлететь.

Черноснежка молча кивнула несколько раз, потом вытянула руку и осторожно погладила тонкие крылья за спиной Харуюки.

– Какие красивые… вот она какая, твоя сила, потенциал, который прятался внутри Сильвер Кроу. До сих пор… не существовало ни одного дуэльного аватара с настоящей способностью к полету. Я знала, что предчувствие меня не подведет. Ты тот, кто способен изменить этот мир.

Затем она медленно опустила маленькое тело Сильвер Кроу на крышу.

Наклонив голову и глядя на Харуюки с улыбкой, сказочная принцесса с воздушной фигуркой заговорила голосом, в котором слышна была самая капелька силы.

– Похоже, пришло время… Пора и мне выбраться из мирного кокона и еще разок попробовать добраться до неба.

Потом она отвела взгляд и посмотрела мимо Харуюки. Сиан Пайл, по-прежнему сидящий там, где его оставили, лишь поднял глаза и смотрел на Харуюки и Черноснежку исподлобья.

– Перед тобой… я тоже должна извиниться, Сиан Пайл.

Слова Черноснежки стали для Харуюки неожиданностью.

– Я много раз делала посмешище из дуэли с тобой, это было позорно с моей стороны. Сейчас я покажу мою истинную форму. И если ты пожелаешь, я встречусь с тобой лицом к лицу и буду сражаться в полную силу.

Подняв правую руку, она проворно понажимала что-то на

виртуальной клавиатуре.

ПЗЗ. ПЗЗЗЗЗЗ!

Аватар сказочной принцессы внезапно окутали черные молнии.

Прямо перед глазами поспешно отступившего на несколько шагов Харуюки ее силуэт окутался фиолетовым свечением и начал постепенно меняться. Юбка, едва не касавшаяся крыши, укоротилась и расщепилась на острые, зазубренные пластины. Руки и ноги стали идеально прямыми, ладони и ступни сжались, став тонкими, как иглы.

Длинные волосы обратились в свет и исчезли, на их месте возникла маска, смахивающая на хищную птицу с крыльями за спиной – и наконец с последними электрическими звуками все визуальные эффекты пропали.

Перед Харуюки, словно высеченный из черного хрусталя, стоял прекрасный, невообразимо прекрасный дуэльный аватар.

Форма тела напоминала ту, что у Сильвер Кроу.

Но этот аватар был довольно рослым, больше 170 сантиметров. Элегантное, хоть и образованное в основном прямыми линиями, тело покрывала черная броня, от которой исходило ощущение прозрачности. Тело это было стройное, словно кукольное, а вокруг пояса на нем была броневая юбочка, напоминающая цветок черного лотоса.

Но в первую очередь взгляд падал на конечности аватара. И руки, и ноги представляли собой устрашающе длинные и острые мечи. На ветру арены клинки издавали еле слышный холодный звон. Они ярко сверкали; казалось, они способны рассечь абсолютно все, к чему прикоснутся.

На передней части головы, имеющей форму откинутой назад буквы V, были абсолютно черные зеркальные очки. И за этими очками с вибрирующим «уиииин» вспыхнули два ярко-сиреневых глаза.

Харуюки стоял неподвижно, словно лишился души. Судя по фигуре Сиан Пайла, тот был в примерно таком же состоянии. Даже не столько эта жестоко-прекрасная фигура – их обоих потрясла безграничная мощь, вдруг выросшая из первоначального нежного черного аватара.

Харуюки был абсолютно убежден, что, если ему придется сражаться с *этим*, его мгновенно изрубят в клочья – он и глазом моргнуть не успеет, как исчезнет, рассыплется.

Наконец Харуюки удалось выдавить из груди голос, похожий на вздох.

– Он… красивый. Очень… красивый. Семпай говорила, что он уродливый, но… ничего же подобного…

– Хмм… вот как…

Лишь голос остался прежним, Черноснежкиным.

– Даже несмотря на то, что у меня нет рук, чтобы держать кого-то…

Договорить она не успела.

ДО О О О О!

Вновь со стороны зрителей раздался взрыв потрясенных воплей.

– У, уоооо! Оооо?..

– Это… этот дуэльный аватар!!!

– Блэк Лотус! Черный король! Она здорова!!!

Пожалуй, сейчас они вопили вдвое громче, чем когда увидели полет Сильвер Кроу.

Черноснежка огляделась и, легонько пожав плечами, произнесла:

– А теперь… Сильвер Кроу. Подними меня, пожалуйста, в воздух.

– Э, ага… да.

Какой бы мощью она ни обладала, вес ее не мог быть больше, чем у Сиан Пайла. Однако же легко сказать «подними меня»; а как ему?..

С тихим вибрирующим звуком Черноснежка, паря над самой крышей, пододвинулась к ошарашенному Харуюки, затем повернулась направо и небрежным движением подняла руки, одновременно чуть опустив поясницу.

Словно приглашая Харуюки понести ее на руках.

Хотя в голове у него было лишь «Э?», Харуюки чувствовал, что здесь и сейчас сбежать он не имеет права. Роняя капли пота со шлема – по крайней мере так ему казалось, – Харуюки неуклюже вытянул руки вперед и подставил под спину и бедра Черноснежки.

– Позаботься обо мне.

Произнеся эти слова чуть игривым тоном, Черноснежка вверила свое тело рукам Харуюки. Под взглядом Такуму, в котором Харуюки уловил (или ему показалось, что уловил) насмешку, он собрал волю в кулак и поднял аватар из черного хрусталя. К счастью, Черноснежка оказалась даже еще легче, чем он ожидал; Харуюки, заставив иглы за спиной завибрировать, оттолкнулся от крыши здоровой ногой.

Со звуком «гюуууу!» он несильно ускорился и полетел вертикально вверх.

Черноснежка в его объятиях, изгибая спину и шею, чтобы получше рассмотреть улицы внизу, шепотом воскликнула:

– Это… потрясающе! На такое и подсесть можно… В

следующий раз я хочу устроить дуэль через Прямое соединение и летать все полчаса… ой, уже достаточно высоко.

– Да, – кивнул Харуюки и перешел на парение.

На самом деле они были не так уж высоко. Внизу можно было ясно видеть множество дуэльных аватаров, которые глядели на них с окрестных крыш, задрав головы.

Черноснежка сделала долгий, глубокий вдох и –

Ее громкий, полный достоинства голос, казалось, разнесся до самого горизонта.

– Слушайте все!!!

И мгновенно вся арена затихла.

– Слушайте, Бёрст-линкеры из легионов шести королей!!! Я – Блэк Лотус!!! Я бросила вызов власти королей-тиранов!!!

Клубящиеся черные облака съежились, даже ветер затаил дыхание. Двигался лишь таймер, на котором оставалось всего десять секунд. Посреди всеобщего молчания по миру разнеслось:

– Я и мой легион «Нега Небьюлас»[20] вновь выходим из глубины сети, где мы прятались. Мы уничтожим этот фальшивый мир!!! Поднять мечи! Зажечь костры! Время сражаться – пришло!!!

Глава 9

Поздняя осень, и погода соответствующая.

Кстати, а какой сейчас месяц?

Задавая себе этот вопрос, Харуюки шел в больницу по давно уже привычной дорожке. Он заметил, что звук его шагов участился. *Я весь вспотею, когда доберусь.* Впрочем, остановить себя этой мыслью он не смог.

Сегодня Черноснежку наконец-то перевели из палаты интенсивной терапии в обычную.

В палату интенсивной терапии посетителей, естественно, не пускали, так что лицом к лицу Харуюки и Черноснежка в последний раз виделись три недели назад. Ничего удивительного, что сейчас ноги сами его несли.

Он выбежал из школы сразу же, как только кончились уроки, так что ноябрьское солнце висело еще высоко, и Харуюки ощущал спиной его теплые лучи. Готовые на все журналистки из школьной газеты, пронюхав откуда-то насчет Черноснежки, поджидали его в засаде у ворот школы, но он включил свой подзаржавевший в последнее время навык «сматывания удочек» и каким-то чудом ускользнул за пределы школьной сети.

Он с радостью вспоминал вчерашний день, воскресенье, когда впервые за долгое время трое старых друзей играли вместе.

Если не считать одного момента, когда Харуюки имел неосторожность подключиться к туристической сети во время подъема на Новую Токийскую телебашню и был вызван на дуэль (которую он выиграл, воспользовавшись преимуществом высоты), день прошел очень классно и без малейших неприятностей.

После решающей битвы трехнедельной давности Харуюки и Такуму в тот же день вместе пришли к Тиюри и там, в ее комнате, рассказали ей все – абсолютно все.

Почему Такуму признался ей два года назад, почему Такуму с тех самых пор постоянно бился лбом об стенку, почему Харуюки и Такуму только что дрались друг с другом, вываливая наружу самые глубокие свои чувства.

Тиюри долго отказывалась верить в существование «Brain Burst».

В конце концов Харуюки и Такуму «ускорились» и быстро сделали всю домашку, которую в тот день задали Тиюри, – тогда она признала, что все это правда; однако затем возникло еще более серьезное препятствие.

Когда Такуму рассказал о бэкдоре, который он получил от

своего Родителя – синего Бёрст-линкера, капитана своей секции кендо, – и о том, как он заразил им нейролинкер Тиюри, та взорвалась с мощностью, в несколько раз превзошедшей ожидания Харуюки, и вышвырнула их обоих из комнаты с воплями, что она их ненавидит и их дружбе конец.

Всю следующую неделю Тиюри с ними не разговаривала; однако она провела это время, размышляя над чувствами Такуму со своей колокольни, и решила в конце концов, что отчасти и по ее вине Такуму сделал все это. Так что она простила Харуюки и Такуму с условием, что они купят ей столько самых дорогих парфе[21], сколько она сможет съесть.

Откровенно говоря, Тиюри и Такуму и сейчас еще держались друг с другом немного скованно.

Но Харуюки верил, что со временем все уляжется.

Потому что Харуюки и Такуму спустя десять лет наконец-то стали относиться друг к другу так, как хотела Тиюри, – как настоящие лучшие друзья.

Нет – даже больше, чем лучшие друзья.

Сейчас Сиан Пайл и Сильвер Кроу образовали тандем и плечом к плечу сражались в легионе Черноснежки.

Зарегистрировавшись в больничной сети и поздоровавшись с медсестрой, с которой он за это время полностью подружился, Харуюки на предельной разрешенной скорости направился к палате на верхнем этаже больницы.

Выйдя из того самого лифта, которым он воспользовался во время дуэли, Харуюки направился вдоль линии-указателя к нужной палате (номер он уже получил по е-мэйлу).

В руке он держал букет, состоящий из только начавших распускаться цветов розовой гипсолюбки и тропических водяных лилий – их цвет был ближе всего к черному из всего, что он смотрел. Сейчас был не сезон, так что цена была запредельной, и он потратил все свои жалкие сбережения, которые откладывал на покупку новой игры; но все равно желание купить ее уже пропало. Потому что более интересной игры, чем «Brain Burst», в мире просто не могло существовать.

Всего через несколько минут ходьбы линия-указатель перед его глазами стала совсем короткой и кончилась.

Он стоял в юго-восточной части верхнего этажа, а прямо перед ним была дверь одноместной палаты.

– Эмм…

Харуюки сглотнул и принялся прокручивать в голове слова, которые он сейчас скажет.

«Поздравляю»… пойдет? Нет, ее же пока не выписали, так что

это будет немного странно. «Молодец»… ни в коем случае. «Давно не виделись»… тоже не годится. Я ведь каждый день встречаюсь с ней в сети. Эммм, аааах, что же мне делать?

Шшух.

Дверь перед ним внезапно скользнула вбок, и Харуюки в замешательстве отпрыгнул.

Изнутри раздался сердитый голос:

– Эй, сколько еще ты собираешься заставлять меня ждать? Быстро давай заходи!

– С… слушаюсь!

С этим жалким возгласом Харуюки на ватных ногах прошел в дверь, изо всех сил втягивая голову в плечи.

Услышав звук закрывшейся за ним двери, он осторожно поднял глаза.

И тут же – вся просторная палата, панорама за окном, даже большая кровать – все это исчезло.

Перед глазами Харуюки была лишь девушка, которую он не видел живьем уже три недели, – девушка в миленькой розовой пижаме и черной кофточке.

Она, похоже, немного похудела. Кожа, и прежде белая, потеряла еще больше цвета и стала почти прозрачной; волосы, всегда переливавшиеся шелковой волной, были собраны в две толстые косы; левая нога была целиком в гипсе.

Но.

Эти глаза – большие черные глаза, словно запечатлевшие в себе черноту ночи, приветствовали Харуюки таким же сиянием, как и прежде.

С улыбкой, подобной только что распустившемуся цветку, Черноснежка чуть хрипловатым голосом произнесла:

– Привет… давно не виделись, Харуюки-кун.

– А-ага.

Все слова, которые он продумывал, из головы вылетели начисто; Харуюки лишь кивнул и заморгал.

Секунд десять они просто смотрели друг на друга; наконец Харуюки пришел в себя и, сделав несколько шагов вперед, протянул букетик.

– Э… это, пожалуйста, возьми, хоть он и маленький.

– Спасибо, – сказала Черноснежка и взяла букет в руки. Поднесла к лицу и вдохнула аромат.

– «Блэк лотус», да. Буду ждать с нетерпением, когда они распустятся. Прости, ваза вон там, не мог бы ты налить воду и поставить цветы?

– Нет проблем!

Харуюки взял вазу с прикроватного столика и набрал воды

из-под крана в углу палаты, потом поместил в вазу свой букет и вернулся обратно.

Вновь повисло молчание.

Первой разорвала их сцепившиеся взгляды Черноснежка. Внезапно надев строгое выражение лица, она негромко откашлялась и твердым голосом произнесла:

– Так… хочу услышать от тебя отчет по вопросу, о котором мы говорили раньше. Садись вот сюда, пожалуйста.

– А… ага.

Верно, ситуация не располагала к веселью и игривости.

Так Харуюки подумал, осторожно опускаясь на стул для посетителей, однако все равно ему стало капельку грустно.

Повозившись с виртуальным рабочим столом, он переслал всю информацию, которую успел раздобыть, Черноснежке.

– Эммм… как я говорил уже, Родитель Таку втайне ото всех раздал нескольким своим подчиненным программу-бэкдор, но на прошлой неделе вышел патч для дуэльного сервера, и этот бэкдор теперь бесполезен. Родителя, похоже, в Синем легионе «казнили»… то есть отобрали все очки. Однако, судя по всему, он так и не признался, кто написал программу…

– Пфф, понятно.

Черноснежка коротко выдохнула и откинула голову на скрещенные за затылком руки.

– Скорее всего, она пришла откуда-то от желтых. Интриги – их стихия. Вместо того чтобы пользоваться ей самим, они протестировали ее на высокопоставленном члене враждебного легиона. Ладно, когда-нибудь я собственными руками сдерну с них покрывало.

Черноснежка пробормотала эти слова угрожающим тоном и одновременно шевельнула пальцем правой руки, имитируя движение меча; потом ее выражение лица изменилось, и она посмотрела на Харуюки.

– А как дела у нашего легиона?

– Ну… можно сказать, приемлемо. Нам удалось взять под контроль Третью и Четвертую «боевые зоны Сугинами».

– Фу-фу-фу, какая маленькая территория. Но все равно это великолепно. Для легиона всего из трех человек – в самый раз.

Плечи Черноснежки слегка задрожали, и она рассмеялась.

Черный легион, «Нега Небьюлас». Говорят, раньше это была колоссальная армия, не уступающая легионам других королей; однако после событий двухлетней давности он рассыпался и перестал существовать. После недавнего заявления Черноснежки он блестящим образом возродился – однако на этом хорошее и закончилось. Как-никак, состоял он всего из трех человек –

Черноснежки, Харуюки и Такуму; более того, сильнейший член мятежного легиона, Блэк Лотус, пока что не могла участвовать в битвах. Все силы уходили лишь на то, чтобы защищать область вокруг Средней школы Умесато.

Словно угадав мысли Харуюки, Черноснежка улыбнулась и сказала:

– Не унывай так. Не нужно быть нетерпеливым… мы будем потихоньку набирать себе товарищей и расширять территорию.

– Да… ага, – кивнул Харуюки и сунул руку в карман школьной формы, чтобы достать платок и вытереть пот, который лил с него от волнения, вызванного долгожданной встречей. Однако вместо платка его пальцы нащупали что-то другое.

Он вытащил предмет, о котором начисто забыл. Это была ученическая книжка в синем переплете, которая уже не использовалась и не будет использоваться по прямому назначению. Черноснежкина.

– А… да, во, это было у меня. Теперь возвращаю ее тебе.

Черноснежка смотрела на протянутый им блокнот, пока он говорил эти слова, не особо над ними задумываясь, и –

Несколько раз моргнула, потом ее рот приоткрылся и кровь прилила к щекам.

Схватив книжку – практически вырвав ее у Харуюки, – Черноснежка прижала ее к груди и опустила голову.

– …Ты в нее заглядывал?

Вопрос прозвучал едва ли не беззвучно.

Лишь тут до Харуюки дошло, почему Черноснежка так странно среагировала.

– Да! Нет, да, нет, то есть, эмм, это… я… я заглянул…

Атмосфера в палате, казалось, заледенела.

Потом эту сверхнаэлектризованную атмосферу разорвала короткая фраза.

– Забудь.

– …Хаа?

– Сотри из памяти и никогда не вспоминай. Если хоть раз на эту тему пикнешь, испытаешь на себе мою спецатаку девятого уровня.

Иишши?!

Сглотнув, Харуюки отчаянно замотал головой.

– Не буду говорить, не буду помнить! Все, я забыл, я вот прямо сейчас начисто забыл!

Задрав нос, Черноснежка искоса смотрела на Харуюки, с которого градом лил пот.

Потом вздохнула, словно говоря «ох уж», и улыбнулась.

– Ох уж… хоть ты и Сильвер Кроу, ставший уже знаменитостью в ускоренном мире, а все равно ты такой же, каким был, Харуюки-кун.

Чувствуя, как из плеч уходит напряжение, Харуюки ответил:

– И, и Черноснежка тоже такая же, как была, ты так же пугаешь… Блэк Лотус-сан.

– Как грубо. Я всегда добрая… а кстати, Харуюки-кун, – Черноснежка кашлянула, и ее манера совершено изменилась – на лицо вернулась мягкая улыбка. – Не пора ли перестать обращаться ко мне по прозвищу и начать звать по настоящему имени?

– А… ага… да.

Харуюки кивнул.

И вдруг понял.

Понял нечто настолько невероятное, что даже содрогнулся.

– Аа… эмм.

– Хмм?..

– Я… я… не знаю… настоящего имени семпая…

ДЗЫНЬ.

Мир будто застыл, стал таким же твердым и плотным – нет, даже еще более твердым и плотным, чем когда Харуюки «ускорялся».

Но вскоре он растаял в смехе Черноснежки, к которому примешался вздох.

– Ну ты даешь… ты же заглянул в мою книжку?

– А… это… ну, я только один раз по-быстрому…

– Хи-хи. Это действительно совсем в твоем стиле, Харуюки-кун. Ладно, тогда я представлюсь еще раз. Хотя мое имя не очень отличается от прозвища.

Тихий ветерок ворвался сквозь приоткрытое окно, и по

палате расплылся аромат черных лотосов.

Распрямив стройное тело и сложив руки перед грудью, красавица экстра-класса, мятежный Черный король, ясным голосом произнесла:

– Меня зовут –

Послесловие автора

Не знаю, когда это началось, но за что бы я ни брался, всегда заранее готовлюсь к разочарованию и неудаче.

Это не нечто клевое, вроде «всегда ждать худшего и быть наготове». Дело в том, что, когда сдаешься в самом начале и потом привыкаешь сдаваться, тратишь на все меньше энергии.

В октябре 2007 года, когда я начал писать эту историю, я тоже думал, что все равно не сумею ее дописать; и я был абсолютно уверен, что даже если допишу, то процесс сокращения и редактирования в соответствии с требованиями конкурса «Денгеки» никогда не кончится; так что я продолжал повторять себе, что просто невозможно пройти сквозь все экзамены, ожидающие меня на каждом уровне, после того как я подал заявку на участие.

Так что я совершенно ничего не делал (например – не писал послесловие) на случай победы в конкурсе и издания своего произведения; и теперь я в полной растерянности, честно. Я хотел бы написать сочную заметку, полную яркого подтекста, волн мучительного пафоса среди потоков искрометного юмора, но ни на что из этого мне не хватает вдохновения, так что просто напишу о том, что я сейчас чувствую.

Для меня уже то, что я сумел дописать эту историю, – настоящее чудо.

Поэтому я и представить себе не мог, что минимальная вероятность того, что мне придется писать еще и послесловие к бумажному изданию (вроде как продолжение истории), возьмет и превратится в реальность.

Главный герой «Ускоренного мира», Харуюки, тоже из числа тех, кто не пытается всеми силами достичь чего-то. Но он решительно отличается от меня тем, что Харуюки прилагает все мыслимые усилия к тому, чтобы продолжать убегать, с потрясающим упорством поворачиваться к реальности спиной.

Я убежден: независимо от направления вектора, если прикладывать силу, рано или поздно что-то произойдет. Я не пытаюсь проводить параллелей с серьезным настроем Харуюки, но, если и была какая-то причина моей чудесной победы, это – та небольшая энергия, которую я скопил, пока отворачивался от реальности.

Прежде чем неприглаженный конкурсный манускрипт превратился в книгу, которую вы держите в руках, мне оказало колоссальную поддержку множество людей.

Минору Каваками, который, хоть и постоянно давил на меня и требовал объяснений, дал много ценных советов относительно сцен сражений. Благодаря этому у меня получился «Ускоренный мир, редакция Каваками», и это – настоящее сокровище.

ХИМА-сан, блестяще нарисовавшая главного героя, насчет которого у меня были опасения, что читателям будет трудно представить его себе. Благодаря ей и другие персонажи тоже ожили, будто с самого начала именно такими и были, и задвигались ровно так, как я это себе и представлял.

Мой редактор Кадзума Мики-сан, который доброжелательно, вежливо и терпеливо направлял меня, новичка, абсолютно слепого в этой области, но при этом не очень-то послушного. Чтобы ваша редакторская сила работала на полную мощь, я намереваюсь продолжать и дальше стучать по клавишам изо всех сил.

Множество людей, поддерживавших меня по Интернету эти долгие семь лет. Ваша поддержка привела меня туда, где я сейчас есть.

И, наконец, моя огромная признательность вам, дочитавшим книгу до этой строки.

Благодарю вас от всей души.

28 ноября 2008 года, Рэки Кавахара

notes

1

Якисоба – жареная пшеничная лапша. *Здесь и далее – прим. Ushwood.*

2

Бэнто – в Японии однопорционная упакованная еда; традиционно включает в себя рис, рыбу/мясо и овощи в общей коробочке с крышкой. Типичный обед «на вынос» школьников, студентов и офисных работников.

3

Direct Link – англ. «прямое соединение». Все голосовые команды отдаются на английском.

4

В апреле в Японии начинается учебный год.

5

С японского прозвище «Куроюкихимэ» дословно переводится как «Принцесса Черноснежка». Однако тут явный намек на Сироюкихимэ – так по-японски звучит имя «Белоснежка», безо всяких «принцесс».

FPS – First Person Shooter, стрелялка от первого лица.

7

Название «Brain Burst» можно перевести как «разгон мозга».

Синай – бамбуковый (сейчас их делают и из углепластика) меч, применяемый в кендо.

9

Обычно в Японии начальная, средняя и старшая школы – это разные школы, в каждую из которых надо сдавать вступительные экзамены. Однако есть и школы всех ступеней (называемые еще «школами-эскалаторами»), в которых дети учатся с младшешкольного возраста до поступления в ВУЗ.

10

NPC – Non-Player Character, т.е. игровой персонаж, управляемый компьютером, а не игроком.

11

Silver Crow – (англ.) «Серебряная ворона». Ash Roller – «Пепельный роллер» (или гонщик, или любое производное от глагола to roll, «катиться»).

12

Black Lotus – (англ.) «Черный лотос».

13

Косиэн – стадион, где проводятся ежегодные чемпионаты по бейсболу среди учеников старших школ.

14

Фраппе – коктейль на основе кофе, мороженого и/или холодного молока, сиропов.

15

Cyan Pile – (англ) «Голубая пика». Вообще-то слово «cyan» правильно произносится [сайен], но здесь его произносят [сиан].

16

Physical full burst – (англ.) здесь: полное физическое ускорение.

17

Splash stinger – (англ.) «жалящие брызги».

18

Spiral gravity driver – название приема можно перевести с английского как «Гравитационный бур».

19

Lightning Cyan Spike – (англ.) «Голубая пика-молния».

20

Nebula – (лат. и англ.) «туман», «туманность». Слова Nega я в европейских языках не нашел, но в латыни есть слово Nego – отрицать.

21

Парфе – холодный десерт из замороженных взбитых сливок с сахаром. В зависимости от конкретного рецепта туда могут добавляться также мороженое, ваниль, фрукты, шоколад и т.д.